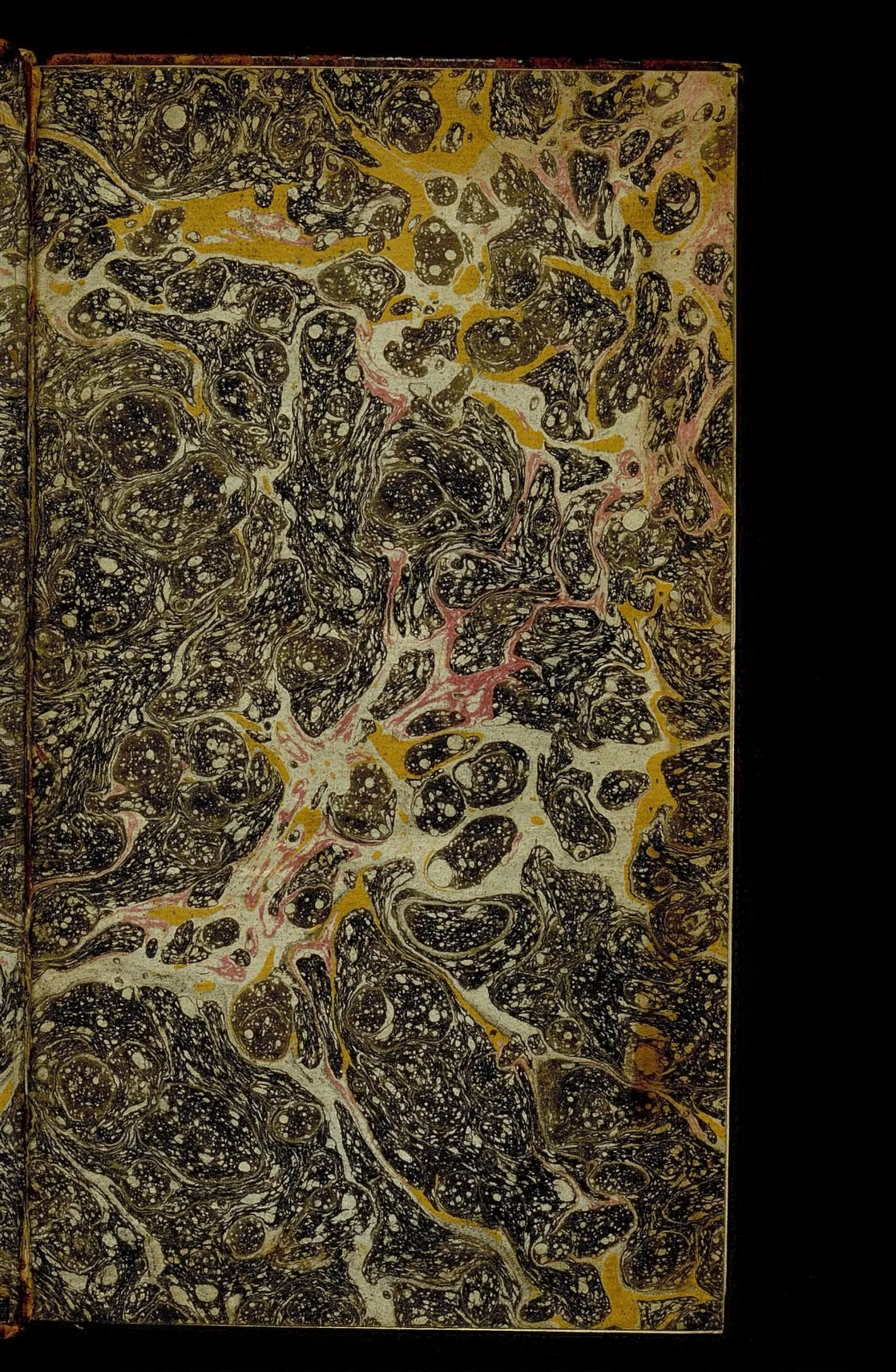
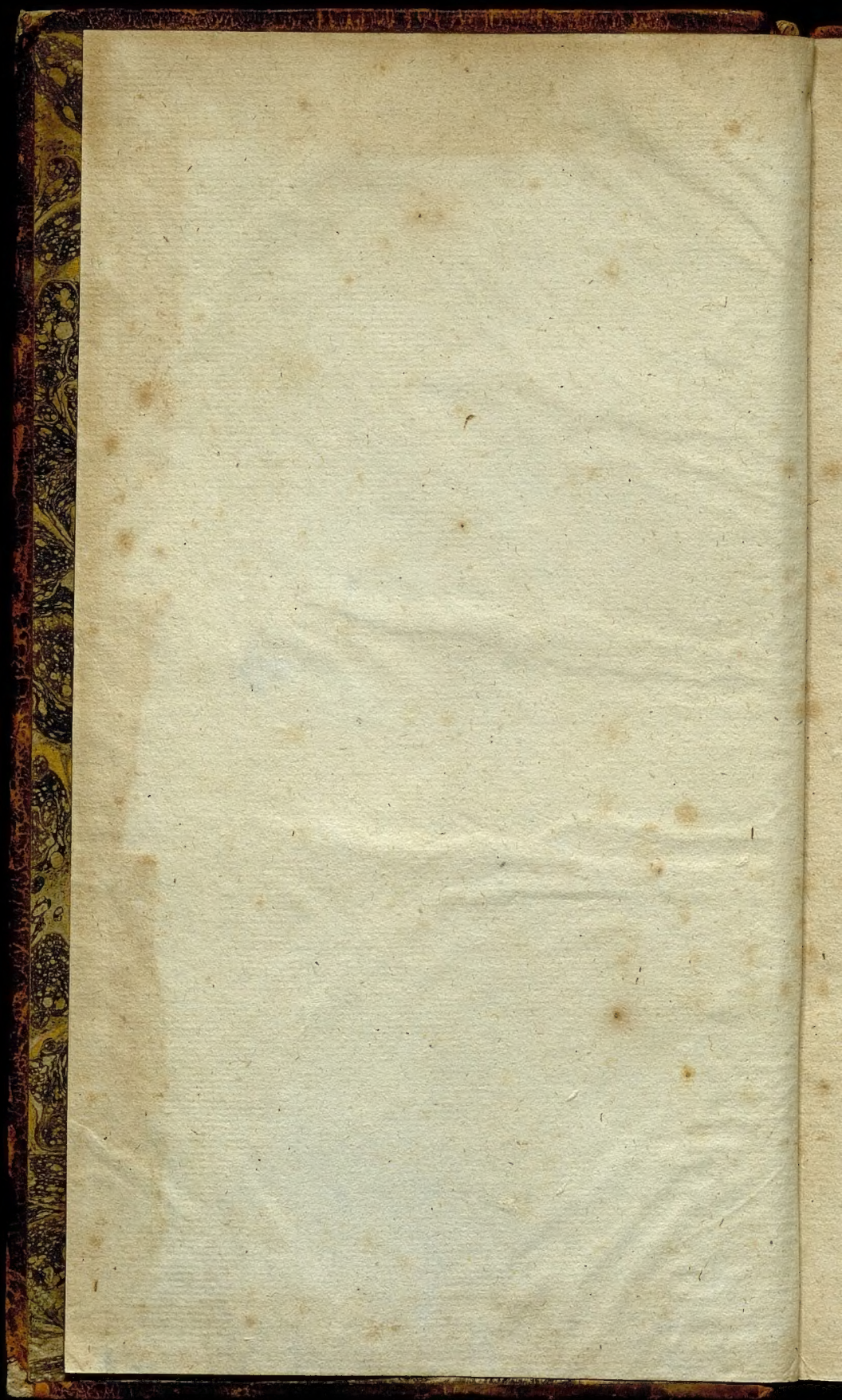
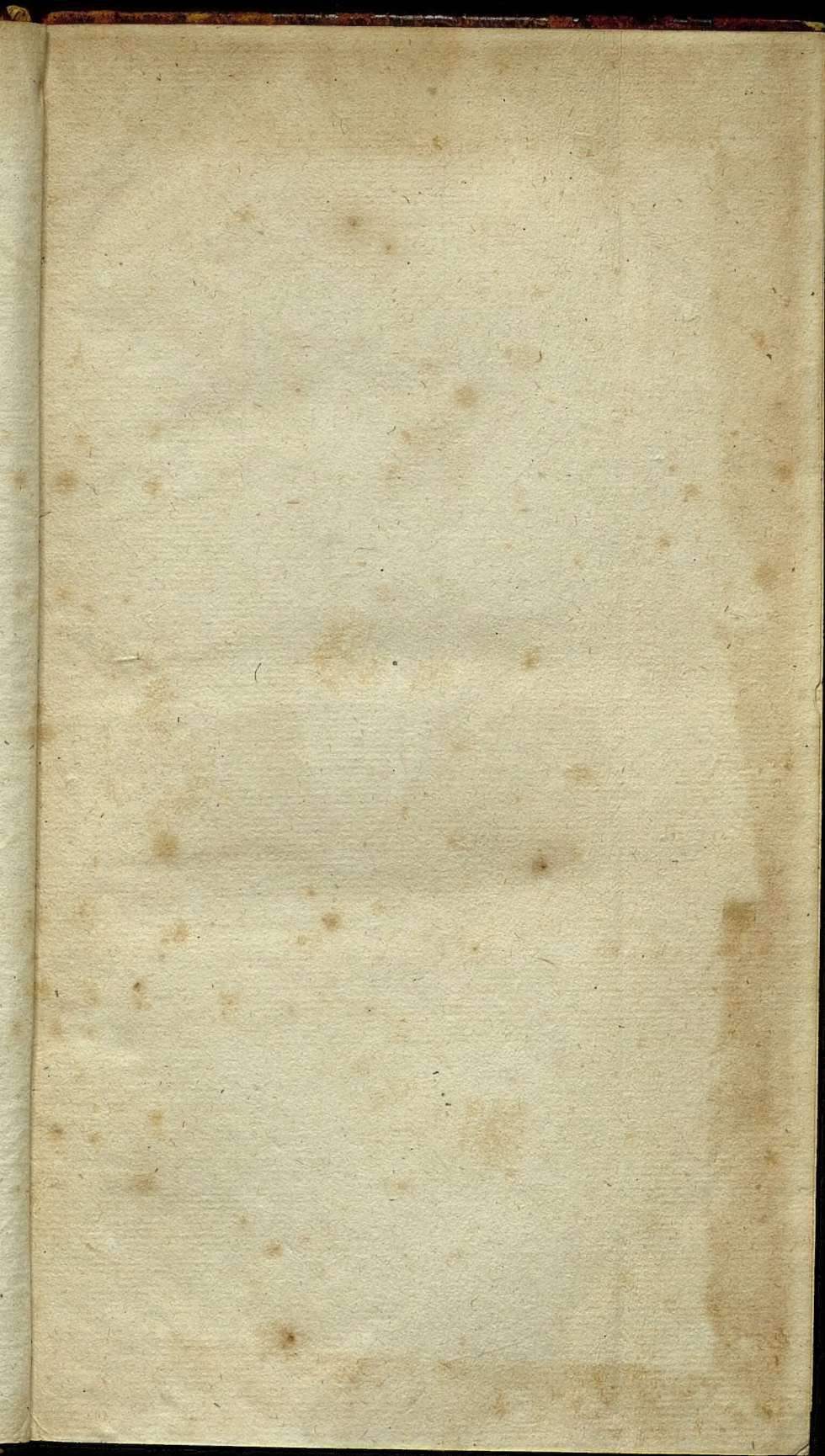

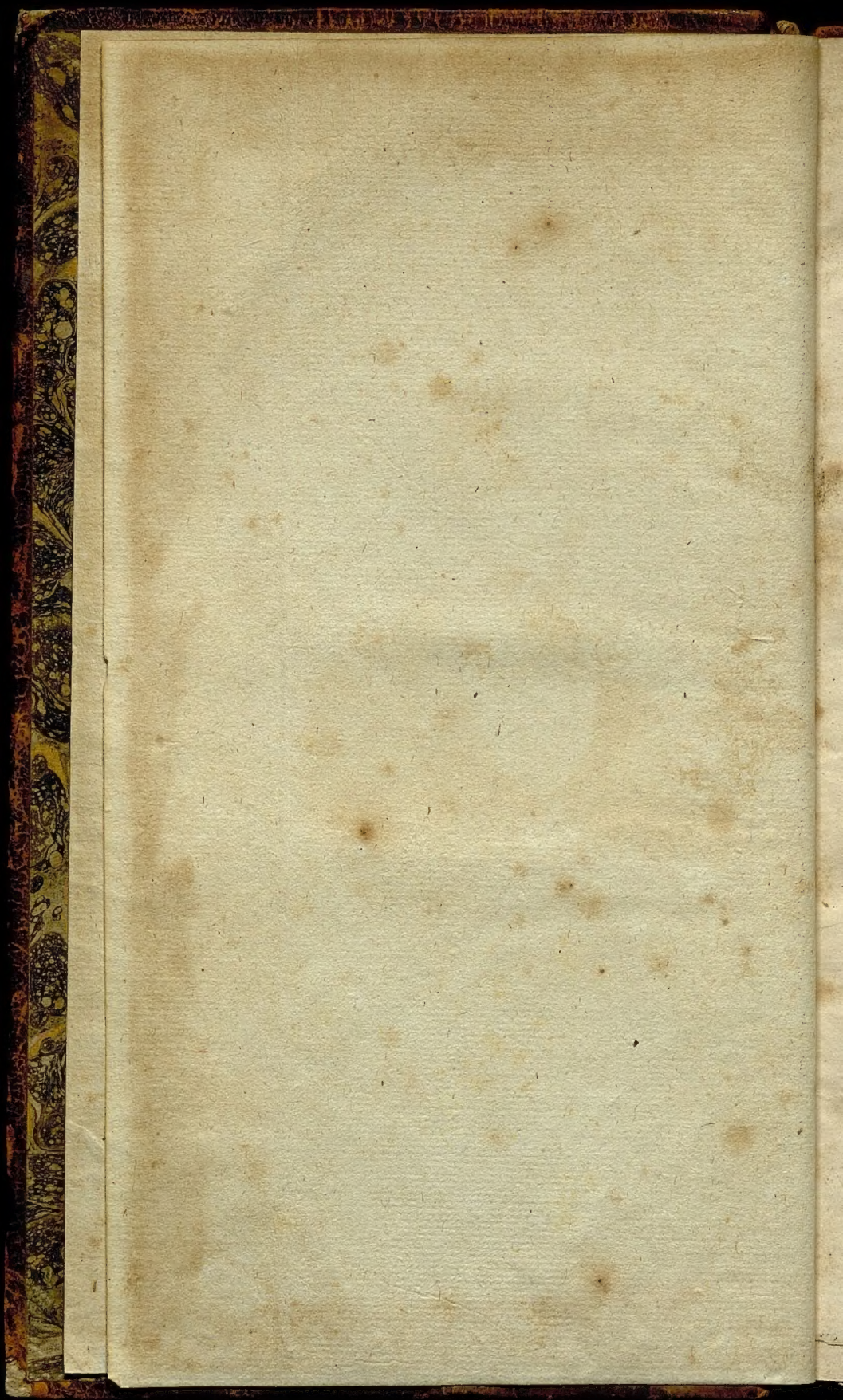

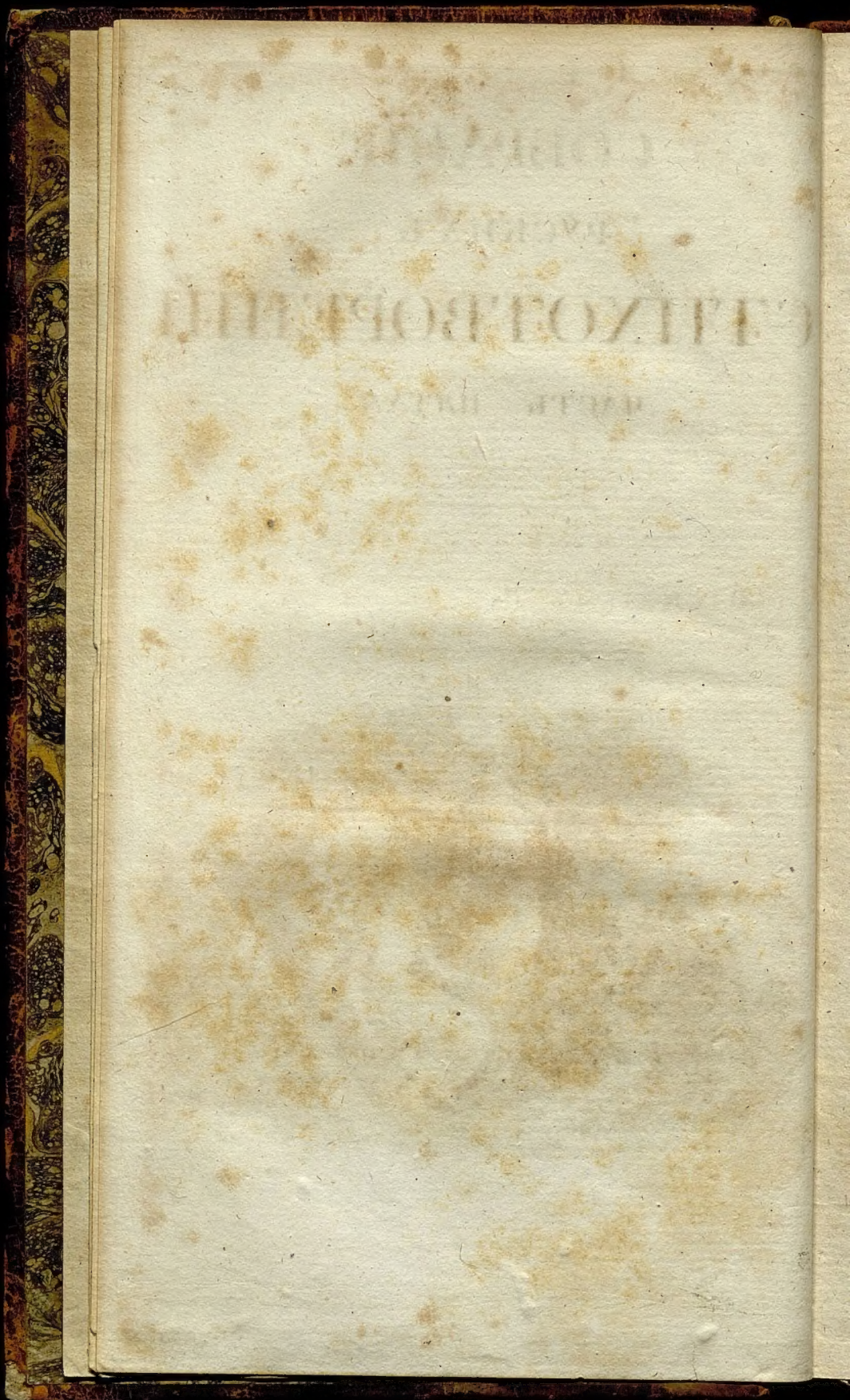

М. О. Богдановъ.

СОБРАНІЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІИ
ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

СОБРАНІЕ
РУСКИХЪ
СТИХОТВОРЕНІЙ,

ВЗЯТЫХЪ

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ ЛУЧШИХЪ СТИХОТВОРЦЕВЪ
РОССІЙСКИХЪ И ИЗЪ МНОГИХЪ РУСКИХЪ
ЖУРНАЛОВЪ,

ИЗДАННОЕ

ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Искусства укрощають нравы
Кто первый вымыслилъ для разума забавы,
Мнилъ только забавлять — онъ смертныхъ про-
свѣтилъ,
И грубыхъ варваровъ въ людей преобразилъ.

МУРАВЬЕВЪ.

МОСКВА.

~~~~~  
Въ Университетской Типографіи.  
~~~~~

1 8 1 1.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, утрежден-
наго для Округа Императорскаго Москов-
скаго Университета.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕАКЦИОННЫХ КНИГ

Инд. №

1860

О Г Л А В Л Е Н І Е

П Я Т О Й Ч А С Т И.

С М Ъ С Ъ.

	Стран.
I. Отрывки изъ Душеньки. - - - -	3
II. Надпись къ портрету ЕКАТЕРИНЫ Великой. - - - -	24
III. На монументъ ПЕТРА Великаго. —	—
IV. Горлица и Прохожій. - - - -	25
V. Покой и Слава. - - - -	26
VI. Къ любимцамъ Музъ. - - - -	27
VII. Путь жизни. - - - -	28
VIII. Эпиграмма. - - - -	30
IX. Подражаніе древнимъ. - - - -	31
X. Спихи, назначенные послать къ . . . при портретъ ЕКАТЕРИНЫ II, пи- санномъ перомъ на образецъ гравировки. —	—
XI. Разсужденіе о жизни, смерти и любви. 33	33
XII. На подаренную цѣпочку. - - - -	36
XIII. Мадригалъ. - - - -	—
XIV. Портретъ. - - - -	37
XV. Эпиграммы. - - - -	—
XVI. Момовъ подарокъ. - - - -	39
XVII. Отрывокъ изъ Пепрїады. - - - -	40
XVIII. Мадригалъ. - - - -	47
XIX. На ошейникъ собачкѣ. - - - -	48

IV Оглавленіе.

XX. Эпиграмма.	- - - -	Спран.
XXI. Бардѣ.	- - - -	48
XXII. Надпись къ статуѣ Князя Якова Федоровича Долгорукова.	- - - -	49
XXIII. Эпиграммы.	- - - -	58
XXIV. Стихи при возвращеніи волосовъ невѣрной любовницѣ.	- - - -	59
XXV. Привидѣніе.	- - - -	-
XXVI. Минвана.	- - - -	61
XXVII. Стихи Графу Суворову - Римникскому на прѣздѣ его въ Вѣну.	- - - -	63
XXVIII. Острые изъ Владисана.	- - - -	66
XXIX. Юному Поллуксу.	- - - -	72
XXX. Мадригалы.	- - - -	75
XXXI. Загадка.	- - - -	76
XXXII. Стихи Гавріилу Романовичу Державину на переводѣ Пиндара.	- - - -	77
XXXIII. Мокрый Амурѣ.	- - - -	78
XXXIV. Къ грушѣ.	- - - -	80
XXXV. Надпись къ монументу Князя Суворова.	- - - -	-
XXXVI. Подражаніе.	- - - -	81
XXXVII. Гордой красавицѣ.	- - - -	82
XXXVIII. Вѣчность.	- - - -	-
XXXIX. Надежда.	- - - -	87
XL. Острые изъ Россіады.	- - - -	89
XLI. Исторія челоѣка.	- - - -	103
XLII. Эпиграммы.	- - - -	104
XLIII. Острые изъ Хвасшуна.	- - - -	105
XLIV. Нарцисса.	- - - -	116
XLV. Мадригалѣ.	- - - -	127
XLVI. Договорѣ съ Нисою.	- - - -	-

О т л а в л е н і е. V

	Стран.
XLVII. Опрывокъ изъ Синава. - - -	128
XLVIII. На смерть Л. Е. М—ой. - - -	133
XLIX. Амуръ и дружба. - - -	139
L. Эпиграммы. - - -	140
LI. Эпишафія милліонщику. - - -	141
LII. Любезной въ день ея рожденія. - - -	—
LIII. Къ Музъ. - - -	142
LIV. Къ Машъ. - - -	144
LV. Къ голубкамъ. - - -	145
LVI. Сцены изъ Димитрія Донскаго. - - -	146
LVII. Экспромптъ. - - -	159
LVIII. Ццаспливецъ. - - -	—
LIX. Призываніе Калліопы. - - -	161
LX. Эпиграмма. - - -	164
LXI. Эпишафія. - - -	165
LXII. Опрывокъ изъ Чудаковъ. - - -	—
LXIII. Рогнеда. - - -	174
LXIV. Душенька. - - -	179
LXV. Сцены изъ Полисены. - - -	181
LXVI. Сошествіе Одина. - - -	199
LXVII. Признаніе. - - -	205
LXVIII. Экономія одного разбойника. - - -	207
LXIX. Эпиграммы. - - -	208
LXX. Суйда. - - -	209
LXXI. Надгробія. - - -	211
LXXII. Къ портрету Петра Великаго. - - -	212
LXXIII. Къ портрету Напаша. - - -	213
LXXIV. Эпиграмма. - - -	—
LXXV. Надгробіе. - - -	214
LXXVI. Катоновъ монологъ. - - -	—
LXXVII. Къ портрету — вой. - - -	216
LXXVIII. Эпиграмма. - - -	—

	Спран.
LXXIX. Хлобъ сочинительницѣ. - - -	217
LXXX. Въ день рожденія N. N. - - -	—
LXXXI. Эпиграммы. - - -	218
LXXXII. Сладкой сонѣ. - - -	220
LXXXIII. Невольное признаніе. - - -	221
LXXXIV. Эпиграмма. - - -	—
LXXXV. Къ поршрешу выпреннаго поэта. - - -	222
LXXXVI. Объясненное сомнѣніе. - - -	—
LXXXVII. Увѣщаніе. - - -	—
LXXXVIII. Надписи къ поршрешамъ. - - -	223
LXXXIX. Дурной вкусъ. - - -	—
LC. Стихи на день рожденія А. А. П — ой, 14 Октября. - - -	224
LCI. Эпиграмма. - - -	—
LCII. Къ Б * * ву. - - -	225
LCIII. Изъ Анеологіи. - - -	227
LCIV. Къ Машѣ. - - -	228
LCV. Эпиграммы. - - -	—
LCVI. Къ шѣмъ, которые предлагали мнѣ писать гимны. - - -	230
LCVII. Къ шалашику. - - -	231
LCVIII. Къ лирѣ. - - -	232
LCIX. Опрывокъ изъ IIIй книги Потерян- наго Рая. - - -	236
C. Къ XVIII столѣтію. - - -	239
CI. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи. - - -	240
CII. Эпитафія. - - -	—
CIII. Эпитафія. - - -	241
CIV. Моя тайна. - - -	—
CV. Къ Лаурѣ. - - -	—
CVI. Къ поршрешу Б ***. - - -	243
CVII. Исторія любви. - - -	—

Оглавленіе. VII

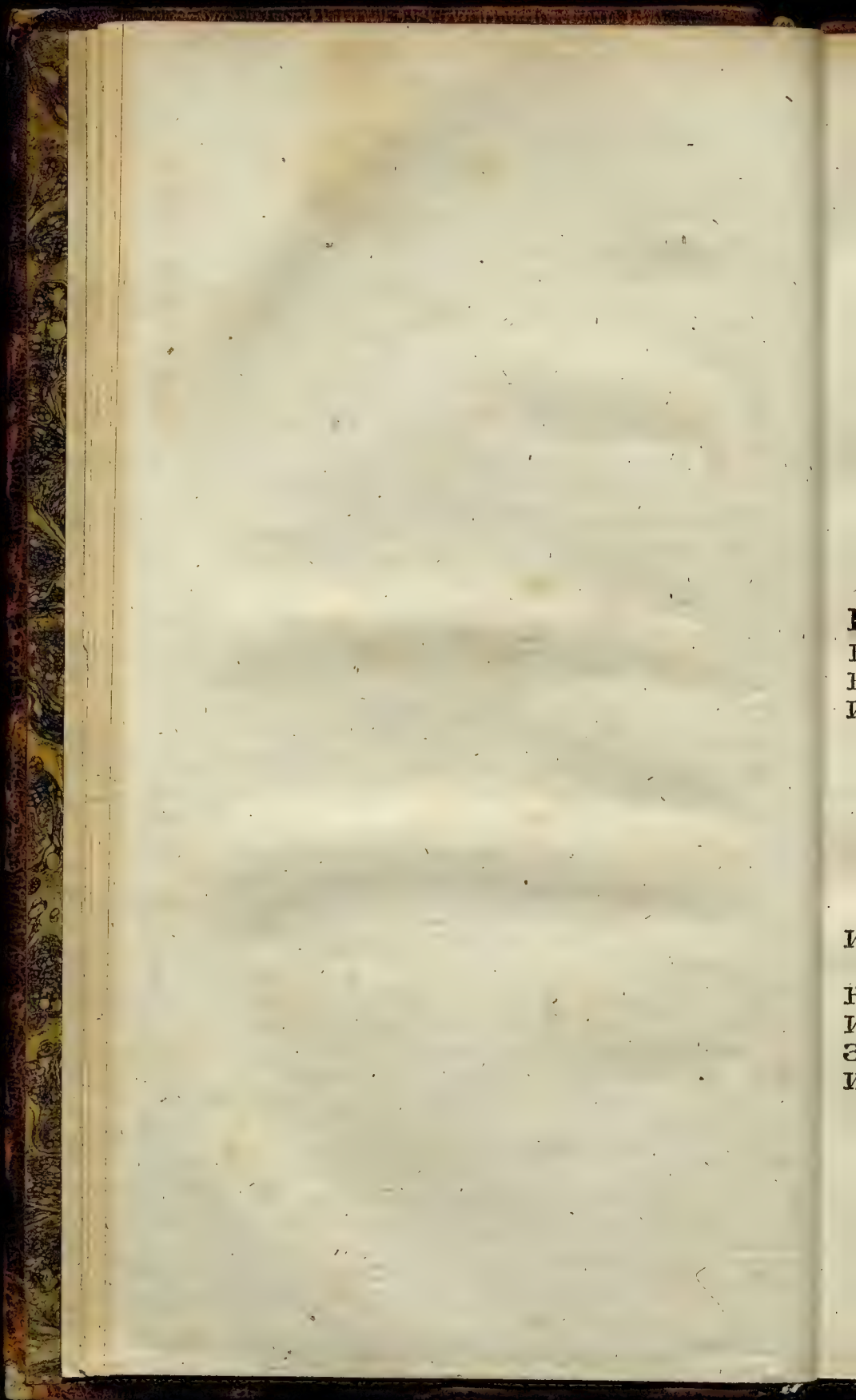
	Спран.
CVIII. Вопросъ и отвѣтъ.	244
CIX. Сила дружбы. - - - - -	—
CX. Къ Е. С. О. - - - - -	245
CXI. Къ ней же. - - - - -	—
CXII. Источникъ. - - - - -	246
CXIII. Отвѣздъ. - - - - -	247
CXIV. Экспромтъ. - - - - -	250
CXV. Эпиграмма. - - - - -	—
CXVI. Къ Нисѣ. - - - - -	251
CXVII. Сцены изъ Семиры. - - - - -	252
CXVIII. Къ рѣкѣ Талажнѣ. - - - - -	254
CXIX. Лилей. - - - - -	257
CXX. Старецъ и ошрокъ. - - - - -	258
CXXI. Супружняя молитва. - - - - -	260
CXXII. Горестъ маленькой паспушки. - - - - -	—
CXXIII. Веселый часъ. - - - - -	261
CXXIV. Къ отсутствующей маминьѣ. - - - - -	263
CXXV. Эпитафій. - - - - -	264
CXXVI. Мадригалъ Др. И. Бхпн. - - - - -	—
CXXVII. Отвѣтъ пріишелоу.	265
CXXVIII. Желанія. - - - - -	266
CXXIX. Эпиграммы. - - - - -	269
CXXX. Къ Д. И. Я. - - - - -	270
CXXXI. Надгробіе Александру Великому. - - - - -	271
CXXXII. Воспоминанія 1807 года. - - - - -	272
CXXXIII. Чшо во снѣ, шо и на яву. - - - - -	275
CXXXIV. Эпиграмма. - - - - -	276
CXXXV. Къ портрету. - - - - -	—
CXXXVI. Веселость. - - - - -	277
CXXXVII. Опрывокъ изъ Альцесты. - - - - -	281
CXXXVIII. Эпиграммы. - - - - -	289
CXXXIX. Эпитафія младенцу. - - - - -	292

VIII Оглавленіе.

	Спран.
CXL. Опрывокъ изъ Илїяды.	293
CXLI. Къ пѣночкѣ.	303
CXLII. Меланхолїя.	307
CXLIII. Триссошинъ и Вадїусъ.	309
CXLIV. Къ милой Е* * *.	314
CXLV. Объявленїе.	315
CXLVI. Къ порипрешу Меньшикова.	316
CXLVII. Къ Эльвирѣ.	—
CXLVIII. Эпиграмма.	317
CXLIX. Ложный страхъ.	318
CL. Мячковскій курганъ.	320
CLI. Мечта.	323
CLII. Сцены изъ Эдипа.	331
CLIII. Отставка.	345
CLIV. Путешествїе.	348

в.
3
3
7
9
4
5
6
7
8
0
3
1
5
8

С М Ъ С Ъ.

С М Ъ С Ъ.

I.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ДУШЕНЬКИ.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУШЕНЬКИ И ЕЯ ОТЦА.

Въ старинной Греціи — въ Юпишерово время,
Когда размножилось власпительное племя,
Какъ въ каждомъ городкѣ бывалъ особый Царь,
И, еслили пожелалъ, былъ богъ, имѣлъ олшарь —

Межъ многими Царями
Одинъ опличенъ былъ
Числомъ военныхъ силъ,
Умомъ, лицомъ, кудрями,
Избыткомъ живошовъ,
И хлѣба и сношовъ.

Бывали шамъ сосѣди,

И злы и алчны шакъ, какъ волки иль медвѣди:

Извѣстенъ Ликаонъ,

Котораго писалъ исторію Назонъ;

Извѣстно, гдѣ и какъ на самомъ дѣлѣ онъ,

За хищныя дѣла и за кривые толки,

Изъ Греческихъ Царей разжалованъ былъ въ
волки.

Но томѣ, о комѣ хочу рассказывать теперь,
 Ни образомъ своимъ, ни нравомъ не былъ звѣрь;

Онъ свѣшу былъ полезенъ,

И былъ богамъ любезенъ;

Достойно награждалъ;

Достойно осуждалъ,

И естли находилъ въ подсудныхъ звѣрски души,

Такимъ ослиныя приклеивалъ онъ уши;

Инымъ сурову щель, съ когтями въ прибыль
 ногъ;

Инымъ ревучій зевъ, другимъ по парѣ рогъ.

Отъ вѣной древности, которая была глотаетъ,

Архива многихъ дѣлъ давно изпреблена;

Но образъ правъ его сохранило почитаетъ

И самый поздний свѣтъ, по наши времена.

Завистнымъ онъ велѣлъ, какъ вѣрно, въ томъ
 пруждашься,

Чтобъ счастье другихъ

Скучало взорамъ ихъ,

И не моглибъ они покоемъ наслаждаться.

Скупымъ опредѣлилъ у злата сидѣть,

На золото глядѣть,

И золотомъ прельщаться;

Но имъ не насыщаться.

Слѣсивымъ предписалъ съ людьми не сооб-
 щаться;

И ихъ попомкамъ въ казни давалась та же
 спѣсь,

Какая видима осталась и поднесъ.

Велѣлъ, чтобъ мѣръ ни въ чемъ не вѣрилъ

Тому, кто льстилъ и лицебрилъ.

Клевешникамъ въ удѣлъ,

И доносителямъ неправды Государю,

Вездѣ носить велѣлъ

Протививъишую харю,
 Какая извѣлять клеветущихъ могла.
 Такая видима была
 Не въ давномъ времени, въ Москвѣ на маске-
 радѣ,
 Когда на масляной, въ торжественномъ парадѣ,
 Народъ осмивалъ прозорныя дѣла.
 И словомъ,
 Въ своемъ уставѣ новомъ,
 Велѣлъ, чтобъ обще всѣ злонавы чудаки,
 Съ приличной надписью, носили колпаки,
 По коимъ ихъ тогда скорѣ узнавали,
 И прочь отъ нихъ бѣжали.
 По доброму суду, уставъ сей былъ не строга,
 И правился народу,
 Который въ дѣло чинить не могъ
 Старинную дурную моду,
 Когда людей бросали въ воду,
 Какъ будто рыбей родъ,
 По нѣскольку на всякой годъ.
 Овидій, лживыхъ лѣтъ потомственный писа-
 тель,
 Который истину не рѣдко обнажалъ,
 Овидій, въ самой лжи правдивыхъ Музъ прі-
 атель,
 Подробно описалъ,
 У Грековъ какъ дошолъ бывали казни часты.
 Преображенные тогда въ быковъ Цераспы;
 Цекроновъ цѣлый родъ, за злобу и обманъ,
 Во стадо обезьянъ;
 Лъстецы, за низость душъ, въ лягушки;
 Непостоянные въ вершушки,
 Болтливые въ сорокъ,
 Жестокосердые во мраморный кусокъ;

Таншань, Сизифъ и Иксіона,
 За алчну злобу ихъ,
 На вѣчной ссылкѣ у Плутона,
 И множество другихъ,
 Почли бы всѣ себѣ за милость и за ласки,
 Когда бы только Царь
 Дурную въ свѣтѣ тварь,
 Рядя въ дурныя маски,
 Наказывалъ стыдомъ.
 Такая нова власть, безъ дальнѣйш. людямъ
 казни,

Держала всѣхъ въ боязни;
 И добрый Царь приномъ,
 Друзей изъ доброй воли,
 Ошквашъ хлѣба - соли
 Зывалъ въ свой царской домъ.
 О естлибѣ ты, Гомеръ, проснулся!
 Храня твоихъ Героевъ честь,
 Которы забывая месть,
 Любили часто пить и ѣсть,
 Тыбѣ, слыша стихъ мой, ужаснулся,
 Что, слабый будучи пѣвецъ,
 Тебѣ, дерзнулъ я, наконецъ,
 Подобиться, стиховъ отецъ.
 Возможноль извѣститъ достойно
 Великолѣпнѣе пировъ
 У царскихъ Греческихъ дворовъ,
 О коихъ ты писалъ шоль стройно?
 Я только лишь могу сказать,
 Что Царь любилъ себя казать,
 Иныхъ хвалилъ, иныхъ шазалъ,
 Поесть, попить и послѣ спать.
 А за такое хлѣбосольство,
 И болѣе за добрый нравъ,

Отъ всѣхъ сосѣдственныхъ Державъ
Явилось къ нему посольство.

Особо же онъ былъ отличенъ изъ Царей
За то, что прехъ имѣлъ прекрасныхъ дочерей.

Но солнце, въ красотѣ своей,
Когда вселенну освѣщаетъ,
Луну и звѣзды помрачаетъ,

Подобно такъ была меньшая всѣхъ виднѣй,
И спаршихъ сестръ своихъ достоинства мра-
чила,

И розы красоту, и бѣлизну лилей;
И словомъ ничего, въ подобномъ видѣ ей,
Природа никогда на свѣтѣ не явила.

Искать приличныхъ словъ
Къ тому, что, въ множествѣ вѣковъ,
Блестало полъ опѣнно,

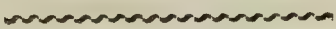
Напрасно было бы, и былобъ дерзновенно.
Короче я скажу: меньшая Царска дочь,
Отъ коей многіе вздыхали день и ночь,
У Грековъ по тому Психея называлась.
Въ языкахъ же другихъ, при переводѣ словъ,
Звалась она Душа, по шолку мудрецовъ;
А послѣ, въ повѣстяхъ старинныхъ знамоковъ,
У Рускихъ Душенька она именовалась,
И пишутъ, что тогда

Изыскано не безъ труда

Къ ея названію приличнѣйшее слово,
Какое было ново.

Во славу Душенькѣ, у насъ, отъ тѣхъ временъ,
Поставлено оно народомъ въ лексиконъ,

Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то любовь, въ своемъ законѣ.

ЖАЛОВЫ ВЕНЕРЫ НА ДУШЕНЬКУ И ЕЯ ВОЗВРАЩЕ-
НІЕ ВЪ ЦИТЕРУ.

Не въ долгомъ времени, по слухамъ самымъ
вѣрнымъ,
Узнала наконецъ Богиня красоты,
Со гнѣвомъ пребезмѣрнымъ,
Причину вкругъ себя и скупъ и пустошы.
Хоть Душенька гнѣвишь не мыслила Венеру,
Къ достоинствамъ Богинь имѣла должну вѣру,
И въ поступки своей всегда хранила мѣру,
Но вскорѣ всѣмъ хуламъ подвержена была.
Пришомъ злорѣчивые духи,
О ней худые сѣя слухи,
Кривой давали толкъ на всѣ ея дѣла;
И кои милостей иль ждали иль просили,
Во угожденіе богинѣ доносили,
Что будто Душенька, въ досаду ей и въ зло,
Присвоила себѣ Циперскихъ слугъ число;
И что кому угодно,
Въ то время могъ солгать на Душеньку свободно.
Но чтобы дѣломъ мести
Надъ нею произвестъ,
Собравъ Венера ложь и всяку небылицу,
Велѣла наскоро, въ дорожную колесницу,
Шестнадцать почтовыхъ Зефировъ заложить,
И наскоро лепишь Амура навѣстить.
Читатель самъ себѣ представитъ по удобно,
Просила ли его иль такъ или подобно,
Пришедъ на Душеньку просить и доносить:
„Амуръ! Амуръ! вступишь за честь мою и славу,
„Яви свой судъ, яви управу.
„Ты знаешь Душеньку, иль могъ о ней слышать:
„Просная смертная, ругаяся богами,

„Не спавишь ни во что твою безсмертную
мать ;

„Уже и нашими слугами

„Осмѣлилась повелѣвать ,

„И въ обласняхъ моихъ надъ мной торже-
спивовашъ.

„Могу ли я сносить и видѣть равнодушно ,

„Что Душенькѣ одной вездѣ и все послушно.

„За ней гоняся , отъ насъ отходяшь прочь

„Поклонники , друзья , Амуры и Зефиры ,

„И скоро Душенькѣ послушны будешь мѣры.

„Юпитеръ самъ по ней вздыхаетъ день и ночь ,

„И слышно , что беретъ себѣ ее въ супруги ,

„Гречанку наглую , едва ли Царску дочь ,

„Забывъ Юнонины и вѣрность и услуги !

„Какой ты будешь богъ , и гдѣ твоя будешь
пронь ,

„Когда отъ нихъ другой родится Купидонъ ,

„Который у тебя отыметъ лукъ и стрѣлы ,

„И нагло покоришь подвасны намъ предѣлы ?

„Ты знаешь , сколь сыны Юпитеровы смѣлы.

„По волѣ ходятъ въ небеса ,

„И всякія творятъ на свѣтѣ чудеса.

„И можно ли терпѣшь , что Душенька собою ,

„Безъ помощи твоей , во всѣхъ вселяетъ спрасъ ,

„Какую возжигаетъ одинъ имѣлъ ты власъ ?

„Она давно уже смѣется надъ тобою ,

„И спавишь въ торжесиво себѣ мою напасъ.

„За честь свою , за честь Венеры ,

„Яви ты спротоспи примѣры ;

„Содѣлай Душеньку постылою во вѣкъ ,

И столь худою ,

И столь дурною ,

„Чтобъ каждой отъ нея чуждался человекъ ;

„Иль дай ты ей въ мужа , ктобъ всѣхъ сы-
 скался хуже ,
 „Чтобы нашла она себѣ тирана въ мужѣ ,
 „И мучилабъ себя ,
 „Жестокаго любя ;
 „Чтобъ тѣмъ краса ея увяла ,
 „И чтобъ я покойна спала“ —
 Амуръ желалъ тогда пресѣчь
 Сію просительную рѣчь.
 Хопя богинь онъ въдалъ свойство ,
 Всегда соперницъ клеветать ;
 Но долженъ былъ привести въ спокойство
 Свою прогнѣванную мать ,
 И ей въ послѣдокъ обѣщать ,
 За дерзость Душеньку порядкомъ поспрацать .
 Услышавъ тѣ слова , Амуры ужаснулись ,
 Весельи ахнули , и Смѣхи содрогнулись ;
 Одна Венера лишь довольна тѣмъ была ,
 Что гнѣвъ на Душеньку неправдой навлекла :
 Съ улыбкою на всѣхъ кидая взоръ пріятно ,
 Сама рядила путь во островъ свой обратно ,
 И , для опличности такого торжества ,
 Явила тушъ себя во славу божества .
 Отспавлена была воздушна колесница ,
 Которую везла крылатая станица ,
 Съ прохладнымъ роздыхомъ , порозжую назадъ .
 Богиня , учредивъ старинный свой парадъ ,
 И въ раковину сѣвъ , какъ цишутъ на кар-
 тинахъ ,
 Пусшилась по водамъ на двухъ большихъ дель-
 финахъ .

Амуръ , простря свой власный взоръ ,
 Подвинулъ весь Нептуновъ дворъ .
 Узря Венеру рѣзвы волны ,

Текутъ за ней весельемъ полны.
 Трипоновъ водяной народъ
 Выходитъ къ ней изъ бездны водъ:
 Иной вокругъ ея ныряетъ,
 И дерзки волны умиряетъ;
 Другой, кружась во глубинѣ,
 Сбираетъ жемчуги на днѣ,
 И всѣ сокровища изъ моря
 Тащитъ повергнувъ ей къ стопамъ;
 Иной, съ чудовищами споря,
 Препитъ насатся симъ мѣстамъ;
 Другой на козлы сѣлъ проворно,
 Со встрѣчными бранится вздорно,
 Раздаётся въ стороны величъ,
 Возжами гордо шевелитъ,
 Онъ намней далѣ путь свой правитъ,
 И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
 Иной съ презубчатымъ жезломъ,
 На китѣ впереди верхомъ,
 Гоня далече всѣхъ съ дороги,
 Вокругъ кидаетъ взоры спроги,
 И чшобы всякъ шо вѣдать могъ,
 Въ коральный громко прубитъ рогъ;
 Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
 Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
 Несетъ опломокъ горъ хрустальныхъ,
 На мѣсто зеркала предъ ней.
 Сей видъ пріятность обновляетъ
 И радость на ея челѣ.
 О! ешълибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
 Остался вѣчно въ хрусталь!
 Но тщетно шо Трипонъ желаетъ;
 Изчезнетъ сей призракъ, какъ сонъ,
 Останется одинъ лишь камень,

А въ сердцѣ лишь несчастный пламень,
 Которымъ въ шунѣ шлѣетъ онъ.
 Иной, приславъ къ богинѣ въ свиту,
 Отъ солнца ставитъ сей защиту,
 И прохлаждаетъ жаркой лучъ,
 Пуская къ верху водный ключъ.
 Сирены, сладкія пѣвицы,
 Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь;
 Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
 Ее спараясь превознести.
 Иныя передъ нею пляшутъ,
 Другія во услугахъ шутъ,
 Предупреждая всякой трудъ,
 Богиню опахаломъ машутъ;
 Другіяжъ, на спруяхъ несясь,
 Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой,
 И отъ луговъ, любимыхъ Флорой,
 Подносятъ ей цвѣтущую вязь.
 Сама Θεида ихъ послала,
 Для малыхъ и большихъ услугъ.
 И только для себя желала,
 Чтوبъ дома былъ ея супругъ.
 Въ благопріятнѣйшей погодѣ
 Не смѣютъ бури тамъ пристать;
 Одни Зефиры лишь въ свободѣ
 Венеру смѣютъ лобызать.
 Чудеснымъ дѣйствіемъ къ то время,
 Какъ въ вѣяніи пшенично сѣмя,
 Летятъ обратно бѣглецы,
 Зефиры древни наглецы.
 Иной власы ея взвѣваетъ,
 Межъ тѣмъ, открывъ прелестную грудь,
 Перестаетъ на время дутьъ,
 Власы съ досадой опускаетъ,

И съ ними спутавшись лепишъ,
 Другой невѣдомымъ языкомъ,
 Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ,
 Любовь ей на ухо свисшишъ.
 Иной, питаюсь безъ надежды
 Сорвать покровъ другихъ красотъ,
 Въ сердцахъ вершишъ ея одежды,
 И падаетъ безъ силъ средь водъ.
 Другой въ уста и въ очи дуешъ,
 И ихъ украдкою цѣлуешъ.
 Гонясь за нею волны шамъ,
 Толкають въ ревности другъ друга,
 Чшобъ, вырвавшись скорѣи изъ круга,
 Смирненно пасъ къ ея ногамъ:
 И всѣ въ усердїи Венеру
 Желаютъ провожать въ Циперу.

О Т Ъ Ъ З Д Ъ Д У Ш Е Н Ъ К И.

Царевна оставляетъ градъ:
 Въ дорогу сказанъ былъ нарядъ.
 Куда? оны всѣхъ то было тайно.
 Царевна наконецъ умомъ
 Рѣшила неизвѣстность въ томъ,
 Какъ всѣ дѣла своимъ судомъ
 Она рѣшила обычайно:
 Сказала всей роднѣ своей,
 Чшобъ только въ путь ее прилично сна-
 рядили,
 И въ колесницу посадили,
 Пустя по волѣ лошадей,
 Безъ кучера и безъ вождей.
 „Судьба, сказала, будетъ править,

„Судьба покажетъ вѣрный слѣдъ
 „Въ жилищу радостей иль бѣдъ,
 „Гдѣ должно вамъ меня оставитъ.“
 По таковымъ ей словамъ
 Не долги были сборы тамъ.
 Гошова колесница,

Гошова Царска дочь и вмѣстѣ съ ней Царица,
 Котора Душеньку, не могли удержатъ,
 Желаетъ провожатъ.

Тронулись лошади, не ждавъ себѣ урла.

Везущъ ее безъ поводовъ,

Везущъ съ двора, везущъ изъ града,

И наконецъ везущъ изъ крайнихъ городовъ;

Въ сей путь, короткій или дальный,

Устроенъ былъ Царемъ порядокъ погребальный.

Шестнадцать человекъ несли вокругъ свѣчи,

При самомъ свѣтѣ дня, подобно какъ въ ночи;

Шестнадцать человекъ, съ печальною музыкой,

Унывный пѣли стихъ, въ прощальности великой.

Шестнадцать человекъ, не много тѣхъ позадь,

Несли хрустальную кровать,

Въ которой Душенька любила поживатьъ.

Шестнадцать человекъ, поклавши на подушки,

Несли царевнины шамбуры и коклюшки,

Которы вела тамъ сама Царица-мать,

Дорожный шуалетъ, гребѣонки и булавки,

И всякія къ тому потребныя прибавки.

Потомъ въ парадъ шелъ жрецовъ усадныхъ
 полкъ,

Стихи оракула неся передъ собою.

Тутъ всякъ изъ нихъ давалъ стихамъ раз-
 личный толкъ,

И всякъ желалъ припомъ скорѣй дойти къ
 покою;

За ними шелъ сигклипъ, и всякъ высокій
чинъ.

Въ послѣдокъ ѣхала печальна колесница,
Въ которой съ дочерью сидѣла мать Царица.
У ногъ ея стоялъ серебряный кувшинъ:
То былъ плачевный урнъ, какой спаринны

Греки
Давали въ даръ, когда прощались съ кѣмъ на
вѣки;

Отецъ со ближними у колесницы шелъ,
Боговъ проси о всякомъ благѣ,
И предавъ судьбамъ разправу царскихъ дѣлъ,
Свободно на пуши вздыхалъ при каждомъ шагѣ.
Взирая на Царя, отъ всѣхъ сторонъ народъ

Толпился близко колесницы,
И каждый до своей границы
Съ Царевной шелъ въ походъ.

Иные хлипали, другіе громко выли,
Не вѣдая куда везутъ и дочь и мать;
Другіе же по виду мнили,

Что Душеньку везутъ живую погребать.

Иные по пуши сорили
Предъ нею вѣшвы и цѣпшы;
Другіе шутъ же гимны пѣли,
Прилично слава красоты,
Какіи въ первый разъ узрѣли;

Другіежъ божествомъ
Царевну называли,
И возвращая въ домъ,
За диво возвѣщали.

Вотще жрецы кричали,
Что та Царевнѣ честьъ
Прогнѣваетъ Венеру,
И слѣдую манеру,

Толчкомъ и канъ ни есть ,
 Хотѣли прочь оплести
 Народъ отъ сей напасти ;
 Но всѣ пропиву власи ,
 Забывъ Венеры вредъ ,
 И всю возможность бѣдъ ,
 Толпами шли насильно ,
 За Душенькою въ слѣдъ ,
 Усердно и умильно .

Уже , чрезъ нѣсколько недѣль ,
 Пробхали они за придевишь земель ,
 Но единого пригорка не видали ;
 И кои болѣе успали ,
 Со всякой бранью возроптали ,
 Что шли куда не знали .

Въ послѣдокъ бѣдучи , пушемъ и вдоль и вкругъ ,
 Къ одной горѣ они лишь только подступили ,
 Тутъ сами лошади остановились вдругъ ,
 И далѣе не шли , сколь много ихъ ни били .
 Тутъ всѣ судебъ тогда признаки находили ;
 Признаки тѣ жрецы согласно подтвердили ,
 И всѣ сказали вдругъ , что должно почно
 шамъ ,

На высотѣ горы , Оракуловымъ словомъ ,
 Оставишь Душеньку у неба подъ покровомъ .
 Вручающъ всѣ ея хранителямъ-богамъ ,
 Ведущъ на высоту по камнямъ и пескамъ ,

Гдѣ знака нѣтъ дороги ,
 Едва подвемля вверхъ свои успалы ноги ,
 Чрезъ камни , чрезъ бугры , и чрезъ глубоки
 рвы ,

Гдѣ нѣтъ ни лѣсу , ни травы ,
 Гдѣ алчные рыкающъ львы .
 И хоть жрецы людей къ опвагѣ

Увѣщевали въ сихъ мѣстахъ,
 Но всѣ при каждомъ шагѣ
 Вспрѣчали новый страхъ:
 Ужасныя пещеры,
 И къ верьху крупизны,
 И къ безднѣ глубины,
 Безъ вида и безъ мѣры.
 Инымъ являлись тамъ Мегеры;
 Инымъ лешучи Дромадеры,
 Инымъ драконы и Церберы,
 Которы ревами, на разные манеры,
 Глушили слухъ,
 Мушили духъ.

Таковъ былъ путь, куда Царевна поронилась,
 Куда вся свита въ слѣдъ за ней крехтя по-
 пилась.

Осталась позади одна Царица-мать,
 Не могли далѣе полугоры шагать,
 И съ Душенькой навѣкъ, поплакавъ тамъ,
 простилась.

При трудностяхъ тогда Царевнина кровать
 Въ рукахъ несущихъ сокрушилась,
 И многіе отъ страха шумъ,
 Имѣя многой трудъ,

Не мало шапокъ поронили,
 Которы наподхватъ Драконы пожирали.
 Иные по кустамъ одежды изодрали,
 И нагошы имѣя видъ,

Едва могли прикрыть отъ глазъ стороннихъ
 стыдъ.

Осталось наконецъ лишь нѣсколько булавокъ,
 И нѣсколько стиховъ Оракула для справокъ.

РАЗНЫЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ ДУШЕНЬКИ.

На нѣкомъ высшемъ пьэдесталѣ
 Самой Царевны ликъ стоялъ,
 И болѣ красотою другіе превышалъ.
 Смотря на образъ сей, она сама дивилась,
 И вѣ себя остановилась :
 Другая спашуя казалась въ ней тогда,
 Какой во вѣки свѣтъ не видѣлъ никогда.
 Конечно Душенька и долбѣ такъ осталась
 Смотрѣть на образъ сей,
 Которымъ обольщалась ;
 Но слуги, бывшіе при ней,
 Въ другихъ мѣстахъ казали ей,
 Для новой глазъ ея забавы,
 Другіе образы красотъ ея и славы :
 До пояса, до ногъ, въ весь ростъ до самыхъ
 пятъ,
 Изъ золота, изъ серебра, и бронзы, иль изъ стали,
 И головы ея, и бюсты, и медали ;
 А индѣ мозаикъ, иль мраморъ, иль агатъ,
 Въ сихъ видахъ новую безцѣнность предспа-
 вляли.
 Въ другихъ мѣстахъ Апеллъ, иль живописи богъ,
 Который кисть его водилъ своею рукою,
 Представилъ Душеньку со всею красотою,
 Какой дополъ умъ вообразить не могъ.
 Желаетъ ли она узрѣть себя въ картинахъ ?
 Въ иной, Фауны къ ней несутъ Помонинъ рогъ,
 И вяжутъ ей вѣнки, и рвутъ цвѣты въ до-
 линахъ,
 И пѣсни ей дудятъ, и скачутъ въ кругови-
 нахъ ;

Въ другой она, съ щитомъ престрашнымъ на

груди,

Палладой наряжась, грозитъ на лошади,

И, болѣ чѣмъ копьемъ, своимъ прекраснымъ

взоромъ

Разитъ сердца пріятнымъ моромъ ;

А тамъ предъ ней Сатурнъ, безъ зубъ, плѣ-

шивъ и сѣдъ,

Съ обновою морщинъ на спаролѣпней рожѣ,

Спирается забыть, что онъ давнишній дѣдъ,

Прямитъ свой дрихлый спамъ, желаетъ быть

моложе,

Кудритъ оставшіе волосъ своихъ клочки,

И видѣтъ Душеньку, вздѣваетъ онъ очки;

А тамъ она видна, подобая Царицѣ,

Съ Амурами вокругъ, въ воздушной колесницѣ:

Прекрасной Душеньки за честь и красоту,

Амуры тамъ сердца стрѣляютъ на лешу;

Летитъ великою шолпою,

И всѣ они несутъ колчаны за плечми,

И всѣ, прекрасными гордясь ея очми,

Летитъ, поднявши лукъ, на цѣлый свѣтъ

войною.

А тамъ свирѣпый Марсъ, рушителъ мирныхъ

правъ,

Увидѣвъ Душеньку, являетъ шихой нравъ,

Полей не обагрятъ кровью,

И наконецъ, забывъ военный свой уставъ,

Смигченъ у ногъ ея, пылаетъ въ ней любовью.

А тамъ является она среди ушѣхъ,

Которы ей вездѣ предходятъ,

И вымыслами игрѣ повсюду производятъ

Въ лицѣ ея пріятный смѣхъ.

А индѣ Граціи Царевну окружаютъ,

Ея различными цѣбтами украшаютъ,
И тихо вокругъ ея лежающій Зефиръ
Рисуешь образъ сей, чтобъ имъ украсить мѣрѣ;

Но въ ревности оиъ взглядовъ вольныхъ,
Умѣривая умъ любителей свободъ,
Иль будто бы сприся оиъ кришникъ зло-
крамольныхъ,

Скрываетъ въ спискѣ онъ большую часть кра-
сотъ;

И многіе изъ нихъ, конечно чудесами,
Предъ Душенькою вдругъ тогда писались сами;
Вездѣ въ чертогахъ шамъ,

Царевнинымъ очамъ
Торжественны, ей въ честь, встрѣчались пред-
меты:

Вездѣ ея поршреты

Являлись по сѣбнамъ,

Въ прощыхъ уборахъ и нарядныхъ,

И въ разныхъ пластьяхъ маскерадныхъ.

Во всѣхъ ты, Душенька, парадахъ хороша:

По образуль какой Царицы ты одѣта,

Паспушкою ли гдѣ сидишь у шалаша:

Во всѣхъ ты чудо свѣта,

Во всѣхъ являеши прекраснымъ божествомъ,

И только ты одна прекраснѣе поршрета.

~~~~~  
ДУШЕНЬКА, ОСТАВЛЕННАЯ АМУРОМЪ.  
~~~~~

Бывала Душенька веселостей душою,

Бывала Душенька большою госпожою;

Бывало въ прошлы дни, подъ кровомъ у небесъ,

Когдабъ лишь капля слезъ

Изъ глазъ ея свернула,

Или бы Душенька о чемъ нибудь вздохнула,
Илибъ поморщилась, иль только бы взглянула,
Въ минутибъ, для ея услугъ,
Полки духовъ явились вокругъ,
Съ водами, спиртами, изъ разныхъ краевъ свѣта,
И самъ бы Эскулапъ, хотя далеко жилъ,
Тотчасъ бы сыскапъ былъ,
Пощупать, посмотрѣть, иль просто для со-
вѣта,

И всюбъ свою для ней науку истощилъ;
Когда же во дворъ разсѣялись слухи,
Что Душенька въ раю преслушала законъ,
И что ее за грѣхъ оставилъ Кунидонъ:
Оставили ее и всѣ прислужны души.
Зефиры не были въ числѣ невѣрныхъ слугъ!
Сїи за Душенькой спаринны волокипы,
Одни остались, изъ всей придворной свиты,
Которые вдали надъ ней лепали вокругъ;
Но всѣмъ извѣстно то, Зефиры были вѣтры,
И были такъ легки, какъ наши непиметры:
Увидѣвъ красоты, что прежь сего цвѣли,
Увидѣвъ ихъ тогда поблеклы, бездыханны,
Зефиры не могли

Въ привязанности быть надолго постоянны,

И, кинувъ Царску дочь,
Летѣвъ пустились прочь;

Красавицы двора, которы ей служили,
Хотя казалось объ ней тогда шужили;
Но каждая изъ нихъ имѣла красоты,
Имѣла собственны дѣла и суеты,
Стараясь, ища, ласкаясь, упоая,
Авось либо творецъ прекраснѣйшаго рая,
Авось либо сей богъ веселій и ушѣхъ,
Оставивъ Душеньку за дурость и за грѣхъ,

И вспомнивъ древнюю ихъ вѣрность и услугу,
 Въ послѣдокъ кинетъ взоръ
 На собственный свой дворъ,
 И можетъ быть изъ нихъ возметъ себѣ су-
 пругу;

И каждая, хваля начальницу свою,
 Желала быть сама начальницей въ раю.
 Амуры болѣ всѣхъ къ Царевнѣ склонны были,
 По старой памяти всегда ее любили;
 И, видя злую съ ней напасть,
 Усердно ей помочь хотѣли;
 Но, чпш покорно вышнюю власть,
 Въ то время къ ней оппюдь приближиться
 не смѣли.

Иль можетъ быть и такъ: они, предвидя впредь
 Ея несчастья и печали,

Судили легче ей въ сей долъ умереть,
 И ей изъ жалости тогда не помогали.
 Они увидѣли, увы! въ потѣ самый часъ,
 Зефирамъ на вѣпру написанной приказъ. . . .
 Амуры съ Душенькой распались, возрыдали,
 И только взорами ее препровождали.

Зефиры Царску дочь обратно унесли
 Изъ горнихъ мѣстъ къ земли,
 Туда, откуда взяли;

И тамъ

Оставили полмертву,
 Какъ будто люшымъ лвамъ
 И аспидамъ на жертву.

Умри, красавица, умри! пвой сладкой вѣкъ
 Съ минувшимъ днемъ уже прошекъ;
 И ешлы смерть тебя опъ бѣдсвѣй не из-
 бавитъ,

Сей свѣтъ, гдѣ ты досель равнялась съ бо-
жествомъ,

Опныи въ скорѣебѣ тебѣ наполненъ будетъ
зломъ,

И всюду горести за горестыми представитъ.

Тебя къ перифію оставилъ Купидонъ;

Твой рай, твои утѣхи,

Забавы, игры, смѣхи,

Съ ихъ временемъ прошли, прошли какъ буд-
то сонъ.

Вкусивши сладости, когда кто ихъ лишился,

И почто вѣдаешь ихъ цѣну и уронъ,

И болѣ: кто любя, съ любимымъ разлучился,

И радости себѣ уже не чаешь впредь,

Легко почувствуешь, безъ дальнѣйшаго слова,

Что лучше Душенькѣ въ сей долъ умереть.

Но гнѣвная судьба была къ ней полъ сурова,

Что, сколь бы грозныхъ Паркѣ на помощь ни
звала,

И какъ бы смерти ни искала,

Судьба назначила, чтобъ Душенька жила,

И въ жизни бы спрадала.

Богдановичъ.

II.

НА Д П И С Ь

КЪ ПОРТРЕТУ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Минерва, чпшя ЕКАТЕРИНУ,
 Когда узрѣла видѣ Ея,
 Сказала, глядя на каршину:
 „Какое сходство! — эшо я!“

III.

НА МОНУМЕНТЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Колоссъ Родосскій, днесъ смири свой гордый
 видѣ!
 И Нилъски зданія высокихъ пирамидъ,
 Престаньте болѣ счисляться чудесами!
 Вы смершныхъ брейными содѣланы руками.
 Нерукопворная здѣсь Росская гора,
 Внявъ гласу Божію извѣ успѣ ЕКАТЕРИНЫ,
 Прешла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины,
 И пала подѣ снопы Великаго ПЕТРА.

РУВАНЬ.

IV.

ГОРЛИЦА и ПРОХОЖІЙ.

П р о х о ж і й.

Что такъ печально ты воркуешь на кусточкѣ?

Г о р л и ц а.

Тоскую по моемъ дружочкѣ.

П р о х о ж і й.

Не ужель онъ тебѣ, невѣрный, измѣнилъ?

Г о р л и ц а.

Ахъ! нѣтъ, стрѣлокъ его убилъ.

П р о х о ж і й.

Нещастная! спрашисъ и ты его руки!

Г о р л и ц а.

Что пужды! вѣдь умружъ съ тоской.

ДМИТРИЕВЪ.

ПОКОЙ И СЛАВА.

„Спокойствіе дороже славы!“
Твердяшъ лѣнныя умы.

Нѣтъ, нѣтъ! они не правы,
Покоемъ не довольны мы.

Въ объятіяхъ его скучаемъ,
И прежде смерти умираемъ.

Жизнь наша споль бѣдна,
Превратна, не вѣрна;

Дней ясныхъ въ ней такъ мало,

Такъ все мгновенно для сердецъ,

Что удовольствія и щастія начало

Есть удовольствія и щастія конецъ.

Чѣмъ бережно въ тѣни скрывашся,

Боясь шороха, боясь вслухъ дышашъ,

Единственно за тѣмъ, чтобъ жизнью скучашъ

И смерти празднo дожидашся:

Не лучше ли что нибудь

Великое свершить? Гремящей славы путь

Къ безсмертію ведетъ. Душа живетъ дѣлами,

И наслаждаешся вѣками

Въ геройскомъ подвигѣ своемъ.

Паришь съ орломъ подъ небесами,

Сіяешь эфирными лучами,

Сгорѣшь шамъ солнечнымъ огнемъ,

Оставишь пепелъ намъ, милѣе для Героя,

Чѣмъ духомъ онѣмѣшь въ ничтожествѣ покоя,

И съ червемъ прахъ лобзашъ, доколѣ исполинъ,

Рокъ, грозный смертныхъ властелинъ,

Его не раздавилъ гигантскою стопою.
 Всѣмъ должно быть землею:
 Ты, слабый человѣкъ!
 Какъ тѣнь мелькая, исчезаешь;
 Но надпись о другомъ и въ самый дальній вѣкъ
 Гласитъ: *прохожій, стой! героя полираешь.*

КАРАМЗИНЪ.

VI.

КЪ ЛЮБИМЦАМЪ МУЗЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ.

Блѣвотъ отъ снѣговъ угрюмыхъ горъ вершины;
 Вездѣ шуманъ и мракъ — покрышы рѣки
 льдомъ;

Унылы рощи и долины;
 Гдѣ кубокъ золой? — Мы сидѣмъ предъ огнемъ!

Какъ хочетъ, пусть Зевесъ вселенной управ-
 ляетъ!

Онъ рекъ и сотворилъ. Подвласно все ему:

Онъ громомъ, молніей играетъ,
 Послушны бури, вихрь, Зевесу одному!

Любимецъ Музъ щастливъ во всѣ премѣны
 года;

Онъ пользуется тѣмъ, что видитъ предъ собой.

Друзья! для насъ Природа
 И въ ужасахъ своихъ блистаетъ красотою!

Гдѣ лиры? спанемъ нѣтъ. Насъ Фебъ соеди-
нлѣтъ;
Виргилій Россихъ спранъ присутствіемъ сво-
имъ

Къ наукамъ жаръ раждаетъ;
Кто съ Музами живетъ, утѣхи вѣчно съ нимъ!

Васъ, Граціи, давно украсили вѣнками,
Вамъ должно пѣть, друзья! И Дмитриевъ, Ка-
рамзинъ,

Прекрасными стихами
Плѣняють, учаъ насъ, а я молчу одинъ!

Нѣтъ! нѣтъ! и я хочу, какъ вы, гремѣть на
лирѣ,

Лечу ко славы я, вашъ духъ во мнѣ горитъ.

И я извѣстенъ буду въ мірѣ!

О радость, о восшорѣ! . . . и я . . . и я
Пѣмъ!

Пушкинъ.

VIII.

ПУТЬ ЖИЗНИ.

Сей жизни нашей довольно дологъ путь:
На немъ чепырежды намъ должно отдохнуть;
Хоть всюду черные шамъ кипарисы зрящся,
Но странники на немъ и день и ночь пѣ-
снящся.

Покорствую во всемъ велѣніямъ судьбы,
 Не внемая голосу слезящія молюбы,
 Избранный смертію возница грубый, Время,
 Влечетъ по оному несчастныхъ смертныхъ
 племю.

Родился человекъ, увидѣвъ только свѣтъ,
 Уже собравшимъ печетъ не медля въ свѣдѣ;
 Храни обычай средь малыхъ попеченій,
 Онъ долженъ заупрашивать въ дому *Предразсуж-*
деній.

Въ полдневный часъ *Любовь* съ улыбкой при
 пуги
 Не медлитъ звать его обѣдать къ ней зайши.
 Хозяйка ласкова! коль милы разговоры!
 Но средства нѣтъ ему расстаться съ ней безъ
 ссоры.

День къ вечеру. и онъ, чѣмъ скуки из-
 бѣжать,
 И мысли мрачныя бесѣдой разогнать,
 Чѣмъ ласковыхъ для себя исполнился меч-
 таній,
 Онъ скачетъ наскоро въ гостиницу *Познаній.*

Тамъ видитъ тысячи противниковъ себѣ;
 Они всѣ вдругъ крича въ словесной съ нимъ
 борьбѣ,
 Угрюмы, пасмурны, хопятъ съ нимъ вѣчно
 драхъ,
 Чѣмъ лавро вой лиспокъ не могъ ему де-
 статься.

Жалѣя праведно о жалкихъ сихъ глупцахъ,
 И о потеряннѣхъ для распри той часахъ,
 Онѣ покидаеиъ ихъ, и вдаль въ свой путь
 спремится,
 И въ домѣ *Дружества* онѣ ужинаиъ сажися.

*

Бесѣду мирную въ семѣ мѣстѣ полюбя,
 Онѣ шолько что начнетъ развеселяиъ себя,
 Жестокой вдругъ къ нему возница присту-
 паеиъ,
 Велииъ оставииъ все, въ ,орогу понуждаеиъ.

*

Свершилось все, и онѣ, досадуи, смущенѣ,
 Подѣ пиягостию бѣдствѣ умученѣ и согбенѣ,
 Приходииъ, видииъ одрѣ себѣ успокоенѣ:
 Друзья! шо смертнѣй гробѣ — конецѣ его
 мученѣ.

Костровѣ.

VIII.

ЭПИГРАММА.

~~~~~

Что за диковинка, что въ древни вѣки
 Сыскалось семѣ лишь мудрецовѣ?
 Судите, сколько же глупцовѣ
 Тогда имѣли Греки.

И.

~~~~~

ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНИМЪ.

Амуръ далъ празднество Венерѣ,
 На балѣ при Граціи приглашены въ Цитерѣ
 Со всею свитою Зефировъ и Ушѣхъ,
 И словомъ, всѣ родные Купидона;
 Но смертныхъ опгонять приказано тамъ всѣхъ.
 Людмила, эшаго не вѣдая закона,
 Явилася на балѣ съ своею красотою;
 Но ей отказанъ входъ, на просьбы не взирая.
 Вздохнула . . . прочь пошла . . . Амуръ кри-
 чипъ: постой!
 Взгляните на нее, она намъ всѣмъ родная.

А.

X.

СТИХИ,

*Назначенные послать къ при портретѣ
 ЕКАТЕРИНЫ II, писанномъ перомъ на
 образецъ гравировки.*

Махнувъ рукой, перекрестясь,
 Къ тебѣ свой трудъ я посылаю,
 И только лишь того желаю,
 Чтوبъ это было въ добрый часъ.
 Не думай, чтобъ мечталъ я гордо,

Что съ образцемъ мой схожъ портретъ !
 Я очень это знаю твердо ,
 Что мастера на свѣтѣ нѣтъ ,
 Ктобъ могъ изобразить въ картинѣ
 Все то , чему дивится свѣтъ
 Въ божественной Екатеринѣ .
 Повѣришь ли разсудокъ мой ,
 Чтобъ былъ искусникъ гдѣ такой ,
 Ктобъ живо хитрою рукою
 Представилъ солнце на холстинѣ ?

Не думай также , чтобъ тебя
 Я легкимъ почиталъ судьей ,
 И слабый вкусъ и глазъ любя ,
 Къ тебѣ съ работою щель моею .
 Нѣтъ , нѣтъ , не столь я близорукъ !
 Твои считая дарованья ,
 Браню себя я за желанье
 Работу выпустить изъ рукъ .
 Передъ твоимъ умомъ и вкусомъ ,
 Скажи , кто можешь быть не шрусомъ ?
 Въ тебѣ блестятъ дары ума ,
 Знакома съ кистью ты сама ;
 Тобой , какъ упрѣ солнцемъ краснымъ ,
 Одушевлялось полотно ,
 И становилось оно
 Природы зеркаломъ прекраснымъ ;
 Не рѣдко , кажется , цвѣтши
 Брала изъ рукъ Ирисы ты :
 Все это очень мнѣ извѣстно ,
 Но , не смотря на все , что есть ,
 Тебѣ свой слабый трудъ поднести
 Пріятно мыслямъ , сердцу лѣстно .
 Прими его , почтенья въ знакъ ,

И не цѣня ни такъ, ни сякъ,
 Чего никакъ онъ не достоинъ,
 Поставь смиренно въ уголку;
 И я щастливымъ нареку
 Свой трудъ — и буду самъ спокоенъ.
 Пустьъ видяшъ недоспашки въ немъ;
 Но кришину оставя спрогу,
 Пустьъ вспомнишь то, что часто къ Богу
 Мы съ свѣчкой денежной идемъ.

К.

XI.

РАЗСУЖДЕНИЕ о ЖИЗНИ, СМЕРТИ и ЛЮБВИ.

СТИХИ НА ЗАДАННЫЯ ПРИЕМЫ.

Чѣмъ я начну шеперь? Я вижу, что — *баранъ*
 Нейдетъ шущъ ни къ чему, гдѣ приема — *баранъ*;
 Вы лучше дайте мнѣ зальцъ-вассеру — *спанъ*
 Для подкрѣпленія силъ; вранье не — *алькоранъ!*
 Извѣстно вамъ, друзья, что галка не — *Фазанъ*
 И что въ Поэсахъ я козакъ, а не — *Гетманъ*;
 Часть V. В

Но васъ душой люблю и это не — *обманъ*.
Разсмысьсь, я щаспливъ. Послушайте. —

Арманъ

Былъ доброй человѣкъ. Что наша жизнь? —

Романъ!

Онъ часто говорилъ. Что наша смерть? —

Туманъ.

А лучше что всего? Биф-шпексъ и —

Лабарданъ.

А есшьли жъ я умру, пусть струй мой хищ-

ной — вранъ

Какъ хочеть, такъ и встѣ; смерть, грозной —

великанъ,

Уноситъ все съ собой. И дубъ и — *маяранъ*

И червь и человѣкъ въ рукахъ ея — *воланъ.*

Поймаешь въ мигъ она и спрячетъ въ свой —

карманъ;

Оттуда не уйдешь ни въ Лондонъ, ни въ —

Миланъ.

— Арманъ мой справедливъ, смерть милой

звѣрь, — Кабанъ

Гѣнна, Леопардъ; могила не — *диванъ;*

Когда подумаю, что лѣзъ мнѣ въ — *чемоданъ,*

Что тамъ исчезнетъ все и голова и — *сѣканъ,*

Поморщусь и вздрогну. Я въ — *Музулила-*

танъ

Согласенъ хоть сей часъ; пройду — *мери-*

діанъ;

Но пусть я буду живъ! пусть жизни —

караванъ

Въ дорогѣ будетъ вѣкъ. Французъ и —

Молдаванъ

Твердятъ, что смерти пушъ и шруденъ и —

лещанъ;

А въ жизни мило все, крапива и — *тюльпанъ*.
Живу, люблю, горю; Амуровъ мнѣ — *кал-*

канъ

Не спрашенъ никогда; уродливой — *Вулканъ*.
И Марсѣ, и Аполлонѣ, Добрыня и — *Полканъ*,
Амура чтили всѣ; спамедѣ — и *парламанъ*,
Прекрасно все на шой, которой онѣ — *кол-*

чанъ

И стрѣлы далъ свои. Амурѣ — *Левіаванъ*!
Въ романахъ говоришь, извѣстной де —

Трессанъ;

Амурѣ, богѣ радостей, гласишь намѣ —

Унцельманъ ()*;

Прекрасной вѣрю я. И Грекѣ и — *Музуль-*

манъ

Гошвы въ рошѣ бытъ, Эрешѣ гдѣ — *Кали-*

танъ;

Захочешъ сильной богѣ, красавецѣ и — *еубанъ*!
Пойду съ Темирой я въ огонь и въ — *океанъ*.

Пушкинъ.

(*) Актриса въ Германіи.

НА ПОДАРЕННУЮ ЦѢПОЧКУ.

Какъ прелестью своей красы,
 Равно искусствомъ ты плѣняешь;
 Цѣпочку — вяжешь на часы,
 А цѣпь — на сердце налагаешь.

Г. Г. Салтыковъ.

XIII.

М А Д Р И Г А Л Ъ.

Дивились, что любить я выучился въ мигъ;
 Но это видно позабыли,
 Что у меня на шомъ разъ были
 Учитель Хлоюшка, а сердце ученикъ.

Н. Д. Горчаковъ.

П О Р Т Р Е Т Ъ.

~~~~~

Въ сердца мужчинъ вливать любовь,
 А въ женщинъ зависть и досаду;
 Зажечь единымъ взглядомъ кровь,
 И шѣмъ же взглядомъ дать опраду;
 Быть умницею не гордись,
 Красавицею не рядись,
 Имѣшь и видъ и нравъ небесной:
 Вотъ *Хлоюшки* моей портретъ нелестной!

К. Д. Горчаковъ.

~~~~~

XV.

Э П И Г Р А М М Ы.

~~~~~

1.

Дамонъ все на всахъ злословія измѣрилъ:
 Онъ добродѣтель, честь и разумъ клеветалъ;
 На Бога лишь хулы за шѣмъ не сопледалъ,
 Что онъ не зналъ Его и бытію не вѣрилъ.

—————

2.

Лука съ Хавроньею лишь только въ бракъ
вступилъ,
Въ минушу началъ жить огромно и богато;
Вездѣ блестящъ сребро, жемчугъ, алмазы,
злашю;
Росъ изобилій онъ съ нею получилъ.

3.

Былъ нѣвно Вицeroй, всѣхъ грабилъ и губилъ;
Но будучи смѣненъ, прѣзжаго спросилъ:
— „Я думаю, по мнѣ Губернiя спрaдаеиъ? —
„По милости швоей вся плачеиъ и рыдаеиъ.“

4.

Чтобъ ты лѣчилъ меня, на вѣрно слухъ сей
живъ!
Я живъ!

5.

Нарцизовой красы исторiю слыхали;
Узря себя въ водахъ, въ восторгѣ умеръ онъ.
Ты въ воды не смотришь! тебѣ другой законъ:
Ты можешь умереть съ печали.

6.

Что женской родъ болшливъ, мнѣ Музы до-
казали;
До Музъ слылъ дуракомъ
Фирюлинъ подъ рукой; лишь Музамъ спалъ
знакомъ,
Всѣ въ мигъ про то узнали.

Г. Д. Хвостовъ.

МОМОВЪ ПОДАРОКЪ.

ИЛИ СТРАННОСТЬ.

Когда-то Граціи, отбросивъ щипъ Минервы,
Подъ нимъ ведущей ихъ къ богамъ на тронъ
побѣдъ,

Къ Олимпу потеряли слѣдъ.

И ктобъ, вы думали, въ бѣдѣ ихъ встрѣтилъ
первый?

Богъ Момъ. Увидя ихъ далеко отъ небесъ,

Въ пустыняхъ ложныя забавы,

Безъ пояса любви и безъ щита ихъ славы,

Забавный богъ суму въ подарокъ имъ поднесъ,

Сказавъ: „да замѣняетъ странность

Утрату милыхъ всѣхъ даровъ! —

Съ тѣхъ самыхъ поръ совѣтъ боговъ

Назначилъ, Мому въ благодарность,

Носить красавицамъ въ рукахъ мѣшокъ пущей

И подъ названьемъ: шуловской (*).

ИЗМАЙЛОВЪ.

(*) Отсюда произошло имя Ридикюлей.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЕТРИАДЫ.

Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
 До Меотійскихъ Донъ свободно текъ валовъ,
 Нося ужасной флотъ въ спруяхъ къ пучинѣ
 Черной,
 Что созданъ въ скорости Петромъ неимо-
 върной.

Уже великая покоилась Москва,
 Избывъ отъ лютаго злодѣевъ суровства;
 Бунтующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ
 казни
 Простерла въ свой мечъ безъ внушенной
 боязни.

Отъ дерзкой наглости разгнѣваннымъ Петромъ
 Воздвигся въ западъ войны ужасной громъ,
 Отъ Нарвской обувъ сомнишельной побѣды,
 Шатались мыслями и войскъ походомъ Шведы.
 Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой
 быстрый ходъ
 Къ любезнымъ берегамъ полочныхъ бѣлыхъ
 водъ,

Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ весе-
 лилась,
 И больше къ плаванью въ немъ жажда воспа-
 лилась.

О! сколь ты счастлива, великая Двина,
 Что славнымъ шествіемъ его освящена!

Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкѣ, что, успѣями
своими

Сливаясь въ сонмъ единъ со безднами мор-
скими,

Опирыла посредѣ играющихъ валовъ

Другихъ всѣхъ прежде спруй пучинъ зракъ
Петровъ.

О холмы красные и острова зелены,

Какъ радовались вы симъ счастьемъ восхи-
щенны!

Что поздно я для васъ, что поздно я рожденъ,

И тѣмъ толикаго веселія лишенъ?

Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величествомъ надъ
вами,

И шептовалъ средъ васъ предъ новыми пол-
ками;

Какъ новы крѣпости и новы корабли,

Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли,

Смотрѣлъ и утверждалъ прошиву ихъ набѣгу,

Грозящему бѣдой Архангельскому берегу,

Дабы Россійскую тѣмъ силу раздѣлишь,

Отъ Ингерскихъ градовъ осады опвратить.

Но вдругъ прищесствѣя Петрова въ сѣверъ
слухомъ

Смущаясь, пустились вспяшь, унылы, томны
духомъ.

Уже бѣдѣя Понтъ передъ Петромъ кипишь,

И влага уступишь, шумя, ему спѣшишь.

Тамъ вмѣсто чайныхъ Бореи флаговъ Швед-
скихъ

Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.

Закрылись крайніе пучиною льса,

Лишь съ моремъ видны вкругъ слѣяны небеса.

Тутъ въпры сильные, имѣя флотъ во власти,

Со всѣхъ сторонъ смѣсаясь къ погибельной напасти,
 На западъ и на югъ, на сѣверъ и востокъ
 Стремящи и вершяи мглу, влагу и песокъ.
 Перуны мракъ густой, сверкая, раздѣляюиъ,
 И громы съ шумомъ водъ свой прескъ соеди-
 няюиъ.

Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ,
 Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ
 летѣлъ.

Въ сердцахъ великой страхъ сугубииъ скры-
 помъ снасти.

Герой нашъ посреда великiя напасти
 И взоромъ и рѣчами смутившихся крѣпимъ,
 Сивозъ грозный стоиъ стихий къ блѣднѣю-
 щимъ гласиъ:

„Мужайшесь! Промыслъ насъ небесный иску-
 шаетъ;

„Къ трудамъ и къ крѣпости напредки обо-
 дряетъ;

„Всякъ дѣлу своему со тщанiемъ внимай:

„Опасности селъ Богъ скоро пошлетъ край.“

Отъ гласа въ грудь пловцамъ кровь теплая
 влѣялась,

И бѣря въ ирости крошчае показалаъ.

И мысляю, что тогда сокрыша въ морѣ мочь,
 Желая оповратить набѣгъ прошивныхъ прочь,
 Толь страшну бурю имъ на пагубу воздвигла,
 Что въ плаваньи Петра нечаянно постигла;

О вы, рачители и слушатели словъ,
 Въ копорыхъ подвигъ вамъ прiяиъ есть
 Петровъ,

Едина истина возлюбленна и сродна;
 Отъ вымысловъ краса Парнаскихъ негодна!

Позвольте между тѣмъ, чтобъ слаба мысль моя
И голосъ опочилъ, труды его пой;
Въ Каспальски роши я не съ тѣмъ себя склоняю,
Что онымъ шамъ обыскать красу и силу чаю;
Ключи, источники, долины и цѣвшы
Не могутъ дѣлать его умножить красоты;
Собой онъ красны, собой онъ велики.

Ошважась въ долгій путь, гдѣ трудности
толики,

Ищу, чтобъ иногда имѣть себѣ покой;
Въ убѣжища сѣи склонитесь вы со мной,
Дабы яснѣе зрѣть съ высокихъ мѣстъ и крас-
ныхъ

Петра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ
бѣдахъ ужасныхъ,

И славы истинной въ блистающихъ лучахъ.
Какое зрѣнїе мечтается въ очахъ?

И на землѣ стою, но страхомъ колеблюсь,
И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь!
Мы въ всякая волна быль кажется гора,
Что съ ревомъ падаетъ, обрушась на Петра.

Но Промыслъ въ глубину десницу простираетъ;
Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.

Какъ въ равнинѣ разбѣжась свирѣпый конь по-
ляхъ,

Ржеть, пышетъ, опъ копытъ возводитъ ви-
хремъ прахъ;

Однако, доскакавъ до высоты крупыя,
Вздохнувъ, кончаетъ бѣгъ, льетъ токи по-
повыя:

Такъ Сѣверъ, укроясь, въ послѣднѣ возстеналъ;
По усталымъ валамъ Понти пѣну разстилалъ;
Изчезли облака; сивозъ воздухъ въ югъ чистый

Открылись два холма и берега лѣсистой.
 Межь ними кораблямъ въ заливъ отверзся входъ,
 Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
 Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крупись печальна Уна,
 Медлительно печетъ въ объятія Непшуна,
 Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала;
 Но Предковъ рокомъ злымъ Петровыхъ про-
 слыда,

Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
 Кипѣла пролила невинныхъ кровь багрова,
 Какъ Праотцевъ его онъ въ сѣверѣ заточилъ,
 Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба! уморилъ.
 Сошелъ на берегъ Петръ, и ободрилъ стопами
 Мѣста, обмоченны Романовыхъ слезами.
 Подвиглись берега, зря въ славѣ оныхъ родъ.
 Межь тѣмъ способной вѣспрѣ въ свой путь
 сзываетъ флотъ.

Онъ легкимъ къ западу дыханьемъ поспѣ-
 шаетъ

И мѣлкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.
 Тогда плывущимъ Петръ на Полночь указалъ,
 Въ спокойномъ плаваньи сѣи слова вѣщавъ:

„Какая похвала Россійскому народу
 „Судьбой дана, пройщи покрышу льдами воду.
 „Хотя шамъ кажешся поставленъ плыть пре-
 дѣлъ,

„Но бодрость подають примѣры славныхъ дѣлъ!
 „Полденной свѣта край обшелъ отважной Гама
 „И солнцева доспигъ, что мнила древность,
 храма.

„Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
 „Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ!
 „Подвигнушы хвалою, исполненны надежды,
 „Которой лишены пугливые невѣжды,

„Презрѣли робость ихъ, ропшанье и упоръ,
 „Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ,
 морь.

„Иное небо тамъ и новыя свѣтила,
 „Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитъ
 сила.

„Бездонный океанъ правой какъ лугъ покрытъ;
 „Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ
 грозитъ;

„Опасенъ вихрей бѣгъ, но пищина спрашнѣ,
 „Что поршитъ въ жилахъ кровь, свирѣпыхъ
 ядовъ злѣе.

„Лишаетъ долгой зной здоровья и ума;
 „А спужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
 „Самъ ледъ, что кажется полъ грозенъ и
 ужасенъ,

„Отъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ
 безопасенъ.

„Колумбы Россіе, презрѣвъ угрюмый рокъ,
 „Межъ льдами новый путь оповратъ на во-
 стокъ,

„И наша достигнетъ въ Америку держава;
 „Но нынѣ насшопитъ въ войнахъ иная слава.“
 Надежды полный взглядъ слова его скончалъ,
 И бодрый духъ къ прудамъ на всемъ лицѣ
 сѣялъ.

Достигло дневное до полночи свѣтило;
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыла,
 Какъ пламенная гора казалось межъ валовъ,
 И просширало блескъ багровой изъ-за льдовъ.
 Среди пречудныхъ при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи злыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ
 въ очи.

Отъ сѣвера спада морскихъ приходятъ чудъ

И воду вихрями крушаѣ и къ верху бьюѣ,
 Предшесшвуя Царю пространныя пучины,
 Чѣо двинулся къ Петру, ошибкою повинный,
 Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
 Въ недосигаемой ошѣ смертныхъ сторонѣ
 Между высокими камнистыми горами,
 Чѣо мы по зрѣнію обыкли звать мѣлями,
 Покрытый золотымъ пескомъ простерся долъ;
 На томъ сего Царя палаты и престолъ.
 Столпы округъ его огромныя кристаллы,
 По коимъ обвидѣлись прекрасныя кораллы;
 Главы ихъ сложены изъ раковинъ вищихъ,
 Превосходящихъ цвѣтѣ дуги межъ тучъ гу-
 сныхъ,

Чѣо кажется укротясь намъ громовая буря;
 Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.
 Палаты изъ одной изсѣчены горы;
 Верхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры;
 Уборы внушрени покровъ черепокожныхъ;
 Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ,
 Тамъ проиъ жемчугами усыпанный янтарь;
 На немъ сидѣтъ волнамъ сѣдымъ подобенъ
 царь.

Въ заливы, въ Океанъ десницу простираетъ,
 Сапфирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваетъ.
 Одежда царская порфира и виссонъ,
 Чѣо сильныя моря несутъ ему предъ проиъ.
 Ни мразы, ни Борей шуда не достигаютьъ,
 Лишь солнечныя лучи сквозь влагу проникаютьъ.
 Ошѣ хлябей сихъ и безднѣ владѣтель водъ
 возникъ;

Воздвигли радостной морской пищи яликъ.
 Онъ въ слѣдъ къ плывущему Герою обратился,
 И повости судовъ Петровыхъ удивился:

„Твой, сказалъ, моря, надъ нами царствуй
вѣкъ;

„Тебѣ печеніе пространныхъ тѣсно рѣкъ:

„Построй великой флотъ; пошавъ въ пучи-
нѣ стѣны.“

Скончали пріемъ сей гласъ его, Сирены.

Домоносовъ.

XVIII.

МАДРИГАЛЬ.

„Мущины счастливы, а женщины несчастны,
Селеста милая твердишь:

Ихъ рокъ прелестною свободою дарить,

А мы всегда подвластны.“

— Такъ чтожь? поспорю въ томъ, прекрасная,
съ тобой;

Я вольность не всегда блаженствомъ почишаю:

Скажи: *ты сердцу миль!* свободу и покой

Тотчасъ на цѣпи промѣняю.

Пушкинъ.

XIX.

НА ОШЕЙНИКЪ СОБАЧКЪ.

Ласкай меня, какъ я себя ласкаю;
 Люби его, какъ любишь онъ тебя;
 Лаская, дни скончаю,
 А онъ умретъ любя.

N.

XX.

ЭПИГРАММА.

(Подражаніе Французской.)

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ!)
 Послалъ двѣ оды на Парнасъ.
 Онъ въ нихъ описывалъ красу природы, неба,
 Цвѣтъ *розо - желтой* облаковъ,
 Шумъ листьевъ, вой звѣрей, ночное пѣнье совъ,
 И милости просилъ у Феба.
 Чистая богъ звалъ, и наконецъ спросилъ:
 „Какихъ лѣтъ стихотворецъ былъ,
 И оды громкія давно ли сочиняешь?“
 — Ему пятнадцать лѣтъ, Эрата отвѣчаетъ. —
 „Пятнадцать только лѣтъ?“ — Не болѣе
 того! —
 „Такъ розгами его!“

Пушкинъ.

Примѣч. Въ Гальской землѣ существуетъ общепринятое преданіе, что Эдуардъ I. завоевавъ сію землю, повѣлѣлъ умертвить всѣхъ Бардовъ, въ его руки попавшихся.

„Погибни, лютой Царь! ты смертныхъ
сталъ оправой!

„Да шепнешъ, срамъ твой постигнущъ знамена,

„Которыя, гордись побѣдою кровавой,

„Ругаясь воздухомъ, подъялись какъ стѣна.

„Ни свѣтлая броня, ниже твой щипъ бле-
снѣйшій,

„Отъ ужасовъ ночныхъ тебя не оградяшъ;

„Внутри тебя вопишъ гласъ громкій и грозящій,

„Что Камбрія въ слезахъ тебя клянетъ спо-
крашъ.“

Отъ сихъ ужасныхъ словъ попрысся шлемъ
пермашій

На Эдуардовой тордящейся главѣ,

Когда, высокихъ горъ презрѣвъ крупные скапы,

Надъ бездной войско онъ отважно велъ свое.

Самъ Глостеръ (*), изумленъ отъ страха,
сталъ безгласенъ.

А храбрый Моршимеръ (**) всей силой возо-
пилъ:

(*) Гилбертъ де Кларъ, прозванный Краснымъ, Графъ Глостерскій и Герфордскій, зять Короля Эдуарда I. *Пер.*

(**) Эдмондъ Моршимеръ, Лордъ Вигморскій; они оба были владѣльцами границъ Гальскихъ, и вѣроятно, что они сопутствовали королю въ семъ походѣ. *Пер.*

Къ оружію, друзья! сей часъ намъ всѣмъ
 опасенъ! —
 Онъ острое копье съ симъ словомъ опустилъ.

На каменной скалѣ, до облакъ возвышенной,
 Котору водопадъ яряся окроплялъ,
 Пѣишь, во мрачную одежду облеченной,
 Съ глазами мушными, горящими, стоялъ;
 Какъ будто въ воздухъ носимое явленіе,
 Такъ въперъ раздвѣвалъ власы его съ бородой!
 Онъ бытъ въ пророческомъ казался изсту-
 пленъ,

И съ жаромъ ударялъ по мирѣ онъ рукой:
 „Пещеры дикія, огромны древни дубы,
 „Сливъ шумъ свой съ голосомъ ревуція воды,
 „Гласящъ тебѣ, тиранъ, какъ громко - звуч-
 ны трубы,
 „Что мщеніе тебѣ постигнетъ и бѣды.
 „Со дня ужаснаго Камбрійской грозной брани
 „Обширная страна поверглась въ мерзвый сонъ.
 „Гоель ужъ пѣшь преспалъ, не плашишь Му-
 замъ дани,
 „Не слышенъ въ сихъ мѣстахъ пріятный
 лирный звонъ.

„Оледенѣлъ дзвигъ Кадвала вдохновенный,
 „Который укрощалъ свирѣпоснь воли мор-
 скихъ.
 „Опважный Урѣнъ, въ пуспынѣ погребенный,
 „Во мрачномъ гробѣ спитъ среди льсовъ гу-
 спныхъ.
 „О горы! щедры вы слезами орошенны,

„Модреда мершвымъ зря ; умѣвшаго плѣняишь
 „Чрезъ пѣсни громкія ; волшебны ; вдохновенны ;
 „И камни твердые чудесно потрясашъ ;
 „Они въ прови лежатъ и блѣдностью покрыты ;
 „И вранъ испуганный отъ пѣлв ихъ прочь
 лепитъ ;
 „Не смѣетъ пронуть ихъ и самъ орелъ не-
 сыщый ;
 „Съ ужаснымъ воплемъ онъ съ высотъ на нихъ
 глядитъ .
 „Товарищи мои въ гармоніи священной ;
 „Непѣстныя друзья , которыхъ я люблю ;
 „За коихъ кровь кипитъ въ груди моей стѣ-
 сненной ;
 „Средь бѣдъ отечества скончавши жизнь свою...
 „Чтожъ плачу я о нихъ ? почто такъ чувства
 рвутся ?
 „Не умерли они : я зрю ихъ предъ собой !
 „Кровавы пѣвни ихъ по камнямъ тамъ несутся ;
 „Идутъ они ко мнѣ , бесѣдовать со мной .
 „Врагу отечества отмстятъ они гошovy ;
 „И съ пѣніемъ моимъ сливаются грозный гласъ ;
 „Оставляя за собой вездѣ слѣды багровы ;
 „Плещутъ ужасный ковъ тирану каждый часъ .

,,Для Эдуардовой опроверженной породы
 ,,Соспавшие съ адскими чертами спрашну
 ,,Да пишущся на ней ужасны дни и годы,
 ,,Въ которы смертный вопль сулитъ кроваву
 брань;

„Волчица Гальская (*), которая въ гнѣвѣ
злобною
„Терзала внутренность супруга своего,
„Да будешь сынъ (**) тебя въ неистовствѣ
подобнымъ,
„Да будешь онъ бичемъ народа своего!
„Ошвсюду спрахъ его и препещъ окружающъ,
„Бѣды и бѣгство съ нимъ идущъ во все мѣста;
„Видѣнья грозныя его сопровождающъ,
„За нимъ послѣдуютъ смятеніе, пустоша.

„Могущій, сильный Царь! надмѣнный по-
бѣдитель!
„Во прахъ ты лежишь (***)! гдѣ санъ твой? —
Онъ исчезъ.
„На смерть твою, на гробъ смотри холодный
зрипелъ,
„Не будешь проливать потоковъ горькихъ слезъ.
„Скрылся отъ тебя твой славный воинъ Чер-
ный (****):
„Ужъ нѣтъ его въ живыхъ, въ земныхъ онъ
нѣдрахъ спитъ.
„Сонмъ пышный юношей, ему доселѣ вѣрный,
„Ко солнцу новому всходящему спѣшилъ.

(*) Изабелла Французская, невѣрная жена Эдуарда II, содѣйствовавшая его смерти. *Пер.*

(**) Торжество Эдуарда VI, и поработеніе Франціи. *Пер.*

(***) Смерть сего Короля, который былъ оставленъ отъ дѣтей своихъ, и даже въ послѣдніи свои минуты окраденъ придворными своими и любовницами. *Пер.*

(****) Принцъ Эдуардъ, извѣстный подъ именемъ Принца Чернаго, и умершій прежде отца своего. *Пер.*

„Во свѣтлый лѣтній день (*), когда зефиръ
играетъ,

„Вода отъ пятости злапова корабля

„Колеблется, журчитъ — онъ крылья распу-
скаетъ;

„Тутъ младость на носу, веселье у руля;

„Никто не помышлялъ о бурномъ вихрь,
мрачномъ,

„Который, облеченъ въ глубокую пишину,

„Добычу зря свою въ кристаллъ водъ прозрач-
номъ,

„Низвергнетъ вдругъ ее въ морскую глубину.

„Налейте до края въ чашу позлащенну,

„Огромный, пышный пиръ спѣшите учредить.

„Позволено ему, хоща въица лищенну,

„Блестящу шоржеству еще причастну быти.

„Близъ мѣста Царскаго два грозныхъ при-
видѣнья,

„Гладъ, жажда (**), смущный взоръ кидаютъ
на гостей.

„Ужь слышны громовъ тамъ воинскихъ по-
вѣщанья,

„Раздался конскій шумъ, и свѣтлыхъ звукъ
мечей (***),

„Въ печенье многихъ лѣтъ напастями ужа-
сныхъ;

(*) Воспоминаніе разныхъ пышныхъ праздниковъ и вели-
колѣпія Рихарда II; смотри Фруасара и другихъ со-
временныхъ Писателей. Пер.

(**) Многие утверждаютъ, что Рихардъ II умеръ отъ го-
лода и жажды. Пер.

(***) Относится къ бѣдствіямъ междоусобныхъ браней
Домовъ Йоркскаго и Ланкастерскаго. Пер.

„Неумолимый рокъ пошлетъ бѣды къ бѣдамъ;
 „Для смерти алчныя koliko жертвъ неча-
 сныхъ!
 „Тѣла разбросаны по спогнамъ и полямъ.
 „О башни Лондонски, къ спыду стоящи вѣч-
 ну (*),
 „Свидѣтели убійствъ сокрытыхъ и смертей!
 „Супруги вѣрные (**) доброту зря сердечну,
 „И славу зря отца (***), щадите родъ вы сей.
 „При общей гибели, мы листья обрываемъ
 „И розы бѣлыя (****), и красной вкупъ съ ней;
 „Однимъ ударомъ ихъ на землю повергаемъ,
 „Да каждая падетъ съ противницей своей.
 „Кабанъ (*****), разсвирѣпѣвъ, поднавъ свою
 щетину,
 „Валяется въ крови незлобивыхъ дѣтей;
 „Мыжь, вѣрные друзья, лишь помня мести
 едину,
 „Подпишемъ приговоръ его плачевныхъ дней.
 „Внемли, о Эдуардъ! внемли шую судьбину!
 „Уже готова нищъ къ сощканью лютыхъ бѣдъ;

(*) Многие утверждаютъ, что Генрихъ VI, Георгій Герцогъ Кларанскій, Эдуардъ V, Рихардъ Герцогъ Йоркскій и многие другіе тайно умерщвлены въ башняхъ Лондонскихъ. *Пер.*

(**) Маргерита д' Анжу, жена примѣрнаго мужества, упо-
 треблявшая всѣ силы ко спасенію ея мужа и сохраненію
 его короны. *Пер.*

(***) Генрихъ V. *Пер.*

(****) Роза бѣлая и роза красная были девизомъ двухъ До-
 мовъ, Йоркскаго и Ланкашперскаго, составлявшихъ въ
 Англіи двѣ противныя факціи. *Пер.*

(*****) Кabanъ серебряный былъ эмблема Эдуарда III, отъ
 чего онъ извѣстенъ былъ подъ прозваніемъ Кабана. *Пер.*

„Внезапна смерть нвою постигнетъ половину,
„Она увянетъ вдругъ среди цвѣтущихъ
лѣтъ (*).

„Постойте! вопіете, меня безъ утѣшенія
„Не оставляйте вы въ злой горести моей! —
„Но что я вижу тамъ? — Се огненные явленія
„Блеснувъ исчезли вдругъ, сокрылись отъ очей!
„Но кое зрѣлище и славно и ужасно,
„Въ великолѣпнѣи сходя съ высокихъ горъ,
„Какъ будто нѣкое мечтаніе прекрасно,
„Силнѣмъ пятонилъ мой слабый, томный
взоръ? —

„Грядущи времена! души не возмущайте!
„Свершилось! — Артура (**) оплакивать пре-
станъ.

„Законные Цари (***)! вѣвѣки обладайте!
„Вамъ плащамъ вѣрности, любви, почтенія
данъ.

✱

„Какъ поясомъ, Дворомъ блестящимъ окру-
женны,

„Они свое чело подвѣмлютъ къ небесамъ;
„Вельможи, сѣдиной и мудростию почтенны,

(*) Элеонора Кастильская умерла вскорѣ по завоеваніи Гальской земли. Всѣмъ извѣстенъ геройскій опытъ ея любви къ супругу; и понынѣ еще въ Дортгемптонѣ и другихъ мѣстахъ остались памятники горести и собо- лѣнованій сего Государя о ея смерти. *Пер.*

(**) Принято было нѣкое полѣрье въ Гальской землѣ, буд- то Царь Артуръ и понынѣ живетъ въ странѣ волшеб- ницъ, и что онъ нѣкогда долженъ паки вступить на Великобританскій престолъ. *Пер.*

(***) Мерлинъ и Талиесинъ два славные Барда провѣщали, что Велхи паки получатъ сей островъ во владѣніе; что и казалось быть исполненнымъ въ домѣ Тудорскомъ. *Пер.*

„Пекуся возвратить блаженство симъ спра-
 намъ.
 „Богиня въ ихъ средѣ, во образѣ Царицы,
 „Являешь пылкую въ себѣ Британску кровь;
 „Но важность усладя спыдливостью дѣвицы,
 „Льетъ на подданныхъ щедроту и любовь.
 „Какіе звуки шамъ согласны раздаются!
 „Какіе голоса поютъ блаженны дни!
 „Проникнувъ мракъ земный, они къ гробамъ
 несутся;
 „Возстань, Таліессинъ (*)! и ухо приклони;
 „Тѣ пѣсни радостны согласіемъ достойны
 „Подъять священный прахъ, что нынѣ скрытъ
 въ землѣ.
 „Восторгъ тебя зоветъ! — по небесамъ спо-
 койнымъ
 „Онъ разноцвѣтныя свои простеръ крылѣ.

*

„Поэзія, отъ сна какъ будто возбужденна,
 „Льетъ любовный жаръ (**) и подвиги войны;
 „А правда спрогая, волшебствомъ облеченна,
 „Чрезъ громкій лирный звукъ летишь во всѣ
 страны.
 „А блѣдная печаль и страхъ, пошупя взоры,
 „Въ кошури (**) съ важностью сердца плѣ-
 няишь идущъ;

(*) Таліессинъ, глава Бардовъ, процвѣталъ въ 6мъ столѣтїи; творенія его и понынѣ сохраняемы, и память его въ великомъ почтенїи у его соотечественниковъ. *Пер.*

(**) И ужасныя войны и вѣрная любовь украсятъ мои пѣсни, говоритъ Спенсеръ въ прологѣ своей Поэмы, называемой Царица Волшебницъ. *Пер.*

(***) Шакеспиръ. *Пер.*

„Тамъ голосъ радостный, наивъ Херувимски
хоры,

„Зефиры на крылахъ съ Эдемскихъ странъ не-
суть (*);

„Едва согласіе лишь слуха досягаетъ,

„Но вдругъ перяется въ тѣмъ будущихъ вре-
менъ (**).

„О смертный! — облакомъ, что воздухъ за-
крываетъ,

„Не уже ль будетъ дня свѣтильникъ погашенъ?

„Нѣтъ! — завпра наки онъ въ злыхъ лу-
чахъ явился,

„Огнями яркими вселенну будетъ грѣтъ.

„Довольно для меня! — и духъ мой веселился,

„Что нашихъ частей онъ разность можетъ
зрѣтъ.

„Въ работахъ, Царь, свою оплачешь ты судь-
бину;

„Се часъ твой! — но я — съ побѣдою умру.“...

Такъ рекъ; и падая съ горы крутой въ пучину,
Онъ бездны вѣчныя низвергся въ глубину.

П. Г. Кутузовъ.

(*) Мильшопъ. Пер.

(**) Послѣдованіе другихъ Стихотворцевъ, жившихъ по-
слѣ Мильшона. Пер.

XXII.

НАДПИСЬ

Къ статуѣ Князь Якова Федоровича Долгорукова.

Коварство, хитра лесть его спрашились взора;
Любя опечество, онъ правду Богомъ чшилъ;
Безспрашно, какъ герой, въ совѣтахъ говорилъ;
Царю былъ вѣрной другъ, народу былъ подпора.

2.

XXIII.

ЭПИГРАММЫ

1.

Безмозгину чины
Великіе даны.

Не ужель онъ явилъ опечеству услугу,
Или обязанъ другу?

Нѣтъ, нѣтъ! не тѣ вины:

Прекрасныхъ онъ собакъ имѣлъ и супругу.

2.

Сеянъ виной большаго зла,
Простона погубилъ безъ всякаго причины.
Простонъ для всѣхъ держалъ богатый столъ
и вины;
Простона очень жаль, но больше жаль стола.

Если можно воскресать,
 Я не стану, другъ мой милый,
 Какъ мертвецъ, тебя пугать.
 Въ часъ полуночныхъ явленій
 Я не стану въ видѣ тѣни
 То внезапно, по пишкомъ,
 Съ воплемъ въ твою являться домъ.
 Нѣтъ, по смерти, невидимкой
 Буду вокругъ тебя лептаться;
 На груди твоей подъ дымкой
 Тайны прелести лобзаться;
 Стану всюду развѣивать
 Легкимъ устъ прикосновеньемъ,
 Какъ Зефира дуновеньемъ,
 Омъ каштановыхъ волосъ
 Тонкій запахъ свѣжихъ розъ.
 Если лилія листьями
 Ко груди твоей прильнетъ;
 Если яркими лучами
 Въ комелькъ огонь блеснетъ;
 Если пламень пощаженной
 По ланинамъ пробѣжалъ;
 Если поясъ сокровенной
 Развязался, и упалъ —
 Улыбнися, другъ безцѣнной,
 Это я! — Когда же ты,
 Сномъ закрывъ прелестныя очи,
 Обнажишь во мракѣ ночи
 Розъ и лилій красоты,
 Я вздохну . . . и гласъ мой томной,
 Арфы голосу подобной,
 Тихо въ воздухъ умретъ;
 Еслижъ легкими крилами
 Сонъ глаза твои сомкнетъ,

Я невидимо съ мечтами
 Стану плавать надъ побой.
 Сонъ швой, Хлоя, будешь дологъ . . .
 Но когда блеснетъ сквозь пологъ
 Лучъ денницы золошой,
 Ты проснешся . . . о блаженство!
 Я увижу совершенство . . .
 Тайны прелести красотъ,
 Гдѣ самъ пламенной Эротъ
 Ошѣнилъ рукой своею,
 Розой дѣвственну лилею;
 Все опять въ моихъ глазахъ!
 Всѣ покровы исчезаютъ;
 Часъ блаженнѣйшій! . . . но, ахъ!
 Мертвые не воскресаютъ! —

Б а т ю ш к о в ъ .

XXVI.

М И Н В А Н А .

Отрывокъ изъ Поэмы Оссѣановой.

*(Оссѣанъ представляетъ Минвану на утесѣ. Она
 видитъ флотъ Фингаловъ, идущій
 изъ Ирландіи.)*

Съ пылающимъ лицомъ печальная Минвана
 Съ утесистой горы глядитъ на бездну водъ —
 Героевъ зрѣтъ вдали. — Плывущъ, спѣшатъ
 Герои;
 Блещитъ оружіе; блѣвютъ шлемы ихъ.
 И дѣва вопіетъ: Гдѣ Рино? — Гдѣ мой
 Рино?

Героевъ мраченъ взоръ. Нѣмая скорбь гласишь,
 Что юноша погибъ, что Рина нѣтъ на свѣтѣ,
 Что тѣнѣ любезнаго сокрылась въ облакахъ,
 Что слышенъ гласъ его въ дыханіи Зефира,
 На холмѣ, на горѣ, покрышой муравой.

✱

Увы! Фингаловъ сынъ лежитъ въ долинѣ браней,
 Рука сильнѣйшая повергла въ гробъ его.
 Оспалась я одна, оспалась не надолго.
 Какъ спрашно воешь въпрѣ, волнуешь мнѣ
 власы!

Не долго мнѣ скорбѣшь, стелать не долго съ
 въпрѣмъ.

О другъ души моей! не вижу я тебя!
 Неидеши ко мнѣ, неидеши опѣ ловли ушо-
 мленный;

Не вижу прелестей и красоты пвоей!
 Мракъ ночи облежипъ любезнаго Минваны;
 Безмолвіе живетъ шеперъ навѣки съ нимъ.

✱

Гдѣ вѣрные твои хранищели и спѣражи?
 Гдѣ лукъ твой, юноша? гдѣ крѣпкій, пвер-
 дыи щипъ?
 Гдѣ острый мечъ, огню небесному подобный?
 Гдѣ копье пвое, обмытое въ крови?

✱

Я зрю оружія твои, Герой любезный!
 Покрыпы кровію, повержены лежатъ;
 Не положили ихъ съ побой во мрачномъ гробѣ.
 Когда заря взойдетъ, и возвѣстипъ тебѣ:
 „Возстанъ, Герой! возстанъ! ловцы уже въ
 долинѣ,

„Елень бѣжитъ въблизи жилища пвоего“ . . .
 Денница свѣтлая! кому ты возвѣщаешь?
 Любезной Рино спишь. Не слышишь гласа онъ.
 Елени прыгають, играютъ на могилѣ.
 Увы! смерть люшая похишила его.
 Но я безъ шрепеша явлюсь тебѣ, о Рино!
 И лягу въ тишинѣ на ложѣ близъ тебѣ.
 Подруги юныя пойдутъ искать Минваны;
 Минваны не найдутъ. Послѣдуютъ за мной —
 И пѣсни нѣжныя въ долинѣ раздадутся.
 Гдѣ Моріева дщерь? дубрава повпоритъ.
 Но не услышу я согласныхъ вашихъ пѣсней.
 Подруги милыя! простите навсегда!
 Иду покоиться. Усну во гробѣ друга.

ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ.

XXVII.

С Т И Х И

Графу Суворову - Рымникскому на прїѣздѣ
 его въ Вѣну.

Оставъ мѣста уединенны,
 Гдѣ ты на лаврахъ отдыхалъ,
 И мечъ, побѣдой прищупленный,
 Подъ сѣнью мирныхъ древъ лежалъ.
 Опять зовешь Героя слава —
 Какъ Геркулесъ, послѣдній трудъ!
 И гидра упадетъ стоголава,
 И вѣчны лавры разцвѣтутъ!

Какъ Трои неприсутны грады
 Ты въ часъ одинъ приступомъ бралъ;
 Бралъ Царства, и къ стопамъ Паллады
 Царей, народы повергалъ.
 Ты Росса пріучилъ къ побѣдамъ;
 Вездѣ, гдѣ громъ онъ несъ съ побой,
 За нимъ лѣтѣла слава слѣдомъ,
 Предъ нимъ свирѣпа смерть съ косою.

*

Взгляни теперь, взгляни на царства,
 Въ невинныхъ понуши крови,
 Мятежною рукой коварства
 Поверженные олшари;
 Безбожемъ храмы разрушенны,
 Попранные законы въ прахъ,
 Престоловъ и коронъ лишены
 Цари, спенающіе въ цѣпяхъ.

*

Изъ пламени и возмущенья
 Къ тебѣ Европа вопіетъ;
 „Герой, перунъ Небесъ! ошмщенъ!“
 Ошмщенъ! повторяетъ свѣтъ.
 Ошмщенъ! въра и законы . . . . .
 И Россѣ вспаеетъ, мечемъ гремъ;
 Ошверзли мѣдный зевъ драконы. . . . .
 Непобѣдимый! ждущъ тебя.

*

Явись, духъ брани, предъ полками,
 Предъ бурей рдяная заря,
 И межъ блестящими рядами
 Героевъ загремѣтъ: ура!
 Великимъ духомъ спрашны войски
 Спальною двигнуся стѣною,

На лаврахъ умереть геройски,
Или спасти Царей съ побой.

✱

И врагъ узнаешь дерзновенный,
Что намъ ни въ комъ препоны нѣтъ —
Народовъ трепещь, Галлъ надмѣнный,
Въ крови предъ Россами падешь —
Что Россъ тогда беретъ лишь злою,
Когда врага во прахъ зришь;
Дороже жизни, строго, свято
Долгъ чести и законъ хранишь.

✱

А ты со славой побѣдишь
Въ триумфахъ возвратишься къ намъ,
Царей вселенной свободишь!
Какъ солнце свѣтло по зарямъ
Выходитъ послѣ черной бури;
Вся шварь съ улыбкою глядишь
На блескъ въ моряхъ, въ небесъ лазури:
Въ потомствѣ слава такъ горитъ.

✱

Почтенъ, священъ и прахъ Героевъ!
Безсмертья Муза на гробахъ
Возсѣдетъ ихъ, и громы боевъ
Взыграетъ на златыхъ струнахъ.
Разрушитъ время ихъ гробницы,
Развалины покроетъ мглой;
Но слава ихъ какъ блескъ зарницы
Играетъ въ шемножѣ ночной.

Магницкій.

XXVIII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВЛАДИСАНА.

Владисанъ, Князь Слѣвянскій, поситаемый
мертвымъ и живущій во гробѣ, и Вамиръ
старецъ, къ нему привязанный.

В а м и р ь.

Какой опасности себя ты подвергаешь,
Мой Князь!

В л а д и с а н ь.

Медленіемъ меня ты умерщвляешь.
Безвѣснѣя не могу я болѣе терпѣть.
Ты всели узналъ? мнѣ жить, иль должно
умереть?

Снажи, почто весь градъ, яви оспрады знаки,
Печали истребилъ по мнѣ всеобщіи мраки?
Какія радости готовятся въ сей часъ?
Какое торжествѣ вѣщаетъ трубный гласъ?
Или Пламира, казнѣ сверша врагу коварну,
Открыла мнѣ пуши къ народу благодарну?...
Но ахъ! не по твоей видѣ вѣщаетъ мнѣ, мой
другъ.

В а м и р ь.

Гонимый рокомъ Князь! несчастнѣйшій супругъ!

В л а д и с а н ь.

Пронзай мнѣ грудь скорбей, не упомня болѣ.

В а м и р ь.

Свершиши не могу.

В л а д и с л а в ъ.

Въ моей несносной долѣ
Упѣшь меня, мнѣ давъ послѣднѣй шѣ ударѣ.

В а м и р ъ.

Скрѣпись. Съ Пламирою спряжешся Вишозарѣ.

В л а д и с л а в ъ.

Свершилось все !

В а м и р ъ.

Мой Князь, шѣ далъ швое мнѣ слово,
Чтобъ сердце нѣжное, на всѣ бѣды гошовой,
Превыше люшья судьбины вознести,
Забывъ любовь, себя для славы соблюсти.
Се онѣй часъ пришелъ; шѣ будь себя достоенъ,
И скорби одолѣвъ, спокойся.

В л а д и с л а в ъ.

Я спокойсь.

В а м и р ъ.

Но сколько мнѣ сѣя ужасна пишина !
Подобьемъ смершнѣя мнѣ кажется она.
Ошъ сердца, шягосшнѣмъ сѣвсненнаго спра-
даньемъ,
Ошвергнушъ горесшѣ не можешъ шѣ спенаньемъ.
Молчанье люшое и смерши блѣдна шѣнь
Вѣщаюшъ мнѣ, что швой пришелъ послѣднѣй
день.

Такъ швой народъ ошца ужъ больше не имѣешъ?
Несчастнѣй швой народъ, увы ! осирошѣешъ!

В л а д и с а н ь.

Пламира!

В а м и р ь.

Позабудь невѣрную жену,
И устремясь спасать опеческу спрану,
Помысли о своемъ ты собственномъ спасеннѣ.
На проиѣ нашъ пиранѣ, смущаясь въ подо-
зрѣннѣ,
Темнѣйши пайны знашь въ своемъ проныр-
ствѣ скорѣ.
Уже коварный по его проникнулъ взорѣ,
Что спранникѣ приняшъ мной, въ моихъ стѣ-
нахъ шайтся;
Уже мой домъ тебѣ опасенѣ спановится.

В л а д и с а н ь.

Такъ мнѣ пристанища на свѣтѣ болѣ нѣшѣ!
Но вошѣ мой гробѣ: онѣ мнѣ убѣжище даетѣ.
Вошѣ проиѣ мой, вошѣ мое опечесство любезно,
Оспрадно мнѣ въ сей часѣ, пріятно и полезно...
Ошѣ счастья, вѣнца, Пламиры и оспрадѣ,
Вошѣ что оспалось мнѣ: лишь гроба смерт-
ный хладѣ.

В а м и р ь.

Остался весь народѣ, къмѣ духѣ швой усла-
дился.

В л а д и с а н ь.

Такъ нѣшѣ сомнѣннѣ, и бракѣ ихѣ совершится?

В а м и р ь.

О естѣлибѣ я хопя сомнѣннѣ могѣ имѣшь!....

В л а д и с л а в ъ.

О естѣлибѣ я возмогѣ ее въ сей часѣ узрѣти!....

В а м и р ъ.

На шоль, чтобы узря предавшаго пирану,
И паче расправишь твою смертельную рану?

В л а д и с л а в ъ.

Мнѣ рану расправить ужь болѣе не лзя:
Хочу ее узрѣти, чтобы сердце изразя,
Предъ смертію моею ее увидѣти мертву,
Мученью моему разтерзанну на жертву,
Окровавленную.... Вамирѣ! вопи въѣрность та,
Которую ко мнѣ измѣнницы уста
И гроба за предѣлы хранили общали.
Какую мнѣ любовь ея глаза вѣщали,
Какъ горькой должностью моею одушевленѣ,
За общество прошивъ враговъ вооруженѣ,
Отсель спѣшилъ искать и смерти я и славы.
Взорѣ томный, полный взорѣ прелестныхъ
слезъ отравы,

Гласъ умирающій, рыданіе и стонѣ
Мою ослабленну влекли всю душу вонѣ.
Я думалъ, зря ея неизреченны муки,
Не можешь перенести она со мной разлуки;
Я думалъ, мѣря скорбь ея моею поскою,
Исчезнешъ для нее вселенна вся со мной.
Я думалъ.... какъ съ душой я съ нею раз-
лучаясь,

Что ежели, съ врагомъ за общество сражаясь,
Утрачу жизнь мою, то смертію моею
Угаснушъ и лучи ея печальныхъ дней;
Я думалъ.... но она въ слезахъ своихъ при-
творца

И спрасси моего губителя покорна,

На то умѣла пакъ спонать и слезы лишь,
 Чтобъ уловя меня, удобнѣй грудь пронзить;
 И брачныхъ, тлѣгостныхъ ей узъ освобожденна,
 Пріять въ одръ кровю моею обогрѣнна...
 О небеса!

В а м и р ь.

Сбери разсудокъ распоченъ,

В л а д и с л а в ѣ.

Что дѣлалъ сей народъ, мной сполько одол-
 женъ?

Что дѣлалъ ты, Вамиръ? . . . . Въ усердіи
 спокойны,

Вы былиль своего власпишеля достойны?

Низверглиль варвара въ Пламириныхъ глазахъ?

Тронъ, ими оскверненъ, преобращилиль въ
 прахъ?

Тирана оскорбивъ, подвергся ли кто казни?

Вы плакали о мнѣ. Вошъ весь сей жаръ пріязни,

Слезами ваша лишь плащала мнѣ любовь.

Не слезы нужны мнѣ, Вамиръ, не слезы, кровь.

В а м и р ь.

Ахъ естълибъ, Государь, всѣхъ нашихъ дней
 упрямна

Не щещина бышь могла тебѣ отъ насъ оп-
 плаща!

В л а д и с л а в ѣ.

Поди, у варвара ты милостей ищи;

Отъ гнѣва моего сокройся, шрепещи!

Поди шуда, поди, гдѣ счастье и порфира...

Спрашися! все теперь мнѣ кажется Пламира,

В а м и р ь (становясь на колѣни).

Когда шѣмъ грусть твою ты можешь облег-
чить,
Чтобъ грудь мою пронзѣть, всю кровь мою
пролить;
Рази! и будетъ мнѣ пріятна смертна рана,
Котора возвратитъ народу Владисана.

В л а д и с а н ь (поднимая Вамира).

Прости, любезный другъ, жестокости мои.
Ты знаешь, сродны ли душѣ моей они.
Измѣнница мой часъ послѣдній помрачаетъ;
И сердце лучшее несчастье развращаетъ.
Я злобенъ? я? о рокъ!

В а м и р ь.

Ты плачешь?

В л а д и с а н ь.

Сей токъ слезъ,
Жестокій, мрачный токъ не есть токъ даръ
небесъ,

Когда на тронѣ я несчастнымъ сопрадаю
И въ благости моей возмездье обрѣтая,
Отъ радости, что я спенящихъ утѣшалъ,
Въ слезахъ я сладости сердечныя вкушалъ...
Прости, ужъ на землѣ нѣтъ мѣста Влади-
сану;

Прости, любезный другъ, я живъ во гробѣ
стану.

Но люто время то, въ которое мое
Межъ горькой жизнью и смертию быше
Въ несносныхъ бѣдствіяхъ колеблѣлся мушнѣся,

Ужасно время то не долго продолжись.
 Однимъ опмщеніемъ привязанъ къ свѣту я.
 Единой яростью душа живемъ моя.
 Лишь только кровію злодѣевъ насыщуся,
 Со злобою моей и жизни я лишуся.

В а м и р ь.

Послѣдую тебѣ!

В л а д и с л а в ъ (удерживая его).

Остановись, постой.

Тамъ будутъ фуріи бесѣдовать со мной. (*Вхо-
 дить въ гробницу.*)

XXIX.

ю н о м у П о л л у к с у.

Переводъ.

Среди угрюмой тишины
 Добычей ставъ поски душевной,
 Какъ яркій блескъ авроры дневной,
 Являсь тѣмнѣ блѣдный лучъ луны:
 Такъ ядомъ горести темню свои надежды.
 Для радостей сомкнулись вѣжды.

Поллуксъ! мой юный другъ! гдѣ ты?
 Тобой рѣдѣетъ мракъ могилы,
 Слабѣютъ призраки унылы;
 Какъ въ полѣ скошенны цвѣтны
 Увянутъ — но живутъ небесною росой:
 Такъ я, Поллуксъ, живу злобою:

Колико милъ твой крошкѣй взоръ,
 Порука внутренней доброты!
 Какъ узника среди работы
 Прельщаетъ нѣжный пшичекъ хоръ;
 Какъ юной сосною Зефиръ шума, лѣститъ слуху:
 Такъ голосъ твой пріищенъ уху.

Поллуксъ! почто тебя здѣсь нѣтъ!
 О! сколь красы соединенной
 Въ улыбкѣ зрю твоей и нѣжной!
 Какъ угра лѣшняго разсвѣтъ
 Не ослабляетъ глазъ — но въ душу льетъ отраду:
 Такъ ты, Поллуксъ, пріищенъ взгляду!

За чѣмъ притекъ, послушный другъ!...
 Здѣсь адъ въ моемъ уединенѣ;
 Въ немъ горестъ вѣчная — помненье —
 Въ немъ Фуріи шерзаютъ духъ. ...
 Нѣтъ! возвратись, Поллуксъ! и пользуйся
 весною;
 Тебѣль врачить себя поскою. —

Спѣши къ возлюбленной своей,
 Спѣши — Камилла за клавиромъ
 Поетъ любви власть надъ міромъ;
 Любовь тобой знакома ей.
 Поетъ — и томный вздохъ изъ груди вы-
 лещаетъ;
 Слабѣетъ голосъ, исчезаетъ.

Ты вялъ . . . . и блѣдный цвѣтъъ
 ланишь
 Румянцемъ легкимъ опшѣнился;
 Въ нихъ огонь души твоей разлился.

Какъ Сиріусъ во тьмѣ блеснитъ,
Такъ крошкѣ твои вдругъ взоры засверкали:
Слова рождались, умирали.

Поллуксъ! я не зову тебя . . . .
Ужасенъ видъ моей темницы!
Сюда — ни даже лучъ денницы
Не проникалъ согрѣшь меня,
Отъ хлада спынешъ кровь . . . . не вѣрь! мой
умъ блуждаетъ:
Увы! здѣсь пламя пропекаетъ,

Гдѣ я? чья видится мнѣ тѣнь?
Прелестна — съ русыми власами,
Одѣта легкими парами,
Свѣтла — какъ Майскій день,
Съ улыбкой нѣжною мнѣ руку проспираетъ;
Какъ Ангелъ, съ крошествою
вѣщаетъ:

„Оставь мечты своей предметъ,
„Теки со мной въ мои чертоги;
„Печалямъ нѣтъ шуда дороги,
„Ни Фурій шамъ — ни пламя нѣтъ.
„То божество, кому изъ слезъ приносишь дани,
„Въ вѣкъ не простретъ къ не-
счастной длани.

„Теки со мной . . . . нашъ сладокъ сонъ!
„Доколь тебѣ влачить оковы?
„Иль жертвы вымыслила новы,
„Иль горешный пуская спонъ,
„Ты мыслишь премѣнить судебъ опредѣленъ?
„Увы! удѣлъ твой: заблужденъ.“

Рекла . . . . и скрылась въ небесахъ,
 О юноша ! по образъ друга,
 То нѣжныхъ лѣтъ моихъ подруга
 Ко мнѣ спускалась въ облакахъ,
 То та, кощораи бѣды со мной дѣлила,
 И ахъ ! покой одна вкусила.

Бунина.

XXX.

МАДРИГАЛЫ.

Задумчива ли ты, смѣешься, или поешь,
 О Хлоя милая ! ты всѣмъ меня прельщаешь :
 Часамъ ты крылья придаешь,
 А у любви ихъ похищаешь.

Вотъ мой тебѣ порплетъ ; сколь счастливъ
 бы я былъ,

Когдабъ ты иногда сказала :
 „Любезнѣй и умнѣй его я многихъ знала ;
 Но кто меня , какъ онъ , любилъ ?“

ДМИТРИЕВЪ.

Нѣтъ голоса во мнѣ, а все я говорю,
И худо и добро: сержусь, благодарю,
Хвалю, браню, и ложь и правду разглашаю,
И въ тысячи мѣстахъ вдругъ слышенъ я бываю;
Всегда и важенъ и шушливъ,

Уменъ и глуповатъ, и дуренъ и красивъ.
Еженедѣльно я, иль въ мѣсяцъ возраждаюсь,
И только лишь рожусь, въ продажу отпускаюсь.
Я брашьями богатырь, названье намъ одно,
Однако въ свѣтѣ мы зовемся не равно;

Узнали? Нѣтъ? Еще прибавимъ:

У насъ нѣтъ матери, за то
Мы сотни дѣв опцовъ представимъ,
И это не причтетъ въ обиду намъ никто.
Я бѣлъ и сѣръ, легокъ, бездушенъ, и собою
Во многомъ сходствую съ молвою.

ДМИТРИЕВЪ.

Гавріилу Романовичу Державину
на переводъ Пиндара.

Державинуль искашь въ чужихъ стихахъ
примбра ?

Тому ли подражаешь, кто самъ примбромъ спалъ?
Маронъ въ отечествѣ не перевелъ Гомера ;
Съ Вандиковыхъ картинъ Корреджій не писалъ.
Пусть славилъ Греція Элидски колесницы !
Кто духъ Горація съ Пиндаромъ свединилъ,
Къ лирическимъ красамъ пушь новый намъ
открылъ ;

Кто подвиги гремѣлъ безсмертныя Фелицы ;
Кто гласомъ Аонидъ Героевъ Росскихъ пѣлъ :
Того померкнушъ ли въ отечествѣ картины ?
И естли бы теперь родился другъ Корины ,
Не онъ ли бы тебя , Державинъ , перевелъ ? —

Барановъ.

XXXIII.

МОКРЫЙ АМУРЬ

Ночною темною
 Покрылись небеса,
 Всѣ люди для покою
 Сомкнули ужь глаза.
 Внезапно постучался
 У двери Купидонъ,
 Пріятной перервался
 Въ началѣ самомъ сонъ.
 — Кто тамъ спучится смѣло?
 Со гнѣвомъ я вскричалъ —
 „Согрѣй обмерзло тѣло,
 Сквозь дверь онъ опѣвчалъ.
 Чего ты устращился?
 Я мальчикъ, чуть дышу;
 Я ночью заблудился,
 Обмокъ и весь дрожу.“
 Тогда мнѣ жалко спало,
 Я свѣчку засвѣпилъ,
 Не медлиши ни мало,
 Къ себѣ его пустилъ;
 Увидѣлъ, что крылами
 Онъ машетъ за спиной,
 Колчанъ набитъ стрѣлами,
 Лукъ стянутъ пещивой.
 Жалба о несчастьѣ,
 Огонь и разложилъ,
 И при такомъ ненастьѣ
 Къ камину посадилъ.

Я теплыми руками
 Холодные руки мняль,
 Я крылья и съ кудрями
 Досуха выжималъ.
 Онъ чуть лишь ободрился,
 „Каковъ - то, молвилъ, лукъ;
 Въ дождь чашъ повредился...
 И съ словомъ спрѣлилъ вдругъ.
 Тутъ грудь мою пронзила
 Преоспрая стрѣла,
 И сильно уязвила,
 Какъ злобная пчела.
 Онъ громко разсмѣлся,
 И потъ часъ заплесалъ:
 „Чего ты испугался?
 Съ насмѣшкою сказалъ;
 Мой лукъ еще годится,
 И цѣль и съ пешивой;
 Ты будешь вѣкъ крушиться
 Ошпынь, хозяинъ мой.“

Ломоносовъ.

XXXIV.

КЪ ГРУШѢ.

За яблоко отецъ людей
 Утрашилъ рай, утрашилъ душу;
 Но мнѣ хулишь поступокъ сей;
 Я самъ бы отдалъ все за Грушу

.....

XXXV.

НА Д П И С Ъ

Къ Монументу Князя Суворова.

Для обращенія всея Европы взорѣвъ
 На образъ сей, въ мѣди блистающій межъ насъ,
 Не нуженъ стихотворства гласъ;
 Довольно молвишь: се Суворовъ!

Ш и ш к о в ъ.

XXXVI.

ПОДРАЖАНІЕ.

Кипридъ вздумалось оставить здѣшній свѣтъ,
Сокрылся въ монастырь, и все свое имѣнье
Опдасть мнѣ съ Хлоей въ награжденье;

Не знаю, что ей далъ совѣтъ
Въ душеприказчикъ пожаловать Амура,
Не бога — бѣдокура.

Онъ, Хлою прельсаясь, ее обогатилъ;
Ей опдалъ радости, забавы, утѣшенье;

А я въ наследство получилъ
Однѣ лишь слезы и мученье!

Пушкинъ.

XXXVII.

ГОРДОЙ КРАСАВИЦѢ.

Изъ Антологіи.

Родокла красотой гордится,
 На всѣхъ съ презрѣніемъ глядитъ;
 Когда ищу ей поклониться,
 Она свирѣпый кажетъ видъ;
 Иль дверь ея когда вѣннами
 Стараюсь лучшими убрасть,
 Она ихъ рветъ — потомъ ногами
 Начнетъ дары мои топтать.
 Надмѣнности такой причины,
 О рокъ! скорѣй ее лиши;
 Приди, о старость! и морщины
 Принести къ красавицѣ спѣши.

Г. Г. Салтыковъ.

XXXVIII.

ВѢЧНОСТЬ.

Переводъ изъ Галлера.

Дубравы! гдѣ лучи дневные поухаютъ,
 Гдѣ шѣни блѣдныя въ печальной тѣмѣ блуж-
 даютъ;
 Гдѣ вѣчно царствуетъ уныніе, покой;
 Гдѣ изрѣдка во мглѣ птицъ вѣщихъ слышенъ вой;
 Вы, рѣки! что въ берегахъ бесплодныхъ покрѣ-
 вляете,

И въ нѣдра мушныхъ блажь низвергнуться
спѣшите ;

Пустыни мрачныя ! увядшія поля !

Къ вамъ днесъ смущенная лепитъ душа моя !

Вы ужасомъ ее и мрачностью питайте !

Эмблему вѣчности вы мнѣ изображайте.

Нѣтъ друга моего !

Еще передо мной тѣнь носится его ;

Но мнѣ съ улыбкой взоръ и руки простираетъ : ...

Но вѣчность грозная добычь не возвращаетъ !

Давно ли другъ мой жилъ , отъ блажь земныхъ

вкусалъ ,

И взоръ заботливый на мѣрѣ сей обращалъ ?

Ударилъ смерти часъ — завѣса упадетъ . . .

Пустынный мѣрѣ духовъ во тѣмѣ его скрываетъ !

Скрываетъ . . . и его ужъ мнѣ не зрѣть во вѣкѣ . —

Но что я говорю ? и тотъ же человекъ :

Заря моя прошла , — мой полдень преле-
таетъ ; —

Быть можетъ , ранняя ночь мой вечеръ упре-
дитъ :

Умру для міра я — для друга буду жить !

Источникъ времени , міровъ неистощимый !

О вѣчность , гробъ міровъ , временъ необо-
зримый !

Гдѣ сѣмя бытія — и самый тлѣнный прахъ ;

Гдѣ зрятся чертежи на рушенныхъ мѣрахъ ,

Всесильной , мудрою рукой изображенны ;

Таинственный чертогъ Спиритела вселенны !

Возможноль смертному постигнуть тебѣ , обнять ?

Возможно ли тебѣ песчинку измѣрить ?

Быть можетъ, солнцевъ тьмы печенье совер-
шили,

И въ мракъ безднъ твоихъ сѣянье погасили;
Быть можетъ, пылащи печи готовыхъ въ
пусть,

Недвижимы въ тебѣ, вѣбныя Творча ждущъ,
Подобно какъ часы, искусствомъ оживленны,
Врапшися солнца свѣтъ, и жизнь лѣтъ все-
ленной;

Свершивъ урочный кругъ, заходишь навсегда;
Другое въ путь течешь . . . ты жь царству-
ешь всегда!

Какъ злаки въ лѣтний день отъ зноя увядающъ,
Такъ рухнутъ предъ тобой мѣры и исчезающъ;
Какъ розы юныя, что на зарѣ цвѣтущъ,
И въ полдень поблѣднѣвъ, изсохнутъ, опадутъ;
Какъ легка, быстра тѣнь, проходишь что
мгновенно:

Мелькаютъ звѣзды такъ въ тебѣ попеременно.
Когда младенецъ - мѣръ нестройство одолѣвъ,
Едва полусозрѣвъ, изъ безднъ его изшелъ;
Когда движеніи пушамъ онъ научался,
И свѣта первыми лучами озарился:
Ты споль же юною, какъ и теперь, была!
Когда вселенную опять покроешь мгла,
И милліоновъ звѣздъ и солнцевъ свѣтъ за-
шмился,

Кончина отъ тебя лишь только удалится!
Паренія ума что можетъ быть быстрѣй?
Онъ въпра, времени и звука онъ скорѣй!
Но сей же самый умъ, коль въ вѣчность успре-
мился,

Теряясь въ ней, своихъ онъ крыльевъ лишится.
Подобно какъ орелъ, что солнцемъ ослѣпленъ,

Онъ долу упадешъ, безсиленъ, изумленъ. . .

Воображенія всѣ силы истощивъ,

Вселецкой за предѣлъ полетъ свой устремивъ,

Я миліоны въ ней вселенныхъ прибавлю,

Я миліонами еще ихъ умножаю;

Взлетѣвъ на сонмъ, я взоръ въ себя вперю
свой,

Не зрю громады я — сравнивъ ее съ тобой.

О Боже! Ты едишь все движешь, сохраня-
ешь;

Безмѣрны времена Ты взоромъ обшедаешь;

Ты, Солнце вѣчное! полдневный свѣтъ лѣшь;

Ты вѣчно не восходилъ — Ты вѣчно не зай-
дешь!

Протѣкши времена, пекущи, не рожденны,

Предъ взоромъ Божескимъ всѣ въ почки сѣди-
ненны.

Когда бы Духъ Его, хоть на единый мигъ,

Престалъ содѣйствовать въ твореніяхъ своихъ:

Тогда, ничтожествомъ внезапно поглощенна,

Какъ капля въ безднѣ водъ, исчезла бы все-
ленна!

Но что, о Боже! я въ сравненіи съ Тобой?

Я въ міръ червь, а міръ есть почка предъ
Тобой.

Едва съ ничтожествомъ составъ мой разлу-
ченный,

Безсмертнкой силою на мигъ одушевленный,

Быть можешь нынѣ же разрушишься, падешъ;

Вся жизнь моя, какъ сонъ полдневный, про-
течетъ.

Возможноль смертному безумной мыслью
льститься;

Что бытіе его, Творецъ, съ Твоимъ сравнится?

Персть не могла себя сама одушевить;
Ты рекъ! персть двинулась — и мой прѣла
видъ.

Въ младенчествѣ моемъ я алаку былъ подобенъ;
Ни къ размышленію, ни къ чувству не спо-
собенъ;

Тогда не для меня сей мѣръ существовалъ;
Болъ, голодъ, жажда, сонъ — вотъ все,
тогда что зналъ.

Потомъ паденіемъ ходишь и научался;
Языкъ мой лепеталъ, и съ мыслью соглашался;
Составъ мой росъ, мой духъ вѣрчился вмѣстѣ
съ нимъ;

Опъ испытанія для юныхъ дѣлалъ силъ; —
Навъ насѣкомое, что гробъ свой оставляетъ,
И крылья робкѣ впервые разгибаетъ:

И съ изумленіемъ тогда на все взиралъ,
День каждый мыслями меня обогащалъ!
И мыслилъ, сравнивалъ, любилъ и устранился,

И медленной спопой въ познаньяхъ возвышался.
Теперь, я вижу, смерть меня сразить грозитъ;
Ея губящая коса надъ мной виситъ;

На легкихъ крыльяхъ прочь радость улетаетъ,
Къ безпечной юности спремисься поспѣваетъ;
Гробъ предо мной ошвертъ, и смутно-черна

тѣнь,
Раскинувшись на мѣрѣ, зашмила ясный день;
Мой духъ, уныніемъ и слабостью спѣсненнѣй,
Готовишься свергать съ себя покровъ свой
шавинный.

С. Родзянко.

XXXIX.

НАДЕЖДА.

Среди песковъ, степей ужасныхъ,
 Гдѣ солнце пламенемъ горитъ,
 Что душу странниковъ несчастныхъ
 Оправдой сладкою живитъ?
 Надежда — что труды не вѣчны;
 Что степь, пески не безконечны;
 Что странникъ въ хижинѣ своей,
 Въ прохладѣ нѣжнаго зефира,
 Въ объятіяхъ любви и мира,
 Жить будетъ съ милою семьей.

✱

Надежда! ты моя Богиня!
 Надежда, лучъ души моей!
 Мнѣ жизнь печаль, мнѣ свѣтъ пустыня:
 Душу оправдою твоей!
 Хотя помянуся и спрадаю,
 Но ты во мнѣ . . . . не умираю!
 За тучей вижу я зарю,
 И сердце бьется въ ожиданьи:
 Живу въ любезнѣйшемъ желаньи —
 Вдали возможность счастья зрю!
 Еще мы можемъ, Ангелъ милой,
 Другъ друга радостно любить!
 Въ душѣ моей, теперь унылой,
 Твой образъ можетъ съ счастьемъ жить!

Когда? когда? — увы! не знаю;
 Но вѣра чувствую; ожидаю,
 Что намъ готовится вѣнецъ;
 Что мы на вѣкъ соединимся,
 И въ жизни раемъ насладимся;
 Умремъ въ сліяніи сердецъ.

Ручей два древа раздѣляетъ,
 Но вѣшши ихъ сплелась распутъ;
 Судьба два сердца разлучаетъ,
 Но вмѣстѣ чувства ихъ живутъ.
 Препятствій спрашныхъ міліоны,
 Тиранство рока и законы
 Не могутъ спросити прохладить:
 Она всего, всего сильнѣе;
 Всего, мой милой другъ, свяще —
 Самъ Богъ великъ намъ такъ любить!

Онъ влилъ мнѣ въ грудь небесный пламень
 Любви, всеильныя любви.
 Могуль сказать: „будь, сердце, камень! —
 „Угасни огонь въ моей крови?“
 Могуль сказать: прости! надеждъ?
 Мы видимъ — любимъ, другъ мой, прежде,
 Чѣмъ знаемъ, должно ли любить;
 Полюбимъ, и въ себѣ не властны,
 Умолкнетъ разумъ безприсраспный —
 Лишь сердце будетъ говорить.

Когдажъ , о милой другъ ! намъ должно
 Въ семъ мѣрѣ только слезы лишь ,
 Въ другомъ , въ другомъ еще возможно
 Несчастливымъ счастливыми быть !
 Клянуси . . . . Небо будь свидѣтель ,
 Любишь свящую добродѣтель ,
 Чтѣшь рай въ томъ мѣрѣ заслужишь ,
 Гдѣ все прошедшее забудемъ
 Гдѣ только милыхъ помнишь будемъ . . . .
 А рай мой . . . . тамъ съ побою жить !
 Карамзинъ .

XL,

ОТРЫВКИ ИЗЪ РОССІАДЫ.

Изображеніе воинства Іоаннова.

О вѣчность ! обрати теченіе природы ,
 И живо мнѣ представь исчезнувшіе годы .
 Се вѣчность , возмущивъ священну тишину ,
 Мнѣ кажетъ ратниковъ , грядущихъ на войну !
 Держащій булаву и щипъ златый руками ,
 Князь Пронскій зрится мнѣ предъ конными
 полками .

Густыми перьями покрытъ его шлемъ ,
 И мнился , издающъ его доспѣхи громъ .
 Не угроженіемъ , не спрогимъ разговоромъ ,
 Но , мнился , правитъ Князь полки единымъ
 взоромъ .

Изъ юношей сія дружина состоитъ ,
 Которыхъ родъ во всей Россіи знаменитъ .

Блестящій мечъ нося, Князь Палецнйй вы-
 ходишъ,
 Сбъ пищалями спрбльцовъ и сбъ копьями вы-
 водишъ;

Вдали являюшся они какъ лбсб густой,
 И молнйи родяшб оружй чистпошой;
 Великое они покрыли рашью поле;
 Но сильны не числомъ, а храбростію болб.
 Но что восхищило вниманіе и взоръ?
 Я вижу пламенныхъ Опричникѡвъ соборъ (*)!
 Се войска цблага подпора и надежда,
 Сіяншб, будшо огнъ, злущая ихъ одежда.
 Какъ въ храмъ Божіемъ является олшаръ,
 Такъ зришся мнб грядущб въ срединб оныхъ
 Царь;

На щлемб у него орла изображенна,
 Царя вольможами я вижу окруженна;
 Гдб онб присушествуешб, и слава зришся шумб;
 Семъ юношей вокругъ оружй несущб;
 Иной идешб сбъ копьемъ, иной сбъ большимъ
 колчаномъ (**),
 Сбъ великимъ сайдакомъ, сбъ мечемъ, сбъ щип-
 помъ, сбъ тимпаномъ;
 Пернашы видяшся чекапы вкругъ его.
 Вбъ Монархб Бога я представилъ самаго,
 Когда Онб грозные сбъ небесъ низводишб взгляды,
 Имбя вкругъ себя перуны, вихри, грады;

(*) Опричниками назывались лучшіе воины, составляю-
 щіе Гвардію Царскую. *Авт.*

(**) Сіи вооруженія во время похода обыкновенно вкругъ
 Царя носимы были его рындами. Рынды были придеор-
 ные дворяне. *Авт.*

Блстаютъ огненны по воздуху лучи,
 Какъ звѣзды съ небеси падающія въ ночи;
 Дрожитъ вселенная, міръ ужасъ ощущаетъ!
 Богъ мститъ, но свѣтъ еще громовыхъ не
 пушаетъ;

Мнѣ Царь представился въ величествѣ та-
 комъ,

Бѣоущій медленно во звучный накрѣ жезломъ;
 Онъ множитъ въ ратникахъ отважность и
 вниманье,

Которы громъ несутъ Казанцовъ на поприще,
 За нимъ избранные полки съ мечами шли:
 Воспала пыль, но свѣтъ отъ нихъ сіялъ въ
 пыли.

Украшенъ сѣдиной, въ служеніи священномъ,
 Мнѣ зрится Даніилъ на мѣстѣ возвыщенномъ;
 Грядуще воинство изъ градскихъ вратъ чредой,
 При пѣннѣ кропитъ священною водой.

Мой слухъ стenanія съ военнымъ шумомъ
 внемлетъ:

Братъ брата, сынъ отца прощаясь объ-
 емлетъ.

Тамъ ратникъ зрится мнѣ покрытый сѣдиной,
 Трудомъ изнуренъ, болѣзнями, войной,
 Съ сердечной ревностью на воинство взираетъ,
 И руки томныя на небо проспираетъ;

Открылася его израненная грудь,
 О Боже! онъ вскричалъ, благослови ихъ путь!
 Съ высокой храмины взирающій со спономъ,
 Но въ духъ подкрѣпленъ святымъ своимъ за-
 кономъ,

Родитель, сына зря подъ шлемомъ, вопіетъ:
 Я можетъ быть съ побой въ послѣдній вижу
 свѣтъ!

Но естли жизнь свою ты въ полѣ и оставишь,
 Коль многихъ ты сыновъ отъ пагубы избавишь!
 Небесный обрѣши, или земной вѣнецъ;
 А естли я умру, то Царь тебѣ отецъ.
 Тамъ смотрящъ матери на чадъ во умиленъ...
 Но все умолкло вдругъ, зрю новое явленье!
 Просперши взоръ къ Царю чертоговъ съ вы-

сошы,

Царица нѣжная, въ слезахъ мнѣ зришься ты!
 Какъ будто бы къ себѣ Царя обратю просишь,
 Младенца своего на раменахъ возносишь;
 Разнрѣпанны власы, взоръ томный, блѣдный

видъ,

Поколебалъ Царя!... но спонъ въ груди былъ
 скрытъ;

Слезъ капли оперевъ, взглянулъ на мечъ, на

войски,

И чувства на лицѣ изобразилъ геройски:
 Еще мнѣ видѣтся съ небесъ просперта длань,
 Вѣнчающа полки, грядущіе на брань.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ЗНОЯ И ВИХРЯ.

О Муза! обрати отъ Волги взоры въ поле;
 Тамъ спраждемъ Іоаннъ, и зришься смертныхъ
 болъ;

Возврѣвъ на чистое сіяніе небесъ,
 Едва знамена онъ къ Адаптырю понесъ,
 Казалось, звѣзды съ нимъ желанье соглашали,
 Поля кругомъ цвѣли, зефиры вкругъ дышали;
 Борековыхъ вдали не слышно было крилъ,
 И воздухъ ароматъ повсюду разтворилъ.

Уже колеблются полки въ горахъ идущи,
 Какъ класы желтые, серпа на нивахъ ждущи,
 Которы пихтй въпрѣ въ движеніе привелъ;
 Казалось, что Орфей передъ лѣсами шелъ;
 Сгущенныхъ копій лѣсѣ былъ зримъ предъ
 Іоанномъ,

И войско, какъ рѣка, текло въ пути желан-
 номъ.

Но сокровенная опредѣлила власть
 Для искушенія устройши имъ напасть;
 Парящей славы ихъ готовяща препоны,
 Натура собственны нарушила законы:
 Тогда безбожіе, имѣюще успѣхъ,
 Идущимъ тысячи устроило помѣхъ.

Вдругъ начали кипѣть ключи въ долинахъ
 зланныхъ,

И будто трубный гласъ возсталъ въ пеще-
 рахъ мрачныхъ;

На холмахъ въшвѣя склонили дрѣвеса,
 Багровой ризою одѣлись небеса;
 Лучи не въ облака, но въ нѣкій шускъ скры-
 вались,

Спада пернатыхъ пшицѣ по воздуху взвива-
 лись;

Возсталъ сгущенный прахъ; какъ туча опѣ
 земли,

И будто возгремѣлъ безъ молній громъ вдали,
 То вихри пламенны средь горъ вооружались,
 На вътрєнныхъ коняхъ ко войску приближались;
 Сѣи незримые и сильные враги,
 Напрягшись въ воздухъ подобіемъ дуги,
 Простерли крылія, знамена развѣвающъ,

И съ шумомъ ихъ изъ рукъ дхновенемъ вы-
рываютъ ;

Сражаясь межъ собой, сгущаютъ пыль вокругъ ;
День ясный въ мрачну ночь переложился вдругъ .
Когда громада войскъ въ пригоряхъ изгиба-
лась ,

Казалось , земли подъ ними колебалась ;
Срываетъ шлемы вихрь , извившись конья
рветъ ,

И разстилаясь вдаль , все давитъ и реветъ ;
Какъ риза , разпусаясь въ стремленіи суровомъ ,
Все войско прахомъ вокругъ объемлетъ какъ
покровомъ ,

И воинамъ пресѣчь желанный путь велитъ ;
То воемъ на горѣ , то съ трескомъ лѣсъ ва-
литъ ;

Людей лишаетъ силъ , коней лишаетъ мочи ,
Дыханіе мерщивитъ и ослабляетъ очи .

Великій духомъ Царь , познавъ гибель небесъ ,
И руки и глаза ко высотѣ вознесъ ;
Колелемъ вихрями , въ слезахъ вѣщаль : о
Боже !

Или враги Тебѣ Твоихъ сыновъ дороже ?
Ты ужасъ положилъ въ защиту ихъ странамъ ,
Но все преодолѣвъ остави Ты бодрость намъ !...
Умолкъ , и небесамъ противнымъ не явився ,
Велѣлъ межъ горъ крутыхъ полкамъ остано-
виться .

Тамъ взору предлежалъ весьма широкій долъ ,
Гдѣ , мнилось , пишина устроила пресполъ ;
Военныя трубы повсюду возгремѣли ,
Но съ вихремъ различіе ихъ звука не умѣли ;
Казалось напередъ , что вѣтры трубятъ то ,

Склонясь на копѣ, не шествуетъ никто;
 Между стенищами отъ грозныхъ бурь горами
 Укрыться хочетъ Царь со войскомъ подъ ша-
 прами;

Но будто бурная свирѣпствующая вода,
 Гдѣ кущи ставились, бѣжитъ и вихрь пуда,
 Изъ рукъ орудія и верви изторгаются,
 Великіе шапры на землю повергаются.

Такой спихій мяжежъ Монарха не смущалъ,
 На рамо опершись, Адашеву вѣщалъ:
 Я зрю, что небеса моимъ слезамъ не внемлютъ,
 Колеблютъ все они, меня не поколеблютъ!...
 Онъ бодрый видъ являлъ, спо вѣщая рѣчь,
 И войскамъ повелѣлъ на ихъ мѣстахъ возлечь.

Едва, походами и вихремъ удрученны,
 Склонились полны, какъ класы посѣченны,
 И на лицѣ земномъ въ густой травѣ легли,
 Бурливыхъ вдругъ коней и вихри опрягли,
 И въ воздухъ свои оставивъ колесницы,
 Свернули крылія, какъ утомлены птицы;
 И будто бѣдствами насытился ихъ взоръ,
 Дыханье укротивъ, упали между горъ.

Свѣшило дневное погда въ моря скрывалось,
 И небо ризою червленной одѣвалось;
 Возвысила чело дрожащая луна,
 Серебрянымъ щитомъ казалася она;
 Подъземлетъ къ небесамъ рога свои высоки.
 Вмѣщаятъ глубоко луну рѣчные токи,
 И чистымъ хрусталемъ между береговъ те-
 кушъ;

Казалось, томный сонъ они въ спруяхъ вле-
кутъ.

Царица звѣздъ лучемъ блистательнымъ сіяла,
Но хладною росой земли не напаяла,
И сладкой влажности на деревья не льетъ;
Котора жизни имъ и силы придаетъ.

Вершины уклонивъ, стоятъ зелены рощи;
Не можешь прохлаждать луговъ прохлада ночи;
Казалось, воздухъ спитъ; Зефиръ уснулъ въ
кустахъ;

И слезъ Аврориныхъ не видно на цвѣтахъ;
Благоуханіе долины разпускаютъ,

Но щедро пища небеснаго алкаютъ:

Прозрачность воздуха приходишь въ густоту,
И съ мракомъ томную рождаетъ духоту.

Земля, для воиновъ всегдашній одръ спокойной,
Теперь представилась для спящихъ ложей
знойной!

Жестка права на ней, лице ея горитъ,

Возлеглимъ сладкаго покоя не даритъ;

Томленіе главы ко сну на землю клонитъ,

Но жаръ съ естественныхъ одровъ обратно
гонитъ;

Тусклъ зрится на цвѣтахъ, не хладная роса,

И сводомъ огненнымъ казались небеса;

Въ полночные часы расцвѣтья увядаютъ,

И звѣзды, кажешь, на землю упадаютъ;

Летають дивные по воздуху огни,

Предзнаменующи и зной и жарки дни.

Томленный Царь небесъ подъ раскаленнымъ
сводомъ

Хотѣлъ предупредить свѣтъ солнечный по-
ходомъ;

При ушренной зарѣ гласъ трубный возгремѣлъ,
 Возспали войны, и съ ними зной пошелъ.
 Не въспры свѣжѣ въ долинахъ повѣваюшъ,
 Которы тихихъ дней предпечами бываюшъ;
 Едва лишь солнца лучъ на землю проглянулъ,
 Какъ печь разженная, палящимъ зноемъ дхнулъ;
 Цвѣшны и дресеса, росой неорошенны,
 Явились свѣжести и живости лишены,
 Небесные кони спѣшши солнце влечь,
 Казалось, хотяшъ вселенную зажечь;
 И воздухъ вокругъ земли недвижимо споищей
 Едва не равенъ былъ водѣ, въ котлѣ кипящей.
 Разжегся шамъ песокъ, и sprawy спали шлѣшъ.
 Герои начали о буряхъ сожалѣшъ,
 Которы прежде ихъ толико ушруждали,
 Но удручаемыхъ походомъ, прохлаждали;
 Отъ солнечныхъ лучей, какъ будто отъ огня,
 Ихъ шлемы разпеклись и тяжкая броня;
 Какъ нѣкая рѣка, кругомъ излился пламень,
 Извлекши влажностъ вонъ, приводитъ землю
 въ камень;

Палима воздухомъ, разсѣлася она,
 И вредныя въ землѣ сварились сѣмена;
 Тлѣтворные пары главы свои подбемлюшъ,
 И поднебесный кругъ какъ ризою оббемлюшъ;
 Въ пучинѣ воздуха шуманы око зришъ,
 Казалось, надъ главой небесный сводъ горитъ.
 Змѣи, глосая ядъ, изъ мрачныхъ норъ вы-
 ходяшъ,
 Болѣзни, раны, спрахъ и язвы производяшъ;
 Извившись какъ ручей, въ густой правѣ ши-
 няшъ,
 Бросающся стрѣлой и грудь насквозъ разяшъ;

Не страхъ отъ сихъ змѣевъ Монарха сокру-
шаешъ,
Но то, что войнство рокъ лютой умень-
шаетъ.

Какъ будто острія сверкающихъ ножей,
Тамъ жалы видимы излучистыхъ ужей;
Слѣды алкающей повсюду смерти видны:
Тамъ гады спрашныя, тамъ черныя ехидны;
Вода, огонь, земля Россіянамъ грозилъ,
И воздухъ, кажется, спрѣлами ихъ явилъ.

Томленны жаждою, къ потокамъ прибѣгаютъ;
Піютъ, но воды ихъ упробу разжигаютъ,
И паче къ пипію алкающихъ зовутъ;
Мушась въ рѣчныхъ струяхъ пески съ пра-
вой плывутъ;

Журчащіе ключи осокой заглушенны;
Въ зеленистый коверъ озера превращенны.
Казалось, съ небесъ какъ дождь падутъ огни;
Остановляющся въ распушіяхъ нони,
Главы упали внизъ, колѣна ихъ шрепещутъ,
И пѣну красную уста на землю мещутъ;
Какъ мѣхи ребра ихъ разширятся дрожатъ,
Падутъ, и подъ ярмомъ безчувственны ле-
жатъ.

На войско обративъ Монархъ печальны взоры,
Велѣлъ ему возлечь, гдѣ тѣнь наводилъ горы.
Тамъ сѣнолиственный стоялъ у берега лѣсъ,
И зрѣнью общалъ убавивъ зной небесъ;
Вдругъ городъ изъ шатровъ составилъ высо-
кихъ,
Но потѣ же зной лежалъ среди долины глу-
бокихъ;

Подъ тѣнью жлада нѣтъ, прохлады нѣтъ въ
 струяхъ,
 Долины зной палитъ, изъ роцей гонитъ
 страхъ.

Дрѣяды, кажется, лѣса пренебрегаютъ,
 И сами въ мрачныя пещеры убѣгаютъ;
 Вселяютъ ихъ пуда жары, какъ страшный
 громъ,
 Тамъ голый камень имъ пріятнымъ сталъ
 одромъ;

Прозрачны ризы снѣвъ, онѣ отъ жара скрылись,
 Но пламени враща и тамо ошворились.

Не слышитъ болѣ ключей журчащихъ лугъ,
 Попоки быспыре въ горахъ изсиали вдругъ;
 Не чувствуя уже въ рѣчныхъ струяхъ про-
 хлады,

Скрываются въ тростникъ печальныя Наяды;
 Но щещно шамъ дождей и свѣжихъ вѣтровъ
 ждутъ,

Зеленые власы отъ ихъ чела падутъ.

Вѣщаютъ, будто бы главы имѣи въ зноѣ,
 И Кама и Сура на дно ушли рѣчное,
 И шамъ на пинистыхъ одрахъ онѣ легли;
 Но солнечны лучи сквозь воду грудь ихъ жгли,
 Отъ солнца воздухъ весь, отъ воздуха попоки,
 Отъ нихъ земля несла спраданія жестоки;
 Другъ друга думаютъ стихіи изпребитъ,
 Иль входятъ въ заговоръ Россіянъ погубитъ.

Какъ съ нѣкимъ стадомъ птицъ, Царь съ
 войскомъ подвизался;

Но прижды двигнувшись, онъ прижды препинался.

На высочайшую восходитъ зло сщепенъ :
Мракъ вечеромъ поимѣ, поимѣ поущру
шѣнь;

Нашура съ воздуха сняла свои покровы ;
Ни тонки облака, ни вѣшвисты дубровы,
Ни вѣпры тихѣ, ни горы, ни лѣса,
Не могутъ прохлаждать палящи небеса ;
И смерти рашники поскливой ожидающъ,
Непобѣдимыхъ гладъ и жажда побѣждаютъ ;
Горшанъ изсякла ихъ, языкъ горѣлъ въ устахъ,
Дыханье огненно во рту сгущало прахъ ;
Имъ скорби блѣдныя съ оправой предстояли,
И яды тонкіе въ ушробы ихъ влѣяли ;
Тамъ смерть представилась въ свирѣпости
своей,

И тысящу она раждаетъ вдругъ смертей.
Не уполяется небесный гнѣвъ мольбами :
Хлѣбъ черствый изва рветъ плетворными зу-
бами !

И горечь вредная по яспвамъ разлилась,
У хлѣба вкусъ исчезъ и сыпность опнилась ;
Ликнѣя влажная и попопы широки
Теряющъ жидкіе свои природны соки ;
Напрасно воины шу влагу достаютъ,
Сорвавъ кору съ древесъ, кроваву пѣну пьютъ,
И былѣя въ устахъ песками остаются ;
Въ вертепахъ ищущъ водъ, имъ воды не да-
ются.

Два воина пошли для промысла въ ночи ;
Въ ракишовомъ кусту имъ слышатся ключи ,

Которы будто бы внутри земли журчали;
 Се кладъ, безцѣнный кладъ! идущіе вскри-
 чали,

И съ корнемъ въ мигъ они ракишникъ из-
 влекли;

Попроки чистые мгновенно пошекли.

Насыпились они; но ключъ, что имъ явился,
 Какъ тонкая змѣя между правой извился,
 Бѣжалъ, и внутрь земли себѣ находилъ путь.
 Но ракишники воды успѣли почерпнуть;
 Ушелъ попокъ отъ нихъ; водой наполнивъ
 шлемы,

Несли ее къ Царю, усердны, скромны, цѣлмы;
 Дабы, гдѣ равная свѣдаетъ жажда всѣхъ,
 Отъ нужды, ревности не свѣдалъ кто по-
 мѣхъ;

Печальнаго Царя отъ сѣни отшоргаютъ,
 И воду свѣжую во шлемахъ предлагаютъ.
 Сей подвигъ тяжкій вздохъ у ихъ Царя из-
 влекъ,

О други! ихъ обнявъ, Монархъ печальный
 рекъ:

Или вы чаще, что въ семъ пространномъ
 полѣ

Вашъ Царь слабѣ всѣхъ и всѣхъ поминся
 болѣ?

Томлюся больше всѣхъ въ несчастливой судьбѣ
 О спраждающихъ со мной, томлюсь не о
 себѣ;

Пойдемъ и принесемъ напитокъ сей скорбя-
 щимъ,

Несчастливымъ ракишкамъ, почти въ гробахъ
 лежащимъ;

Подарокъ сей для нихъ, не для меня мнѣ
милъ. . . . .

Пошелъ, и воиновъ скорбѣщихъ напоилъ.

Умножишь бѣдспѣя, и зла умножишь болѣ,
Ордынцы лютые зажгли сухое поле;
Клубясь по горамъ огонь бросился въ лѣса,
И горькій дымъ закрылъ онъ взора небеса;
Россійнѣ спраждущихъ спремится адъ озло-
бишь!

Коль можно малу вещь великой уподобишь;
Такіе ужасы народы будущъ зрѣшь,
Когда земли начнешь въ исходъ вѣновъ го-
рѣшь;
Тупъ пламень огненный какъ море разлѣется,
Онъ поясомъ вокругъ вселенной обвѣется;
И цѣпь, держащая въ порядкѣ здѣшній свѣтъ,
Со звукомъ рушится и въ бездну упадеши;
Тамъ будешь прахъ горѣшь, возпламеняйся
рѣки;
Спасенія на земли не сыщешь человекъ.

Сіе позорище Царь въ духѣ смутномъ зрѣлъ,
Но войскамъ попирашь ногами огонь велѣлъ,
И море пламенно подъ ними укропилось.
Но кое зрѣлище спрадающимъ открылось?
Въ долины огонь ушелъ, и въ горамъ склонился
дымъ,
И въ спрашномъ смерти лицъ изобразилась
имъ;

Земля представилась черна и обнажена,
Дымящиеся холмы, дуброва обозженна,

Токъ водный какъ смола кипицал бѣжалъ;
Опчаянне въ сердца вонзаетъ имъ кинжалъ.

Монархъ несчастный всѣхъ, но шверже всѣхъ
казался;

ХЕРАСКОВЪ,

XLI.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВѢКА

Родишься, живи и умереть,
Есть тихіе берега покинуть для волненія,
Боронься съ бурями, вездѣ гибель зрѣшь,
И бросишь якорь свой у пристани забвенья!

В.

XLII.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Теперь, сего же дня,
 Прощай мой экипажъ и рыжихъ чепверня!
 Лизеша, ужины — я съ вами распрощался,
 Для мудрости святой. —
 „Что сдѣлалось съ тобой?“ —
 Бездѣлка . . . проигрался!

II.

Какъ трудно Бибрусу со славою ужиться!
 Онъ пьешъ, чѣобы писашь — и пишешъ, чѣобъ
 напишья.

III.

Извѣстный ошкупщикъ Фадей
 Построилъ Богу храмъ. . . и совѣсть успокоилъ.
 И впрямъ! на все цѣны удвоилъ:
 Далъ Богу мѣдный грошъ, а сотни взялъ рублей
 Съ людей.

Батюшковъ.

XLIII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ХВАСТУНА.

Верхолеть, *выходитъ окруженный скороходами, лакеями и прог. Честонъ, Чванкина, Полисть.*

ВЕРХОЛЕТЬ.

Со мною встрѣшившись и шляпы не подвинуть!
За это должно бы его съ крыльца мнѣ скинуть.

ЧВАНКИНА.

А кто осмѣлился, сѣятельнѣйшій зять,
Такія грубости предъ вами показать?
Какой нибудь дуракъ, невѣжа и скопина!

ВЕРХОЛЕТЬ.

Замиръ, сударыня.

ЧВАНКИНА, *испугавшись.*

Я право не причина.

ЧЕСТОНЪ.

Что будетъ далѣе! но только этакъ Графъ,
Какъ кажется, однимъ своимъ нахальствомъ
правъ.

ВЕРХОЛЕТЬ, *Честону.*

Подумайте сударь... извѣстно вамъ то буди,
И Графы и Князя, всѣ словомъ знашны люди,
То вѣдая, кто я, почтение кажутъ мнѣ.
Всей здѣшной, думаю, извѣстно споронѣ....

Да что? известно что въ мѣстахъ и дальнихъ
свѣта,
Какъ должно почитать всѣмъ Графа Верховска;
А мальчикъ. . . .

Честонъ.

Можетъ быть онъ васъ и не узналъ,

Верхолетъ хохочетъ.

Вотъ что смѣшно! не знаешь меня?

Чванкина.

Нѣтъ, онъ нахалъ!

На ухо Честону.

Мальчишка! . . . не сердись; ужъ должно шутъ
бранишься,
Ноль знашой Господинъ изволилъ разсер-
диться.

Честонъ на ухо Чванкиной,

Я знамениты слуга, и знаемымъ я не чужу,
Кто . . .

Чванкина,

Развѣ виснешъ брань кому на ворошу?
Иль сына твоего онъ эшимъ поубавишь?
Изводишь побранишь, а послѣ не оставишь.

Верхолетъ.

Не знаю, отъ чего такой молокососъ
Возмогъ осмѣлился предъ Графомъ вздернуть
носъ!
Иль бывъ соперникъ мой, онъ равенъ мнѣ бытъ
мыслишь?

Ч е с т о н ь.

Онъ васъ достойнѣ себя Милены числитъ,

В е р х о л е т ь,

Я эщо думаю.

Ч в а н к и н а,

Милена и сама

И спитъ и видитъ, чшобъ . . .

В е р х о л е т ь.

Она не безъ ума,

Ч в а н к и н а.

И всё ужъ сдѣлаетъ, когда ей разтолкуютъ.
Она вѣдь знаетъ шо, гдѣ раки-та зимуютъ.

В е р х о л е т ь.

И Графа, думаю, мальчишкѣ предпочтетъ...

Къ Честону.

Но дерзосць мнѣ, сударь, его съ ума нейдетъ.
Вотъ такъ-шо молодосць и счасщѣ теряетъ,
Когда такихъ уже, какъ я, не почиаетъ.
Я, можетъ, пѣмъ его немного огорчилъ,
Что сердце ошъ него Милены оплучилъ;
Но было у меня ему во утѣшенье
За шо уже совсѣмъ гошова награждение.
Когда бы не шаковъ онъ былъ и грубъ и рьянъ;
То былъ бы гвардѣи онъ завтра Капитанъ.

Ч е с т о н ь.

Того не надобно, пустьъ въ арміи послужитъ.

В е р х о л е т ь.

Изрядно сказано; пускай его пошужитъ,

Пускай научится, какъ Графовъ почищать;
И лучше бы отецъ его не могъ сказать. . . .
Но ишо его отецъ?

Ч в а н к и н а.

Его онъ ожидаетъ.

В е р х о л е т ь.

Для свадьбы, слышалъ я.. Напрасно прогуляетъ
Пушь дальный спаричокъ; его мнѣ очень жаль.

Ч е с т о н ь.

Опцу увидѣшься со сыномъ не печаль;
И вѣрше, что ему не будетъ шо досадно. . . .

В е р х о л е т ь.

Что у меня со всѣхъ споронъ съ Миленой
ладно,
Не правда ли? И такъ умнѣ сына онъ?
А какъ его зовутъ?

Ч е с т о н ь.

Зовутъ его Чеспонъ! . . .

Ч в а н к и н а.

Пречестной спаричокъ! и онъ сюда nebudeтъ...

На ухо Честону.

Прощенья моего Чеспонъ не позабудетъ!

Ч е с т о н ь *на ухо Чванкиной.*

Докуда можно мнѣ.

В е р х о л е т ь.

Гдѣ служилъ онъ? и чѣмъ?

Ч в а н к и н а.

Дѣлами такъ вершишь, какъ будто бы мячемъ;
Такой учпивецъ онъ! такой ко всѣмъ при-
вѣшникъ!

И въ городѣ у насъ Коллежской онъ Совѣшникъ.
За то онъ всѣхъ почтенъ онъ въ нашей спо-
ронѣ.

В е р х о л е т ь.

Честонъ? . . . Совѣшникъ? . . . Ба! да онъ
извѣстенъ мнѣ.

За чиномъ долго здѣсь у знапныхъ волочился,
Ни что не помогло; но я уже вступился.

Ч е с т о н ь.

Такъ долженъ вамъ Честонъ за чинъ благо-
дарить?

В е р х о л е т ь.

Комужь? не ужшо вамъ? коль смѣю я спросишь.

Ч е с т о н ь въ сторону.

Безспыднѣйшій хвасшунъ!

В е р х о л е т ь.

Когда неймѣте вѣры,
Открыйте только мнѣ желаній вашихъ мѣры,
Въ минушу сдѣлано; и я служить всѣмъ радъ.

Ч е с т о н ь.

На прозвыбы я, сударь, немного шуговашъ.

В е р х о л е т ь.

Да безъ меня не лзяжь вамъ будетъ обой-
питься;

Пришло бы вѣдь ни съ чѣмъ Честону возвра-
титься,

Напрасно время здѣсь и шрудъ свой погубя...

Ч е с т о н ь.

Да знаете ли вы его?

В е р х о л е т ь.

Какъ самъ себя.

И э́томъ батюшка любовника Милены
Въ передней у меня потеръ спиною стѣны.
Не правда ли, Полистъ? Вамъ сважетъ секретъ.
тарь.

П о л и с т ь.

Безплодно попопшавъ онъ крыльца здѣшнихъ
баръ,
Которые ему совсѣмъ ужъ опіказали...
Знашь невозможностью дать чинъ ему сочи-
шали...

Не помню, у меня какъ случай онъ нашель,
И я его пошчасъ чрезъ Графа произвелъ.

Ч е с т о н ь.

Божуся вамъ, что вы не знаете Честона.

В е р х о л е т ь.

Не знашь его, сударь, мнѣ не былобъ урона!
Но естли я его вамъ живо опишу,
Со мною объ э́томъ я споръ вашъ упишу.

Ч в а н к и н а Честону на ухо.

Не споръ, отецъ мой, съ нимъ; онъ, знаешь,
баринъ знашней.

Ч е с т о н ь на ухо Чванкиной.

Онъ дерзкой человекъ, хвасунъ, шалунъ раз-
врашней!

Ч в а н к и н а заткнувъ уши.

Не слышу я.

III

ВЕРХОЛЕТЬ.

Что шамъ вамъ смѣюшъ говорить?

ЧВАНКИНА *съ притворствомъ*.

Нѣшъ . . . право ничего . . . изволишъ васъ
хвалить.

ВЕРХОЛЕТЬ.

Да почему же то бышъ можешъ непонянно,
Что мнѣ Честонъ знакомъ?

ЧЕСТОНЪ.

Мнѣ то невѣроянно.

По слуху одному, который говоришъ,
Что честно онъ служба, въ переднихъ не стоишъ;
Что онъ чрезъ подлоспи достоинствъ не до-
вишелъ;

Что баринъ честь его, а служба покровитель;
Что молвишъ за себя не просишъ онъ словца;
А впрочемъ я его не знаю и лица.

ВЕРХОЛЕТЬ.

Такъ яжъ вамъ сдѣлаю его изображение. . . .
Лицо широкое его, какъ уложенъе,
Одѣто въ красинькой сафьянной переплешъ;
Не вѣрю я шому, но кажется, онъ пьешъ;
Хоть сѣдъ отъ староспи, но бодръ еще до-
вольно. . . .

ЧЕСТОНЪ.

А я ейшъ слышалъ шакъ, что говоришъ онъ
вольно;

И если бы когда и Графъ какой спалъ лгашъ,

Въ глаза бы онъ сказалъ, что Графъ изволилъ
врать. . . .

Онъ сухъ, лице его ни мало не широко,
И хваспуновъ его далеко виднѣло;
А впрочемъ онъ во всемъ походитъ на меня;
Но чтобы все сказать, Честонъ, сударь,
самъ я.

ВЕРХОЛЕТЪ.

Какое же вранье, какая дерзость эта! . . .
Ну, къ спашѣль, спаричокъ, въ твои почтен-
ны лѣта

Лгать пагло. . . .

ЧВАНКИНА.

Подлинно!

ЧЕСТОНЪ.

Нѣтъ, вамъ, когда вы Графъ,
Не стыдноль честности, сударь, презрѣвъ
успавъ,

Который вамъ хранить. . . .

ВЕРХОЛЕТЪ.

Я васъ не разумѣю.

ЧЕСТОНЪ.

Поди, сударь, поди; я вмѣсто васъ краснѣю,
А вы. . . .

ВЕРХОЛЕТЪ.

Полистѣ! ужель всѣ письма къ Ко-
ролямъ?...

ПОЛИСТЪ.

Госпоны всѣ, сударь.

Ч е с т о н ь кѣ Чванкиной.

А вы, не спыдноль вамъ,
Когда при васъ меня увѣришь въ томъ дер-
зающъ,
Что я не я; когда при томъ меня ругающъ;
А вы, сударыня, молчаніе храня . . .

Ч в а н к и н а.

Охъ, Боже мой! на что ссылашься на меня...
Честонъ ли ты, иль нѣтъ, я этого не знаю;
Угодно Графу какъ, я такъ и почишаю.

Ч е с т о н ь.

Какъ! столько подлости вы можете имѣть,
Чтобъ уличить его въ столь видной лжи не
смѣшь;
И бывъ знакомы мнѣ, сударыня, такъ близко,
Хошите пошакать и пошакать такъ низко?...
Не Графъ, повѣрьте мнѣ, хвастунъ пре-
страшной онъ;
И это правда такъ, какъ то, что я Честонъ.

Ч в а н к и н а.

Такъ чтожъ, что ты Честонъ, хоть знаю,
да не вѣрю.

Верхолеть съ видомъ насмѣшли-
вымъ и презрительнымъ.

О нѣтъ, нѣтъ, что я Графъ, я въ этомъ
лицемѣрю.

Не Графъ я, а такой вотъ точно дворянинъ,
И темной и простой, какъ этотъ господинъ.

Ч е с т о н ь.

Повѣрьте, бывъ такимъ желаю вамъ не ложно.

Часть V.

ВЕРХОЛЕТЬ *сб насмѣшкою.*

О! много чести мнѣ . . . мнѣ въ помѣ при-
знаться должно.

Кб Чванкиной.

А впрочемъ пусть по мнѣ онъ будетъ то,
что онъ;
да въ свѣтѣ только ли, что онъ одинъ Че-
стонъ? . . .
Что чиномъ одолжилъ Честона я безмѣрно,
Я это вѣдаю и знаю очень вѣрно.

Ч Е С Т О Н Ъ.

Такъ и вамъ извѣсню . . .

В Е Р Х О Л Е Т Ъ.

Тово-по не перплю;
И извѣсненій я ни мало не люблю.

Кб Чванкиной.

Вы видѣшесь, что спалъ теперь онъ призна-
вашся,
И съ благодарностью ужъ хотѣвъ унижаться?
Но благодарности стараюсь избѣгать;
Я не для эшаго желаю одолжать.

Ч В А Н К И Н А.

Какой безстыдникъ онъ!

В Е Р Х О Л Е Т Ъ.

То правда, что безстыденъ;
И онъ, какъ въ зеркалѣ, въ своемъ Замирѣ
видѣнъ,
Которой подло такъ Милену клеветалъ.

Честонъ.

Не правда! и мой сынъ . . .

Чванкина.

Бездѣльникъ и нахалъ!

Верхолѣтъ Чванкиной.

Пойдемъ, ужь онъ опять бѣсится начинаетъ.

Къ Честону отходя.

О вашихъ дуростяхъ сегодняжъ Дворъ узнаетъ.
Прости!

Чванкина, къ Честону отходя.

Не знаешь, какъ онъ силенъ у Двора!
Пропалъ ты, и на вѣкъ.

Честонъ.

Убила ты бобра!

Княжнинъ.

~~~~~

XLIV.

НАРЦИССА,

Переводъ изъ Юнговыхъ ночей.

Исчезли сна мечпы, я снова пробужденъ!
 Еще весь міръ во мракъ глубокой погруженъ:
 Душевный только лучъ сіяешь предо мною.
 Увы! я для того ночью темною
 Отверзъ зеницы глазъ, чѣобъ волю дашь слезамъ.

Съ какимъ веселіемъ къ назначеннымъ часамъ
 Въ мѣста свиданія любовникъ посѣщаетъ,
 Я навѣ спремлюсь туда, гдѣ горестъ обихаенъ.

Подруга темношы, душъ нѣжныхъ божество,
 Когда безмолвіемъ обѣяно естество;
 Когда лишь горести единой воздыханье
 Тревожитъ общее, глубокое молчанье:
 Луна, шы, воцарясь въ предѣлахъ горнихъ мѣстъ,
 Тамъ правишь сонмами неизчислимыхъ звѣздъ:
 Внуши мой гласъ! спушись съ престола осре-
 бренна;

Пускай душа моя, побою оживленна,
 Подобіе швое въ Нарциссѣ воспоешь!
 Когда средъ воздуха покровъ ночь разпроспиретъ,
 Надъ сферами небесъ шы власть тогда пріемлешь,
 Движеній стройныхъ ихъ согласію шы внемлешь.
 Тѣ звуки сладостны, въ благопріятномъ снѣ,
 Коль можно, повтори, подруга ночи! мнѣ.

Ихъ силой подирѣясь, пустьъ съ лирою стеницей
Соединю ихъ гласъ, союзъ міровъ пворащей.

Воззваніе къ тебѣ мой оживило духъ!
Другъ нѣжности! ко мнѣ ты преклоняешь слухъ,
Ты знаешь, кто моихъ слезъ горестныхъ виною...
Краса, въ пріятностяхъ равнявшаяся съ тобою,
Душевной кропостью подобная тебѣ,
Нарцисса! нѣтъ ее!... ставъ жертвою судьбъ,
О ней перзаюсь я, лью слезы и мечтаю!
И развѣ ее лишаюсь, всякъ часъ ее теряю.
Я зрю, Нарцисса! смерть спѣшитъ къ тебѣ
съ косою!

Хладѣешь ты! и гласъ прерывный слышу пвой.
„Увы! вѣщаешь ты: ужъ смерть мой взоръ за-
тмила!

„Надежду, юность, все ночь вѣчна поглотила!“

Нѣтъ, нѣтъ! той ночи мракъ, когда Филандръ
сраженъ,

Со мглою ночи сей не можетъ быть сравненъ.
О бѣдствій цѣпь! онъ всегда совокупленно
Къ тому спѣшатъ, въ комъ духъ и сердце
умерщвлено.

Для нихъ веселіе несчастнаго терзаетъ!

Едва успѣвъ землѣ Филандровъ прахъ предать,
Готовъ Нарциссъ гробъ! Незвѣстными муки,
Любѣйшимъ бременемъ стяча меня разлуки,
По каплямъ истощаетъ дають мнѣ скорби ядъ!
Въ обширномъ мірѣ семъ лишенный всѣхъ оп-
радъ,

Отъ друга къ дочери влекусь души поманенемъ.

Пріемля отъ судьбы ударъ за пораженіемъ,
И смертию преносимъ отъ бѣды однихъ къ
другимъ,

Могутъ ли чувствіямъ назначить цѣль моимъ?
Сомнѣнна скорбь моя не зрѣтъ себѣ предѣла.
О, дочь моя! мой другъ! не зная межъ васъ
раздѣла,

Дѣлю межъ вами днесь разтерзанный мой духъ.
И такъ предвѣстіемъ тому служилъ мнѣ другъ,
Что рокъ мнѣ новою потерей угрожаетъ;
Что къ гробу смерти его Нарциссу провождаетъ.
Какъ мрачный вранъ грозитъ намъ прибли-
женіемъ бѣды,

Такъ предо мной, Филандръ! тебя сразивша
смерть

Являла, что еще она ждетъ жертвы новой!
Въ цвѣту весеннихъ лѣтъ, Нарциссу рокъ
суровой

Въ непроницаемый гробницы мракъ низвергъ,
Едва душа ея раждалась для утѣхъ,
Едва блаженство къ ней съ улыбкою взидало;
(Блаженство! нѣтъ, его въ семъ мѣрѣ не бывало!)
И первой лучъ любви едва блеснулъ въ очахъ;
Блеснулъ! пресѣлось все; подруга Грацій...
прахъ.

Пріятность, кротость, все Нарциссу украшало!
Все отъ невинности прелестный въ ней бли-
стало.

Веселонравіе, чувствъ нѣжныхъ простота,
Пріятности ума, душевна красота;
Увы! все было въ ней!... и счастье, казалось,
Чилъ столько въ ней даровъ, къ ней нѣжно
улыбалось,

Стремясь опрады всѣ для ней совокупить.
 Но можноль чѣмъ себя отъ смерти оградить?
 Нарцисса для нее примѣшивъ только стала:
 Съ вершины благъ земныхъ она сколь быстро
 пала!

Убивственнымъ свинцомъ сраженный соловей
 Средь пѣсни сладостной такъ падаетъ своей.
 Онъ палъ! исчезло съ нимъ лѣсовъ очарованье.
 За гласомъ прерваннымъ глубокое молчанье
 Просперлось въ воздухъ, по рощамъ и лугамъ;
 И мрачный ужасъ вновь пріѣлъ державу тамъ.
 Нарцисса! твоей отецъ, разсѣявшись съ тобою,
 Внезапно мрачнѣе спалъ окруженъ такою!
 И такъ, ужь для меня твоей прекратился гласъ!
 Твой гласъ? возможно ли! ты въ гробъ; но въ
 сей часъ

Мой слухъ послѣднее внушивъ твое вѣщанье,
 Вливаетъ въ чувствіе сладчайше прелепанье!
 Ахъ! скорбь стремишься вновь, и мигъ сей
 пролетѣлъ.

О дочь моя! тебя . . . забылъ бы я хотѣлъ.

Забылъ тебя! увы! въ моей ли это воля?
 Имѣвъ тебя, въ какой я былъ завидной долѣ!
 Чѣмъ небо одарить лишь смертнаго могло,
 Съ какимъ сіяньемъ то въ Нарциссѣ все цвѣло!
 Видъ Ангельскій собой Нарцисса представляла,
 И въ имени отца рай жизни мнѣ являла.
 Название сладостно! вѣнецъ всѣхъ благъ зем-
 ныхъ,

Ахъ! долго ли твой блескъ сіялъ въ очахъ
 моихъ?

Едва мелькнулъ, и я цизверся бѣдѣ въ пучину!

Увы! чѣмъ раздражишь я столько могъ судь-
бину?

Горячностью ошца? но смерть не внем-
летъ ей!

Дыханьемъ челюсти губительной своей
Прелестной розы блескъ въ зарѣ ея зашмила,
И плодъ годовъ въ одну минушу поглотила.

Что значить счастье юдоли сей земной?
Мигъ, годы бѣдствія влекущій за собой!
За каплю сладости мы рѣки пьемъ осправы;
Вошъ непреложные для смертнаго уставы!
Потери чувствіе, въ сравненіи оспрадъ,
Для сердца нашего есть смертоносный ядъ.
Я былъ опцомъ; но ахъ! по милое названье
Могло ли превышать теперешне спраданье?
Оно тѣмъ болѣе мою перзаемъ грудь.
Нарцисса! вѣчныхъ слезъ моихъ предметомъ
будь;

Тѣ слезы для меня послужатъ оживленьемъ.
Вѣрь, сердца моего съ послѣднимъ лишь бѣньемъ
Забуду бѣдственной съ тобой разлуки часъ.
Такъ! и тогда, какъ огонь въ тебѣ ужъ жизни
гасъ,

Когда въ обѣщаньяхъ ты смерти леденѣла,
Еще ты прелести небесныя имѣла!
Зря смерть твою, и я ждалъ смерти для себя;
Теряя, болѣ всѣхъ временъ любилъ тебя.

Пусть горделивый духъ въ своемъ окаменѣнъ
Вмѣняетъ слезы намъ въ позоръ и пресупленье;
Несчастный! онъ того не можетъ вѣчно знать,
Какія сладости намъ слезы могутъ дать.

Источникъ ихъ въ душѣ! изъ ней онъ стре-
мится,

Когда въ насъ чувствія стѣсненны размягчаться.
Разсудокъ иногда чрезмѣрность ихъ винитъ;
Разсудокъ! власенъ ли онъ чувствіямъ пре-
шпихъ?

Ошцы, подобнымъ мнѣ сраженны разлученьемъ,
Вы знаете, какимъ разтерзанъ я мученьемъ!

Внимайше мнѣ! едва въ Нарциссиныхъ очахъ
Блескъ началъ померкать; едва въ ея чертахъ
Смерть возбѣдающая разпространилась блѣд-
ность;

Едва предчувствіемъ злымъ моя сразилась нѣж-
ность:

Изъ мѣстъ рожденія, гдѣ царствуетъ Борей,
Гдѣ свѣтъ хладъ и смерть онъ въ лютости
своей,

Свѣшилъ я въ тѣ мѣста, гдѣ солнечно сіянье
Долженствовало бы смягчить ея сраданье.

Свѣшилъ, чтобы узнать, что льстился я меч-
той!

Надмѣнный вождь свѣшилъ, безчувственный
блескъ пивой

Съ такимъ же хладомъ зрѣлъ красы изнемо-
женъ,

Какъ и прельцающихъ весной цвѣтовъ паденье.
Нарцисса нѣжная въ обвинѣяхъ моихъ
Взоръ уклонила свой такъ отъ очей своихъ,
Какъ лилія въ саду главою поникаетъ.

О вы, чья краса среди полей блистаетъ,
Цвѣтны! пьющіе опрадный солнца свѣтъ;

Весеннихъ , кропкихъ дней любезнѣйшій пред-
метъ ;

Вы , для кого съ небесъ лѣется оживленіе ,
Въ номъ солнечныхъ красотъ вострѣчаемъ
взоръ смѣшеніе !

Когда Нарциссина къ вамъ прикасалась длань ,
Какъ торопились вы себя принести ей въ дань !
На персяхъ вы ея блескъ новой получали ;
Въ дыханьи вѣтерка вы ей передавали
Сладчайшій ароматъ , ей равный въ чистотѣ .
Прелестны существа ! подобныя мечтѣ ,
Какъ наши , ваши дни равно быстропролеуци ;
Но муки , бѣдствія , столь смертныхъ духъ
грызущи ,

Несвѣдомы для васъ ! вашъ жребій , взоръ плѣ-
нятъ ,

Раждаются для оправдъ и въ счастья умираютъ !

И такъ Нарциссинъ прахъ въ землѣ инопле-
менной

Я долженъ былъ сокрытъ . . . Ударомъ симъ
сраженной ,

Еще любѣйшій я бѣдства встрѣтилъ шамъ !
Когда опчаянью , когда моимъ слезамъ ,
Казалось , естество бездушное внимало ,
Подобныхъ чувство мнѣ , разить меня дерзало .
Враги самихъ себя , враги природы всей ,
Мы въ святошаштвенной жестокости своей ,
И Бога лютоствямъ своимъ сопричажаемъ ,
Отца вѣжнѣйшаго въ пирана претворяемъ .
Когда объявля онъ къ Нарциссу просширалъ ,
Когда онъ духъ ея на лоно принималъ ;
Тогда и на землѣ не могъ обрѣсти ей гроба .

О суетвѣрїя неистовая злоба,
 Разсудокъ, чувствїе, все помрачаешь ты!
 Твои ужасныя для смертнаго мечты
 Посѣявъ распрю въ немъ съ влеченїемъ при-

роды,
 Отъ чувствъ его любви отторгли тѣ народы,
 Которые хоня такогожъ Бога чшашъ,
 Но въ вѣрѣ лишь своей иной обрядъ храняшъ.
 О, Боже благости! по пагубное рвенїе
 Препило и землѣ съ землею соединенїе.
 Къ кому прибѣгнушь я, кого молишь я могъ?
 Ахъ! спону моему внималъ единый Богъ!
 Онъ зрѣлъ меня всѣхъ бѣдъ спеченьемъ по-

раженна;
 И съ тѣломъ дочери, средѣ ночи, опдаленна
 Отъ взоровъ тѣхъ, въ комъ зрѣшь я братїи
 мнилъ моихъ.

Тамъ, урываясь со шепетомъ отъ нихъ,
 Нарциссинъ прахъ повергъ поспѣшно въ мракъ
 могилы!

Едва собравъ мои изнеможенны силы,
 Съ рыданїемъ надъ ней моленїе произнесъ,
 Изрекъ прощанїе и скорбь мою понесъ
 Отъ сихъ плачевныхъ мѣстъ, какъ къ смерти
 осужденный!

Нарцисса! дочь моя! мой духъ оцѣпененный
 Какимъ безчувствїемъ меня обременилъ!
 Я надписью швоей гробницы не почтилъ.
 Незнаема ни кѣмъ, въ спранѣ иноплеменной,
 Твой прахъ, увя! моей Нарциссы прахъ свя-

щенной
 Людей безчувственныхъ попрется шамъ ногой;
 Сколь слабый твой отецъ виновенъ предъ побой!

Какъ могъ смутиться онъ враговъ твоихъ
гоненьемъ,

Коль гласомъ естества и чувствій влеченьемъ,
Онъ подвигаемъ былъ воздашь тебѣ весь долгъ?
Необходимости онъ побѣдить не могъ.

Прости, дражайша тѣнь! въ волненіи душев-
номъ

Одинъ, безъ помощи, въ шомъ жребіи плачев-
номъ,

Съ моленъемъ о тебѣ онъ кляпвы сѣдинялъ,
И въ образъ людей людей не познавалъ!

Объятый ужасомъ спремился онъ ошолъ;
И могли бы дышать тѣмъ воздухомъ онъ долъ?
Онъ въ изступленьи чувствъ тамъ землю по-
пиралъ,

И жипелямъ ея въ опчаянны желалъ,
Чтобъ жершвою они всѣ той гробницы спали,
Въ которой для тебя, Нарцисса, опказали.

Опчаянье мое кпо можетъ порицать?

Но сколь ужасный грѣхъ, прахъ мертвыхъ
оскорблять!

Тотъ, кпо простеръ лазурь по звѣздному эфиру,
Кпо солнца видъ облекъ въ блестящую порфиру,
Тотъ самый Богъ, міровъ безчисленныхъ Тво-
рецъ,

Прахъ создалъ смертнаго; и общій сей Опецъ
Знаменовалъ его печатью совершенства.

О гробъ, преддверіе безсмертнаго блаженства!
Не смѣетъ ненависть, не смѣетъ вопль стра-
стей

Безмолвье нарушать обители твоей;

Лишь суевѣріе, самой люте злобы,

Дерзаетъ возмущать и безмятежны гробы.

Сколь ослѣпленіе сіе раждаетъ бѣдѣ?
 О вы, любовію рожденные на свѣтѣ;
 Вы, существующи любовію одною,
 Вы, для кого одна любовь всѣхъ благъ виною,
 И для любви кому назначенъ только мигъ!
 Вамъ можноль ненависть пишати въ сердцахъ
 своихъ?

Тотъ извергъ естества, тотъ рушитъ всѣ
 законы,

Кто можетъ ближняго внимать холодно стоны.
 Но что въщаю я? пріемля дружбы видъ,
 Сколь часто человекъ въ душѣ весь адъ таитъ!
 Онъ выждалъ часъ: разитъ! невинность упа-
 даетъ!

Онъ ярошенъ, какъ шигръ, коль месѣ въ
 немъ восплаетъ.

Луна, опъ словъ моихъ во мраки облекись,
 И вмѣстѣ съ сонмомъ звѣздъ въ ночь вѣчну
 погрузись;

Не лучше ли, чѣмъ мѣръ ничтожество объяло,
 Коль смертный въ смертномъ зрѣтъ всѣхъ
 бѣдъ своихъ начало?

Пускай меня винятъ; могуль холоднымъ быть,
 Коль бѣдствіе моихъ друзей меня разитъ?
 Филандръ, кого душой владѣла добродѣтель,
 Филандръ, другъ истинны, несчастныхъ благо-
 дѣтель,

Имѣлъ враговъ, и былъ ихъ злобою гонимъ!
 Но днесъ ни онъ, ни я не служимъ жертвой имъ.
 Нарциссы смертію недавно пораженный,
 Всѣ чувствія мои въ поскѣ о ней влюченны.

О, дочь моя! коль мой еще ты внимлешь гласъ,

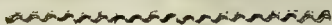
Кончину дней твоихъ представь себѣ въ сей
часѣ;

Зри произшествія , соединенны съ нею!
Онѣ , на вѣкѣ съ моею слѣявшися душою ,
Какѣ гидры алчныя грызутъ мой скорбный
духъ.

Обремененное всѣхъ золъ спеченьемъ другъ ,
Какое мужество тому противустанешь?
Доколѣ капли слезъ въ очахъ моихъ не станешь,
Нарцисса , о тебѣ дополь ихъ буду лишь!
Вселенной скорби мою спремися возвѣспить ,
Хочу , чтобъ о тебѣ скорбѣли повсемѣстно.
О имени моемъ гдѣ будетъ лишь извѣстно ,
Тамъ отъ чувствительныхъ сердецъ ты при-
мешь дань.

И пылкой юноша , съ спрастными ведущій брань ,
Въ дни счастья своего , воспорговъ и веселья ,
Сердечной жалости почувствовавъ движенья ,
Пойдетъ въ уныніи , съ поникшею главой ,
Въ обитель смерти , чтобъ заняться памѣ
тобой!

Г л и н н а .

XLV.

МАДРИГАЛЬ.

Похожа хочешь ли ты на Амура быть?...

Глаза лишь надобно закрыть. —

Захочешь ли, чтобъ онъ пѣнился самъ тобой?

Амина! только ихъ опкой.

О.

XLVI.

ДОГОВОРЪ СЪ НИСОЮ.

Безъ околичностей и безъ приказныхъ словъ

Съ тобою договоръ я подписать готовъ.

Амура въ маклеры теперь же выбираю.

Однако я во всемъ порядокъ наблюдаю;

Подай перо — пишу: — *хочу на свѣтъ жить,*

Чтобъ Нису мнѣ любить.

А ты къ тому прибавь: *хочу его любить,*

Чтобъ могъ онъ жить.

Пушкинъ.

XLVII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СИНОВА.

Гостомысль, Ильмена и Вѣстникъ.

Ильмена.

Иль Трувора еще печальный градъ вѣщаетъ? ...
 Но что смущенный твой намъ образъ возвѣ-
 щаетъ?

Вѣстникъ Ильменѣ.

Услышавъ вѣсть тебѣ потребно много силъ.

Ильмена.

Вѣдай: о бѣдная! . . .

Вѣстникъ.

Кто полъ тебѣ былъ милъ . . .

Ильмена.

Увы!

Гостомысль.

Что спалось съ нимъ?

Вѣстникъ.

Съ мученіемъ сердечнымъ

Князь Труворъ зашворилъ глаза свои сномъ
 вѣчнымъ.

Ильмена.

Судьба! взошла побой на самый верхъ я бѣдъ:
 Свершилась часъ моя, и Трувора ужъ нѣтъ!
 Жаръ вѣжнны любви злой смертию увѣнчался!
 (Вѣстнику)

Какимъ ударомъ мой любезный Князь скон-
 чался?

Скажи.

Г о с т о м ы с л ь.

Къ чему о томъ ты хочешь вопрошать?

И л ь м е н а.

Хочу мученіемъ я душу ушѣшать.

Г о с т о м ы с л ь.

Для имени боговъ . . .

И л ь м е н а.

Противна имъ измѣна:

Спрадай, плащи любовь, о вѣрная Ильмена!

(Гостомыслу.)

Довольно принуждалъ ты сердце, ахъ! мое:

Дай волю мнѣ.

(Вѣстнику.)

Вѣщай плачевно бытіе.

В ь с т н и к ь.

Съ плачевой мыслию онъ городъ сей оставилъ,
И въ путь по Волховскимъ берегамъ споны на-
правилъ.

Въ молчаніи его одинъ былъ слышанъ стонъ,
Который испускалъ безперестанно онъ.

Какъ слезы онъ держалъ въ очахъ ни порывался,
Но изъ очей его похъ слезный проливался.

Не сей имѣлъ онъ зракъ, который прежде
цвѣлъ;

Перемѣнялся видъ, и зракъ его блѣднѣлъ.

Тяжелыя въ груди дыханія спирались,

Вздыхалась грудь его и губы запекались.

Какъ съ вершю мы пуши отбѣхали за градъ,

Со колесницы сшедъ, онъ очи взвелъ назадъ,

Часть V. И

И жалостно взглянувъ на отдаленно здание,
Гдѣ суетно питалъ онъ спрѣспно ожиданье,
Уже по самый гробъ распался я съ побой.
О градъ! онъ рекъ, о градъ! гдѣ духъ остал-

ся мой,

Жилище, гдѣ моя любезная спонаетъ;
И о любовникѣ безъ пользы воспоминаетъ;
Въ тебѣ я мужеству хотѣлъ сыскать успѣхъ,
Сыскалъ; но что по томъ? лишился всѣхъ
успѣхъ,

Которыя моей пы младасти представилъ.
Ахъ! что въ тебѣ я, что любезный градъ
оставилъ!

А ты, гдѣ озеро ни будешь глашено,
Которо именемъ драгимъ украшено,
Повсюду возвѣщай мою несносну муку,
И именемъ своимъ пверди мою разлуку;
Тверди и то, что я для той, кого любилъ,
Близъ устья Волхова въ себя сей мечъ вон-
зилъ.

Едва сѣи слова лишь только излетѣли,
Мечъ былъ въ груди его; мы покъ кровавый
зрѣли.

Онъ палъ къ намъ въ руки; мы желѣзо из-
влекли.

Багряныя струи спремительно текли.
Я рану захватилъ плашкомъ своей рукою.
Князь спражъ говорилъ: теперь иду къ покою,
Коль то, что зрите вы, мнѣ спавите въ
напасъ,

Синавова ее содѣлала мнѣ спрѣспъ.

А ты, сказалъ онъ мнѣ, меня зря въ части
слезной,

По возвращеніи, скажи моей любезной,

И упованіе Ильменино не ложно;
 Но чѣмъ увѣрюсь я, что буду зрѣть того,
 Къто здѣсь съ родителемъ милѣе мнѣ всего?
 Иль въ смерти смертныя другъ друга не за-
 будутъ,
 И спрасити волновать, какъ здѣсь, и тамо
 будутъ!
 Того не можешь быть, какъ шотъ наспанетъ
 вѣкъ,
 Чтотъ былъ съ собой во всемъ тамъ сходенъ
 человѣкъ.
 Тамъ воля разуму преспанетъ быть преслушна,
 Сердца тамъ твердыя, и мысль великодушна.
 А естли болѣе не будешь тамъ спрасней;
 Такъ я не буду, Князь, любовницей швоей.
 О тайна! ошъ ума ты скрыта намъ богами,
 И въ непоспичности оставлена судьбами.

Г о с т о м ы с л ь.

Къ чему ты дщерь моя приводишь по наумъ?
 Освободи себя отъ тяжкихъ оныхъ думъ;
 Ты ими мучишься и расправляешь рану.

И л ь м е н а.

Я скоро, отче мой, отъ нихъ свободна спану;
 Уже приблизилась ко гробу я спѣня;
 Когда скончаюся, воспоминай меня:
 Не знаешь, близколь часъ съ тобой моею
 разлуки,
 И не въ послѣднія швои цѣбую руки.

Г о с т о м ы с л ь, обнявъ Ильмену.

О дщерь моя! прешанъ смущаши духъ отцевъ!

И л ь м е н а.

Смущеніе легко бываемо отъ словъ;
 Увидя дѣйствіе смятется духъ твой болѣ.
 Не будешь дочери ты зрѣти на престолѣ.
 Возлюбленна душа драгова моего,
 Коль свѣтъ присутствія лишился твоего,
 Въ очахъ моихъ онъ пущѣ и взору непріятнѣ!
 О Труворъ! естли гласъ живущихъ мертвымъ
 внятнѣ,

И можешь грусть моя проникнути твой сонъ;
 Внемли, хоща въ мечтѣ, сей жалобный мой
 стонъ:

И утѣсняемой немилосердымъ рокомъ,
 Ославъ мою вину, что въ случаѣ жестокомъ
 Была принуждена Ильмена измѣнить! . . .
 Лязля, боги, должностью свирѣпство извинишь!
 Прежалостная тѣнь! о тѣнь окровавленна!
 Познай, какъ грудь моя тобою уязвленна!
 Познай, мой Книзь, тоску, въ которой спраж-
 ду я,

И жертву, кою дастъ тебѣ любовь моя!
 Кого отъземлешь ты, о строга добродѣтель!
 А ты, которой былъ конца его свидѣтель!
 И какъ былъ вѣренъ онъ возлюбленной своей,
 Свидѣтелемъ теперь будь смерти и моей!
 (Закололась).

Г о с т о м ы с л ь.

Я больше смертнаго себя превозмогаю:
 Къ великодушію лишь только прибѣгаю!

Гостомысль, Синавъ и Воины.

С и н а в ъ.

Мой другъ ! извѣстенъ ли о братѣ твоемъ?

Г о с т о м ы с л ъ.

Извѣстенъ, Государь ! извѣстенъ я о всемъ.

С и н а в ъ.

Я отращаю любовную, но вредну мнѣ и люту,
 Конечно получилъ въ несчастнѣйшу минушу.
 Я шился Тривора на время удалишь,
 Чѣмъ только ихъ любовь кипящу ушлишь;
 Но вымыселъ Судьба любви претворила,
 Которая меня безумству покорила:
 А то безумство мнѣ пріятно и теперь;
 Люблю какъ душу я твою прекрасну дщерь,
 И въ сей шокъ она въ умъ моему летаетъ;
 Наполненъ ею умъ, и сердце ею шаетъ:
 Прелестные всего она на свѣтѣ мнѣ,
 Но какъ передъ нею предстану въ сей винѣ?
 О комъ несчастливъ я!

Г о с т о м ы с л ъ.

Хоть горько ты споняешь,
 Но всѣхъ еще своихъ несчастій ты не знаешь.

С и н а в ъ.

Скажи, какой еще Синавъ разимъ судьбой?

Г о с т о м ы с л ъ.

Имяна навсегда распалася съ тобой.

С и н а в ъ.

Разсталась навсегда?

Г о с т о м ы с л ъ.

Взгляни на покѣ сей кровной,
И сотвори конецъ ты мысли днесъ любовной!
Се кровь Ильменина.

С и н а в ъ.

Скончалась дочь швоя!

Г о с т о м ы с л ъ.

Тупѣ вышелъ предо мной изъ шѣла духъ ея:
Ринжаломъ жизни здѣсь она себя лишила.

С и н а в ъ.

Уже ты все теперь, судьбина, совершила!
Ты всѣ свирѣпости явилъ, о рокъ! на мнѣ:
Представилъ ты меня пираномъ сей спранъ,
И злѣйшей фуртѣй изверженной изъ ада:
Я брата недругъ спалъ, изгналъ его изъ града:
Смутилъ его весь умъ, низвергъ его во гробъ;
И къ умноженію шворимыхъ мною злобъ,
Какихъ и дикіе въ лѣсахъ не знаютъ зѣбри,
Лишилъ при старости отца любезной дщери,
Героя, коимъ градъ сей бѣдства окончалъ,
И кто Синава здѣсь короною вѣнчалъ;
Безъ пользы мучилъ духъ красавицы дражайшей,
Горчайшу сдѣлалъ жизнь изъ жизни ей сладчайшей,

И ошъ пріятнѣйшихъ Ильмениныхъ очей
На вѣки оплучилъ свѣтъ солнечныхъ лучей....
Поялся, учинивъ конецъ своей судьбинѣ,

О коль пресчастливы любовники вы нынѣ !
 Васѣ весь жалбешѣ градѣ , оплакивая васѣ ,
 А я сталѣ мерзостью народною въ сей часѣ ;
 Злодѣйски жалобы съ раскаяньемѣ безплоднымѣ
 Безѣ жалости уже текутъ въ сердцахѣ народ-
 нымѣ .

О жесточайша часъ ! о солнце ! небеса !
 Какого дождался , о боги ! и часа .

Г о с т о м ы с л ь .

Тираномѣ . Государь , называть себя не можно ;
 А что несчастливѣ ты , несчастливѣ ты не
 ложно .

Но ужъ не пользуетѣ спенаніе себя ;
 Ищи ты крѣпости и мужества въ себѣ .

С и н а в ѣ .

Не ты кинжаломѣ грудь прекрасную пронзила ,
 Моя рука тебя , моя рука сразила !
 Ильмена ! опусти ты мнѣ мою вину ;
 Клянущи злодѣйствіе , но поздно ужъ клянущи !
 О сердце варварско ! ты паче мѣры злобно !
 Коль спрасши истребишь мнѣ было неудобно ,
 Не могъ ли своего я кончить живота ?
 Увяла молодость , увяла красота :
 Закрылись очи твои , которы кровь палили ,
 Которы мучили меня , и веселили .
 Чегожь я жду ! пойдѣмъ въ пѣмъ вѣчную за ней .

(Вынимаетъ мечъ , но Госто-
 мыслѣ съ воинами вырываетъ
 мечъ изъ рукъ его) .

О продолжили злой горести моей !
 Вы опияли мой мечъ ; въ немъ вся моя отрада :
 Жить больше не хочу , оставъ любезна взгляда .
 (Падаетъ въ креслы) .

Туманъ опъ глазъ моихъ скрываетъ солнца
свѣтъ . . .

Ужь нѣтъ ни Трувора! ни, ахъ! Ильмены
нѣтъ . . .

Моя кипяща кровь на сердцѣ замерзаетъ . . .

Или въ сей страшный день вселенна исчезаетъ! . . .

Проникли темношу лучи, сокрыта мгла:

Природа небесамъ цвѣтъ прежній опдала. . . .

Но что вы, воины, вокругъ меня дрожите?

Куда опсѣлъ всѣ, куда вы прочь бѣжите?

Печальный Новградъ, шы разсѣянъ нынѣ весь.

О чемъ любезная Ильмена плачетъ днесъ. . . .

Но кто поверженный шамъ очи къ небу ме-
щентъ!

Какой несчастливый въ крови своей прене-
щентъ

Едва, едва дыша помнитъся челоуѣкъ

То Труворъ, брѣтъ мой то: ахъ! онъ кон-
чается въкъ!

Прости, любезный брѣтъ! . . . сіе все мною
творимо.

(Востаетъ),

О солнце! для чего еще шы мною зримо;

Разлей свои валы, о Волховъ! на брега,

Гдѣ Труворъ пораженъ опъ брата и врага,

И шумнымъ стономъ водъ въщай вину Синава,

Которой навсегда его затмилась слава!

Черноги! гдѣ лила свою Ильмена кровь,

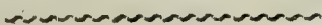
Падише на меня, опмстите злу любовь!

Карай мя небо, я погибель въ даръ пріемлю,

Рази, губи, греми, бросай огонь на землю! . . .

(Падаетъ въ руки воиновъ).

Сумароковъ.

XLVIII.

НА СМЕРТЬ Л. Е. М — ОЙ.

Когда гармонія своей волшебной силой (*)
 Лила мнѣ въ грудь воспоргѣ и нѣжила мой
 слухѣ;

Тогда надѣ свѣжею швоей. . . . увы! могилой

Носился мой смущенный духѣ! . . .
 И вѣчной мракѣ ея и небо предѣ собою
 Я видѣлѣ. трепеталѣ. и умилялѣ-
 ся вновь.

Какую власнь погда имѣла надо мною
 Гармонія! що въ ледѣ, що въ пламенѣ
 кровь

Мою всечасно превращала!
 Ахѣ! въ первый разѣ еще такѣ живо ощущала
 Душа моя щещу, ничтожность благѣ зем-
 ныхѣ!

Минуша — и слѣдовѣ уже не видимѣ ихѣ!
 Давноль ны жизнью, здоровьемѣ наслаждалась?
 Давно ли чувства огнѣ блискалѣ въ швоихѣ
 очахѣ?

Давно ли радостно съ друзьями улыбалась?
 А нынѣ. шлѣшетѣ швой подѣ хладнымѣ
 камнемѣ прахѣ! ,

И завтра о щекѣ всѣ въ мѣрѣ позабудутѣ:
 Уставѣ, предписанный напурою сердцамѣ! . . .

Онѣ благо въ бѣдной жизни намѣ!
 „Не вѣчно обо мнѣ лишь горьки слезы будутѣ

(*) Авторѣ получалѣ это печальное извѣстіе въ кон-
 чертѣ.

Дѣлившіе со мной все счастье дней моихъ,
Печаль и скорби ихъ“ —

Скажу, глаза свои на вѣки закрывая,
И мыслью пріятной сей

Ужасный, тяжкій сходъ въ могилу облегчая,
Съ отрадой лягу въ ней.

М — ва! ахъ, нѣтъ! кто зналъ тебя, не
взглянешь

Безъ чувства горести на гробъ смиренный
твой;

Достоинства твоеи вспоманешь
И окропишь его сердечною слезой!

Кн. Шаликовъ.

XLIX.

АМУРЬ и ДРУЖБА.

— Сестрица, душенька! — „Здорово братецъ
мой!“

— Леталъ, леталъ! — „А я шаталась ужъ
шаталась!“

— Гдѣ взяли любовниковъ? всѣ сгибли какъ
чумой! —

„Гдѣ други? ни съ однимъ еще не повстрѣча-
лась!“

— Какой спалъ свѣтъ! — „Давно ужъ это
говоришь!“

— Всѣ кляпвы на песокъ — „услуги въ обѣ-
щанъ!“

Подъ именемъ моимъ *корысть* богошворишь.“

— А подъ моимъ: *желанье*! —

ДМИТРИЕВЪ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Прославился хозяйствомъ Титъ,
 Убытку въ домъ онъ не терпитъ никакова,
 И ѣстъ, и пьетъ, и говоритъ,
 Всегда на счетъ другаго.

*

Какой учтивецъ спалъ Дамонъ!
 Что за диковинка? теперь въ опсавкѣ онъ.
 Пушкинъ.

2.

Примѣру слѣдуя ученаго народа,
 Клеонъ спѣвши свои творенья въ свѣтъ из-
 дасть.
 Чтожъ противъ эшаго сказать?
 Пріятно въ кучку всѣхъ дѣтей своихъ собирать,
 Пріятно съ милою семьею обитать;
 Но, по несчастію, *въ семьѣ не безъ урода!*

3.

Карпъ жизнь сидячую и праздную ведетъ;
 И пользы ни себѣ, ни ближнимъ не приноситъ,
 Онъ дѣла по себѣ бѣдняжка не найдетъ
 И у друзей своихъ о томъ совѣтовъ проситъ.

Совѣтомъ услужить ему я очень радъ:
 Пускай сошьетъ себѣ изъ перьевъ онъ халатъ,
 И пускъ возьметъ подрядъ —
 Высиживать цыплятъ.

У. Ф. Х. Ц. Ч.

LI.

ЭПИТАФІЯ МИЛЛІОНЩИКУ.

Онъ умеръ! . . . нѣтъ его! . . . Вздохнемъ
 о нашей долѣ! . . .
 Сей мужъ любилъ *дележъ*. Вотъ памятникъ
 ему!
 Онъ нажилъ миллионъ; дѣлилъ по доброй волѣ:
 Себѣ бралъ золото, другимъ давалъ суму.

М.

LII.

ЛЮБЕЗНОЙ

ВЪ ДЕНЬ ЕЯ РОЖДЕНІЯ.

Въ сей день тебя Любовь на свѣтъ произвела,
 Красною свѣта бысть, владѣть людей сердцами;
 Осыпала тебя пріятностей цвѣтами;
 Сказала: *будь мила!* . . .

„Будь счастлива!“ сказать богиня не могла.

КАРАМЗИНЪ.

к Ѣ м у з Ѣ.

Сокрылися навѣкъ мои прекрасны дни,
 За ними скрылися и смѣхи и забавы,
 И пѣжныя мечпы и общанья славы;
 Ты, Муза скромная, уронъ ихъ замѣни.
 Вѣрнѣе ихъ въ своихъ щедротахъ,
 Опдай мнѣ суеты ребличесива; доставъ
 Еще мнѣ счастье зрѣть спаринны басни въ явь
 И воздыхать еще о Нимфахъ и Эрошахъ,
 Кому ты въ юности соупницей была;
 Того и въ охлажденны лѣты,
 Когда суровой умъ даешь свои совѣты,
 Ты маніемъ зовешь волшебнаго жезла
 Въ спраны роскошны и прелестны,
 Спраны одной шебъ извѣстны,
 Послушные шебъ гдѣ лющся ручейки,
 Гдѣ сладостной швоей улыбой
 Яснѣютъ небеса, гдѣ вѣютъ вѣтерки
 И вьется виноградъ съ своей лозою гибкой.
 Но гдѣ равно, когда нахмуришь бровь,
 Во основаніяхъ колеблется природа;
 И меркнешъ свѣтъ и спынешъ кровь
 И попрысаются столпы небесна свода.
 О милыя мечпы, которыхъ суета
 Имѣетъ болѣ цѣны и наслаждения,
 Чѣмъ радости скупыхъ, честолобывымъ бдѣннѣ
 И свѣта шумнаго весь блескъ и пущота,
 Любимцамъ, Муза, ты Элизій сотворишь
 И щедро сыплешь вокругъ сокровища весны!

Куда не прилетишь, тамъ счастье водворяешь,

И украшаешь всѣ страны.

Покинувъ берега Іоніи роскошной,

Отъ сѣни тайныя, гдѣ твой Горацій пѣлъ,

Ты посѣщаешь днесъ край западной, полнощной

И новый для Харитъ Темпей ужъ тамъ раз-
цвѣлъ,

Гдѣ дики племена вели кровавы споры.

Приспущна всѣмъ равно и смертнымъ и стра-
намъ,

Ты успокоила свирѣпыя раздоры

И благосклонствуешь вражденнымъ берегамъ.

Дѣлясь межъ Галліи и между Албіона,

Внушаешь Валлеру и Лафонтену ты

Неподражаемы черты,

Которымъ нѣтъ ни правилъ, ни закона.

Влагаешь чувство красоты

И въ рѣзвое души мечты

На берегахъ Авона,

И въ гордаго пѣвца,

Которой убѣжалъ изъ хижины опіца,

Отъ влажныхъ береговъ Архангельскаго града,

Чтобъ всюду слѣдовать, дщерь неба, за тобой,

И лиру соглашать съ военною трубой.

Тобою внушена безсмертна Россіида,

Тобою Душенька. Ты съ Бардомъ у Невы

Приносишь смертному даръ истиннѣ вдохновен-
ныхъ,

Иль водишь сладостно въ окрестностяхъ Мо-
сквы

За бѣдной Лизою всѣхъ, чувствомъ одаренныхъ,

И мнѣ съ младенчества ты Фею была.

Но благосклоннѣ сначала

Ты утро дней моихъ прилѣжней посѣщала.

Почпожъ печальная разпростирилась мгла
 И ясной полдень мой своей покрыла тѣнью?
 Иль лавровъ по слѣдамъ швоимъ не соберу,
 И въ пѣсняхъ не преиду къ другому поколѣнью?
 Или я весь умру?

МУРАВЬЕВЪ.

LIV.

КЪ МАШѢ.

Я не Архангелъ Гавріилъ,
 Но воспоенъ Пермесскимъ покомъ;
 Отъ Аполлона бышь пророкомъ
 Съ издѣстства право получилъ.
 И такъ внимай, новорожденна!
 Къ чему ты здѣсь опредѣленна:
 Ты будешь маминьки съ опцомъ
 Отрадой, счастьемъ, утѣшенемъ,
 Любезна пола украшеньемъ,
 И въ добронравьи образомъ;
 Ты будешь безъ красы пріятна,
 Безъ блеска острыхъ словъ умна,
 Безъ педантизма учена,
 Почтенна и безъ рода знатна,
 И безъ кокетства всѣмъ мила,
 Какою маминька была —
 Вотъ мой урокъ и похвала,
 Едва ли не въ послѣднн пѣтн!

Когда ты, Маша, раздвѣтешь,
 Вступая въ юношески лѣта;
 Быть можешь, что спихи найдешь —
 Конечно спрятанны ошибкой —
 Прочтешь ихъ съ милою улыбкой,
 И спросишь: „гдѣ же мой Поэтъ?
 Въ немъ дарованіа примѣтны.“
 Услышишь, милая, въ отвѣтъ:
 „Нещасные недолголѣтны;
 Его ужъ нѣтъ!“

LV.

КЪ ГОЛУБКАМЪ,

Вышитымъ на экранѣ у Н. Н. Г. Р. *Mme Kapojda Ko*

Traduction

Голубки нѣжны, вѣрны!
 Какъ прилично здѣсь вамъ жить!
 Вы вездѣ въ любви примѣрны;
 Здѣсь же — учишься любить.

Colombes tendres et fi

que votre aigle est bon

et l'on ne fait si vous et

les écoliers ou les ma

Усолвцы.

СЦЕНЫ ИЗЪ ДИМИТРІЯ ДОНСКАГО.

ТВЕРСКІЙ, БЕЛОЗЕРСКІЙ, СМОЛЕНСКІЙ, ДИМИТРІЙ.

Димитрій, не видѣвъ Тверскаго.

Сподвижники мои! я возвращаю вамъ;
 Что въ нощи скрывъ свой ходъ, и насъ пред-
 упреждая,
 Къ намъ вражески полки приблизились Мамая.
 Неизмѣриму снѣжь палицы ихъ огни
 Являютъ, сколь числомъ несчетны сущь они.
 Но сердце робкое число враговъ счищаетъ:
 А храбрый никогда о томъ не вопрошаетъ;
 И брата моего къ засадѣ я послалъ,
 Чѣмъ онъ Мамаевы движенья наблюдалъ.
 Тѣмъ болѣе подлежатъ намъ мѣры осторожны,
 Что части нашихъ силъ лишиться нынѣ дол-
 жны.

Тверской

Т в е р с к і й.

Онъ здѣсь еще — не повторай того,
 Что знаютъ ужь они отъ гнѣва моего.

Димитрій.

Коль знаютъ, такъ почтожъ опечества лю-
 безна
 Межъ истинныхъ сыновъ зрю сына бесполезна?

Т В Е Р С К И Й.

Ты болѣ дивись, что сонмъ Князей, познавъ
 Твой самовластный духъ и швой надмѣнный
 нравъ,
 Не отступилъ еще; что здѣсь одинъ средь
 спана
 Не остаешься ты на жертву мести Хана.

Б ѣ л о з е р с к и й.

Такъ, не отступимъ мы, когда Димитрій
 вновь
 Докажетъ намъ свою къ отечеству любовь;
 Когда явишь въ сей день намъ опытъ несо-
 мнѣнной,
 Что всѣмъ онъ жертвуетъ для сей любви свя-
 щенной.

Д и м и т р и й.

О. Бѣлозерскій Князь! что значилъ рѣчь сія?

Б ѣ л о з е р с к и й.

Что нынѣ чрезъ меня всѣ пребуютъ Князья,
 Чтобъ распрю ты съ Тверскимъ, возженную
 киченьемъ,
 Окончилъ искреннимъ и скорымъ примиреньемъ,
 И бракъ его съ Княжной былъ оному бѣ залогъ.

Д и м и т р и й.

Кто? я чтобы сей бракъ ему позволишь могъ?
 Чтобъ взоръ, иль мысль моя ко храму про-
 вожали

Плачевну Ксенію, влекомую въ печали,
 Гдѣ горестной Княжны соперникъ будетъ мой
 Всѣ слезы примѣчать, проливыя тоской;

Чтобы за каждый спонъ, за каждое вздыханье,
 Ея въ супружествѣ усугубить спраданье?
 Нѣтъ! примиренія предложеннаго съ нимъ
 Не лзя мнѣ утвердить несчастнымъ бракомъ
 симъ,

Котораго отъ васъ онъ пребудетъ для мести,
 Который допустить не должно вамъ изъ чести.
 Такъ, вѣрьте, что хотябъ я Ксеніи не зналъ,
 Въ ней счастья моего хотябъ не полагалъ,
 То честь, для храбрыхъ душъ источникъ
 чувствъ обильный,

Внушилабъ мнѣ союзъ остановить насильный;
 И къ избавленію отъ горестей и мукъ
 Изхитить Ксенію изъ ненавистныхъ рукъ.
 Для сильныхъ на земли долгъ первый, зна-
 менишой,

Невинныхъ охранять, и слабыхъ быть защишой.

С м о л е н с к і й.

Но какъ намъ Ксенію невинною признать,
 Коль чувствъ своихъ опцу не хочетъ покорять,
 И отвергаетъ бракъ, его прошився волъ?

Д и м и т р і й.

Ея родители вы въ томъ вините болъ,
 Который прошивъ чувствъ сей бракъ назна-
 чилъ могъ.

С м о л е н с к і й.

Коль онъ несправедливъ, ему судья въ томъ
 Богъ;

Но дѣламъ на опцовъ межъ нами нѣтъ рас-
 правы.

Не намъ его винить.

Д и м и т р и й.

Обидными чшу правы,
Которы дѣлаютъ пирановъ изъ опцовъ,
И вводящъ ихъ дѣшей въ ропшаніе рабовъ.

Б ѣ л о з е р с к і й.

Тѣ правы, Государь! сущъ первые въ природѣ.
Священны тамъ еще, гдѣ нравственность въ
народѣ.

Чтобы о нихъ судить, ты прежде будь опцомъ:
И святость оныхъ правъ познаешь ты попомъ
Не разсужденіемъ, холодныхъ душъ искуствомъ,
Но вѣрнымъ, истиннымъ, горячимъ сердца
чувствомъ,

Безъ чего не лзя избрять силу словъ
Опца, приведшаго во цѣлѣ шесть сыновъ,
Въ коихъ Богъ судилъ родительскому взору
Зрѣшь старости моей опраду и опору,
И въ коихъ нынѣ я въ сраженію Татаръ
Сокровище опца несу гражданамъ въ даръ.
И ты ль опечеству, о Князь неправосудной!
Опцажешь жертвовать любовью безразсудной?

Д и м и т р и й.

Не ясно ли, Князь, я вамъ ужъ объявилъ,
Что естлибъ Ксенію и спрасно не любилъ,
То чести мнѣ одной довольно было нынѣ,
Чтобы противустать грозящей ей судьбинѣ;
Чтобъ быть защитникомъ несчастна Княжны?
Какая нужда въ томъ для Русскія страны:
Получилъ ли Тверской сѣю Княжну въ супруги,
Иль сердце склонное найдетъ иной подруги,
Иль бесполезно живъ, безбрачный кончитъ векъ?

Вниманья общества достоинъ человекъ,
 Когда заслугами былъ оному полезенъ;
 Того и самый родъ отечеству любезенъ.
 Но чѣмъ любовь гражданъ соперникъ заслужилъ?
 Иль тѣмъ, что нынѣ насъ своихъ лишая силъ,
 И вамъ, отечеству, и долгу измѣняя,
 Бѣжитъ, какъ робкій вожь, отъ яроссии Мамай?

С м о л е н с к и й.

Такъ пусть Димитрійъ всѣхъ насъ робостью
 винитъ.
 Всѣ отступаемъ мы. — Но не Мамай спра-
 шивъ;
 Хотябъ Татарскихъ Ордъ съ собой привелъ и
 болъ,
 Хотя бы виписьми покрылъ широко поле,
 Безпрепешно сразясь, и въ ихъ упавъ рядахъ,
 Потомства бы хвалу привлекъ нашъ славный
 прахъ.
 Но премѣняя почто печальну нашу долю,
 Когда гошовишь ты намъ пущую неволю?

Д и м и т р и й.

Неволю! вамъ? не яль извлекъ свободы мечъ,
 Чтобъ вѣковую цѣпь неволи вамъ пресѣчь?

С м о л е н с к и й.

И самовластнымъ бышь. — Что пользы или
 нужды,
 Что ты съ отечества сорвешь оковы чужды,
 И цѣпи новы дашь? Раздоръ съ Тверскимъ
 примѣръ,
 Что власпи ты своей не полагаешь мѣръ.

Д и м и т р и й.

Причина личная сему межъ насъ раздору,
И вашему она не подлежитъ разбору.
Не приглашаю намъ судьейю никого.

С м о л е н с к и й.

Но мы оскорблены побой въ лицѣ его:
Намъ всѣмъ грозишь, къ нему являсь неправо-
суденъ.

Властолобивому шагъ первый только шруденъ;
Но безпрепятственно колъ шагъ спунилъ одинъ,
Спреминя къ цѣли онъ, и скоро властелинъ.
Иль примирись съ Тверскимъ, иль нынѣ же
съ Мамаемъ
Мы заключаемъ миръ, и съ поля отсупаемъ.

Д и м и т р и й.

Вы властны отсупишь. — Но я неколебимъ:
Чѣмъ болѣ мнѣ угрозъ, тѣмъ менѣ примиримъ.

Б ѣ л о з е р с к и й.

Когда нашъ общій гласъ безсиленъ надъ побой,
То, сжаляся, Государь, хощь надъ своей судьбою!
Намъ къ миру путь открышь. — Пославъ
къ Мамаю дань,

Умолимъ гибвѣ его, отклонимъ грозну брань,
И въ дома отчески мы съ миромъ возвратимся.
Но что предпримешь ты, колъ нынѣ удалимся?
Ордынцамъ можешь ли одинъ противустать,
Иль мира для себя отъ Хана ожидаешь?
Мамай душой свирѣпъ, къ тебѣ неумолимый,
Не возвѣспилъ ли намъ, что врагъ неприми-
римый

Димитрію онъ сталъ; что гнѣвъ окончитъ
свой

Надъ павшею твоей ничливою главою!

Въ сраженіи смерть найдешь, и въ бѣгствѣ
гибель равну. . . .

Д и м и т р і й.

Въ сраженіи смерть найду, но смерть завид-
ну, славу,

И предпочтительну той жизни, кою спыдѣ
Побѣга вашего по гробу обременитъ.

Идите! васъ отъ клятвъ и нынѣ разрѣшаю,
Сложите вѣрность мнѣ, покорствуйте Мамаю,
Влачите на себѣ неволю и позоръ.

Но, вѣрные рабы, свершите приговоръ,
Сего властителя надъ мною избрченной.

Купите миръ главою, имъ къ смерти осуж-
денной.

Сей даръ ему отъ васъ достойно удружитъ.

Тверской! твоей рукѣ сей даръ принадлежитъ!

Сорви мою главу, коль смѣлости довольно,

И сердце твое свое увеселивъ крамольно,

Слѣщи къ Мамаю съ ней, и данью похвались!

Иль лучше съ оною предъ Ксенію явись!

Заставь ее надъ сей главою окровавленной

Произнесши объѣтъ любви принужденной.

Но знай, и здѣсь тебѣ предъ всѣми я клянусь,

Что искры жизненной доколѣ не лишусь,

Доколѣ главу ношу, ты Ксенію дополѣ

Не поведешь, Тверской, ко храму по неволѣ.

Т в е р с к і й.

Димитрій! долго здѣсь терпѣніе храня,
Слова твои сносилъ обидны для меня.

Съ намѣреніемъ молчалъ, и время далъ свободно
 Въ рѣчахъ своихъ излишъ шебъ киченье сродно.
 Всю мѣру пы моей надежды совершилъ,
 И сердца гордостью судьбу свою рѣшилъ.
 Доволенъ; не хочу здѣсь оставаться долъ;
 Терпѣнье, можетъ быть, въ моей не будетъ волъ.
 Иду отсель. — Но вѣрь, что безъ руки моей
 Паденье скорое найдешь главъ своей.
 Мечемъ Ташаръ мой изгладится обида;
 И блѣдная глава безмолвна, и безъ вида,
 Вонзена на копье, къ смиренію сердецъ,
 Покажетъ гордости погибель и конецъ.

уходитъ.

С м о л е н с к і й.

Почтожъ и намъ, друзья, здѣсь долъ оста-
 ваться?

Склонишь Димитрія не щетно ли стараешься?
 Его гордынею отвергнушь нашъ совѣтъ;
 Стремится въ пропасть онъ: пустьъ въ оную
 падешь!

Отъ участи его мы отдѣлимся нынѣ,
 И покоримъ главы Мамаю и судьбинѣ.

Уходитъ, за нимъ всѣ Князья слѣдуютъ.

Ксѣнія, Избрана, Бояринъ Московской
 съ нѣсколькими воинами.

К с е н і я.

Бояринъ доблестный! скажи, ужель приходитъ
 Конечно гибель намъ? неисповый Мамай
 Порабощаетъ ли несчастный Русской край?

Б О Я Р И Н Ъ.

Спокойся, о Княжна! побѣда совершенна:
Разбитый Ханъ бѣжитъ, Россія свободенна,

К С Е Н И Я.

О милосердый Богъ! Ты нашъ услышалъ гласъ,
Не до конца еще прогнѣвался на насъ,
И Русскихъ освѣнилъ Ты силою Своею!
Ахъ! въ полной радости надѣялся я смѣю,
Что ты Димитрія въ бою спасши возмогъ;
Чтобъ видѣлъ взоръ его, Ордынцовъ сѣрпый
рогъ,
И возходящее отечество изъ пѣна.

Къ Боярину.

Но расскажи ты мнѣ, какая перемена
Къ спасенію Россіянъ послѣдовать могла?

Б О Я Р И Н Ъ.

Рука Всевышняго отечество спасла.
Кто сильный устоитъ противу сей десницы?
Она съ торжественной срываетъ колесницы
Кичливаго душей, среди самихъ побѣдъ;
И гордый какъ скала кремнистая падетъ.
Подобно замыслы обрушились Мамая.
Полки Россійскіе, опмщеніемъ старая,
Спѣшили къ тѣмъ мѣстамъ, стояли гдѣ враги.
Едва завидя ихъ, удвоили шаги;
Но вскорѣ туча стѣлѣ, какъ градъ средь
лѣшня зноя,
Спустилась съ свистомъ къ намъ предше-
ственницей боя.
Безмолвно войны межъ тѣмъ идушъ впередъ:

Шаговъ лишь только шумъ гулъ въ полѣ оп-
даешъ.

Ряды сомкнувъ, и щипъ о щипъ сомкнувши
ближней,

Являли рашники видъ крѣпости подвижной.

Идемъ, и съ нами вругъ Ордынцовъ рать
сошлась,

Раздался воевъ крикъ, и сѣча началась.

Незапно сомъ бойцовъ Татарскихъ показался,

Предъ исполинами войскъ нашихъ духъ смѣ-
шался.

Какъ вихри бурные, рожденные среди горъ,

Чрезъ степь пространную летящъ въ дрему-
чій боръ,

И слабыя древа порывами ломающъ,

И сосны твердыя въ верхъ корнемъ изпор-
тающъ;

Тако два богатыря: Темиръ и Челубей

Спремясь къ намъ въ полки чрезъ тысячи
мечей.

Предъ ними страхъ бѣжитъ, и съ ними смерть
летаетъ,

И мертвая гряда ихъ бѣга слѣдъ являетъ.

Ужъ множество Бояръ и сильныхъ Воеводъ,

И доблестныхъ Князей, какъ рушенный оплотъ,

Въ крови на гудахъ тѣлъ разбѣянныхъ лежало.

Отъ сихъ богатырей все съ трепетомъ бѣжало.

И Бѣлозерскій Князь, чтобъ войско удержатьъ,

Вошше отважности примѣръ хотѣлъ подать.

Всѣ шесть его сыновъ въ глазахъ его сраженны:

Всѣ шесть смертей душъ опцовской нанесены.

Но твердъ, изъ глазъ нѣтъ слезъ, изъ устъ
неслышанъ стонъ,

Онѣ хочѣшѣ вмѣстѣ пастѣ, и палѣ на вѣрнѣ
 онѣ,
 Коль не явились бы два воина Россійскихѣ,
 Чшобѣ грозну смерть извѣ рукѣ изхитили бѣ-
 гашырскихѣ.
 Одинѣ извѣ нихѣ чернецѣ, извѣстный Пере-
 свѣтѣ,
 Который вѣ мирны дни оставивѣ шумный
 свѣтѣ,
 Вѣ обители скрывалѣ Боярства санѣ высокой;
 Но гласѣ отечества извѣ тишины глубокой
 Его призвалѣ на бранѣ со славой прежнихѣ дѣлѣ.
 Широку, могущѣ плечми, душою бодрѣ и смѣлѣ,
 Темира вызвалѣ онѣ, съ Темиромѣ онѣ сразилсѣ,
 И шакѣ какѣ глыба съ горѣ съ нимѣ вмѣстѣ
 мершѣ свалилсѣ.
 Но между тѣмѣ вблизи идеѣ ужасный бой,
 Огромный Челубей, и воинѣ потѣ другой,
 Который прибылѣ къ намѣ, какѣ помощію
 небесной,
 Влекущѣ вниманіе всѣхѣ ихѣ бипвою чудесной.

К с е н і я.

Но кто сей воинѣ былѣ? и какѣ до дня сего
 Молчалѣ народный гласѣ о доблести его?

Б о я р и н ѣ.

Незнаемѣ онѣ ни кѣмѣ. Опушено забрало
 Черты его лица отѣ взоровѣ сокрывало.
 Безѣ украшеній шлемѣ, обыкновенный щитѣ
 Простѣ воина на немѣ являли видѣ;
 Повязка на рукѣ лишь только оплечала;
 Но послушѣ родѣ его высокій обличала.
 Искусству воина дививсѣ Челубей,

И въ первый разъ призналъ онъ страхъ въ
душѣ своей.

Россійскаго меча удары сильны, быстры,
Гдѣ язвы не несутъ, тамъ сыплютъ съ бро-
ни искры.

Ордынца же рука, поднявшись шлемъ разсѣчь,
Вспрѣчаетъ швердый щипъ, или проворный
мечъ.

Въ безмѣрной ярости, какъ звѣрь остервенѣлый,
Татаринъ наконецъ бросаетъ щипъ тяжелый;
И отступивъ назадъ, и въ двѣ руки прижавъ
Булашный длинный мечъ, мечтаетъ, чпо на-
павъ

Съ разбѣга скорого, безъ хитрости воинской,
Онъ раздвоитъ врага подъ силой исполинской.
Спрямился къ воину: сей зрѣтъ грозу, и ждетъ;
Ударъ уже надъ нимъ, ужъ на главу падетъ,
Но воинъ отступилъ, мечъ въ воздухъ ударяетъ,
И тягостью своей Ордынецъ упадетъ:

Тутъ смертію къ землѣ на вѣки онъ приникъ.
Съ его паденіемъ поднялся въ полъ крикъ.

Мамай издалека смертъ видѣлъ Челубея;
И изумившись ей, и страхомъ цѣпенѣя,
Не вѣдалъ что начать; въ боязни умъ исчезъ.
Тѣмъ временемъ съ полкомъ покинувъ ближ-
ній лѣсъ,

Вдругъ братъ Димитрій въ Татаръ ударилъ
съ пыла.

Тогда Ордынцовъ рать побѣгомъ сѣнь покрыва.

Мамай и вилызи, оружье побросавъ,
Отъ нашей руки бѣгутъ, спѣшашъ стремглавъ,

Имъ сѣнь широкая какъ тѣсная дорога:

И Русской въ полъ шалъ, хвала и слава Бога.

К с е н і я.

Но о Димитріѣ ты мнѣ не говоришь!
О страхѣ! несчастіель отъ Ксеніи шаишь?

Б о я р и н ъ.

Объ участи его никто еще не знаетъ:
Сте невѣденье все войско сокрушаетъ.
Ни онѣ не сыщется, ни воинѣ храбрый потѣ,
Кѣмъ пораженъ Ташарѣ надежнѣйшій оплотъ.
Въ долину сей Князя назначили собратъся
Близъ поля ратнаго, чтобъ вмѣстѣ совѣщаться,
Какъ имъ Димитрій и воина найсти.
Надѣясь видѣть ихъ, спѣшилъ сюда придти...

К с е н і я.

Увы! чего намъ ждаль отъ хладныхъ ихъ
спараній!
Но мнѣ сомнѣнія нельзя сносить спраданій.
Чтобъ время не терять, Бояринѣ, въ спѣхъ
пойдемъ:

Московскихъ воиновъ и Низовыхъ сберемъ;
Пуцай бѣгушъ они, разсѣются повсюды,
Чтобъ мертвыхъ ни одной не пропускали груды,
Гдѣ бы усердный взоръ ихъ Вождя не искалъ.
Бышь можешь, раненный средь мертвыхъ онѣ
упалъ,

И нужной помощи къ спасенію ожидаетъ;

Къ Избранъ.

Бышь можешь, что меня онѣ мыслью призы-
ваетъ.

Ксенія уходитъ и всѣ за нею слѣдуютъ.

LVII.

ЭКСПРОМТЪ.

Сдѣлано по приказанію одной дѣвицы.

Четыре мнѣ стиха ты сдѣлать приказала;
Чтожъ, милая, могу я въ скорости сказать?
Скажу ли, что себя всякъ долженъ обожать?
Давно и безъ меня сама ты это знала.

К. Гр. Хованскій.

LVIII.

ЩАСТЛИВЕЦЪ.

Слышишь! мчится колесница
Тамъ по звонкой мостовой;
Правиль сильная десница
Коней серебряной браздой . . .

Ихъ копыта бьютъ о камень!
Искры сыплются струей! . .
Пышетъ дымъ, и черной пламень
Излепаетъ изъ ноздрей! . . .

Рѣзьбой дивною и златомъ
Колесница вся горитъ:

На ковръ ея богатомъ
Кшожь, Лизета, кшо сидитъ? —

Тимошей, вельможъ любимецъ,
Что на откупъ городъ взялъ . . .
(Ахъ! давно ли онъ у крылецъ
Пыль смиренно обметалъ?) —

Вотъ онъ съ нами повстрѣчался
И едва кивнулъ главою;
Вотъ ужъ молніей промчался,
Пыль оставя за собой:

Доброй путь — пока лелѣтъ
Въ колыбели щастѣ васъ! —
Поздно, раноль — но приспѣтъ
И невзгоды спрашной часъ!

Ахъ, Лизета! лъзяль прельщанься
И теперь его судьбой?
Не ему щаспливымъ званься
Съ развращенною душой!

Тамъ гдѣ мраморъ изъ Пароса,
Изъ Каристы на стѣнахъ;
Тамъ гдѣ въ роскоши Пафоса,
На узорчатыхъ коврахъ

Щастья шаткаго любимецъ
Съ Нимфами забвенью пьеть;
Тамъ же слезы сей щаспливецъ
Отъ людей украдкой лѣтъ.

Сердцемъ спитъ, и нѣмъ душою,
Трапизъ жизнь на суесть;
Днемъ не вѣдаетъ покою,
Ночью — спрашныя мечты!

Блѣденъ ночью Крезъ щастливый,
Шепчетъ тихо, чѣмъ жеца
Не видалъ сей гласъ ужасный:
Мнѣ погибель суждена! —

Сердце наше кладязь мрачной:
Тихъ, спокоенъ сверху видъ;
Но спушись ко дну — ужасной
Крокодилъ на немъ лежитъ! —

Б А Т Ю Ш К О В Ъ.

LIX.

П Р И З Ы В А Н І Е К А Л Л І О П Ы

НА БЕРЕГА НЕПРЯДВЫ (*).

Пѣсней сладостныхъ царица,
Мать восторга, Калліоп! —
Изъ небеснаго чершого
Преклонись къ моленью сына!
Онъ, тобою вдохновенный,
Принялъ лиру златоспрунну;

(*) Рѣка, извѣстная по той побѣдѣ, которую Димитрій Донской одержалъ на берегахъ ея надъ Мамаемъ.

Онъ себя передъ престоломъ
 Добродѣтели небесной —
 Принялъ съ тѣмъ, чтобы въ восторгъ
 Пѣсть небесну добродѣтель —
 Ты сама его учила
 Прославлять свящую правду,
 Велѣнье природы,
 И въ природѣ чшима Бога.
 Слухъ ко мнѣ склони, Богиня!
 Иль пошли свою мнѣ лиру
 На крылахъ послушныхъ вѣтровъ;
 Иль сама ко мнѣ явися,
 На брега сойди Непрядвы!
 Здѣсь цвѣты благоухаютъ;
 Здѣсь желшбешъ всюду жашва;
 Здѣсь смѣется лугъ зеленый!
 Ждешъ тебя сама Діана;
 Уклонясь подъ сѣнь дубравы,
 Въ громъ сладостной прохлады,
 На одрѣ роскошной нѣги
 Въ полдень жаркой опдыхаетъ
 Звѣроловная Богиня;
 Тщешно ждешъ пріятныхъ пѣсней;
 Нимфы здѣшнія безмолвны
 Ищутъ Фавновъ по дубравамъ! —
 Кто прекрасную утѣшилъ?
 Сиди, сиди Калліона!
 Ждутъ тебя Помона, Флора,
 Ореады, Нереиды,
 Дщери рѣзвыя, младыя
 Тихоплещущаго Дона;
 Ждутъ тебя приди, Богиня!
 Храмъ оставь пшвой злаповерхій,
 И явленіемъ благодѣшнымъ

Благовонный садъ Придонскій
 Обращи въ сады Парнасса!
 Наученъ побой — съ побою,
 На швоей волшебной лирѣ
 Буду пѣть поля и рощи,
 Славить прелести Природы;
 Иль подъ сумракомъ вечернимъ,
 Пробужденный къ восхищенью
 Шумомъ легкаго Зефира,
 Воспаленъ дѣлами славныхъ,
 Воспою . . . и бранны тѣни
 Нашихъ прадедовъ - героевъ
 Въ свѣтломъ мѣсяца блистаньи
 Тихо спустятся къ Непрядвѣ;
 Зазвѣнятъ мечи, и стрѣлы
 Засвистятъ подъ облаками,
 Вздогнутъ гробы побѣжденныхъ,
 И Димитрій въ сонмѣ бранныхъ
 Съ тучи взглянетъ на Непрядву;
 „Здѣсь — речетъ — я мстилъ за Россю;
 „Здѣсь низринулъ въ адъ Мамай!“
 Россы, гласъ его услышавъ,
 Вновь о памяти Героя,
 Вновь душой возвеселишся! . . .
 Такъ я буду пѣть, Богиня,
 Отъ любви склоняясь къ брани,
 И отъ брани къ мирнымъ сѣнямъ
 Сельской жизни благодатной.
 Нимфы пѣснь мою услышатъ,
 И проникнувъ къ тихой урнѣ,
 Донѣ, вѣчаный осокою,
 Легкимъ струй своихъ плесканьемъ
 Будетъ впорить звукамъ лиры.
 И тогда, когда въ шуманъ

Тѣнь моя носилъся будетъ
 Надъ моимъ безмолвнымъ гробомъ,
 И тогда моя здѣсь память
 Громозвучнымъ водопадомъ,
 Пошрясающимъ ушесы,
 Для попомства сохранился;
 И тогда къ громамъ Героевъ
 Пріобывшее здѣсь эхо
 Не забудетъ древнихъ пѣсней
 Ихъ воспѣваго Поэта!
 А теперь моя награда —
 Поцѣлуй моей Надины,
 И пѣнокъ, ея руками
 Для меня вчера сплеченный!

Мерзляковъ.

LX.

ЭПИГРАММА.

Глупцову вздумалось женишься:
 Онъ вѣкъ свой былъ осломъ;
 Вдругъ мысль пришла перемѣниться,
 И сдѣлаться козломъ.

Пушкинъ.

LXI.

ЭПИТАФИЯ.

Сей мужъ лѣтъ сорока оставилъ бранный
 свѣтъ;
 Ни ближнимъ, ни роднымъ потери важной
 нѣтъ.
 Онь жизни позвала его во адъ чахотка;
 Ни раю убыли, ни аду не находка.
 С.

LXII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЧУДАКОВЪ.

Высонось (съ двумя кортиками подъ полою,
 бумагой толсто обложенъ и каф-
 танъ весь застегнутъ) и Пролазъ.

ВЫСОНОСЬ. (самъ съ собой едали)

Я такъ сердитъ, что свѣтъ мнѣ кажется
 какъ ночь.

Надѣясь на то, что глупой эпомъ спруситъ,
 Намъренъ и его на поединокъ звать —
 Ну, ежели его чортъ храбрости укуситъ;
 И если вмѣсто онъ того, чтобы дрожать,
 Пріободрившись не вздумаетъ бѣжать? — —

Пропалъ я — но тому бытъ кажется не можно.
Слыхалъ я, философъ не любитъ умирашь.
При томъ же поступилъ я очень осторожно:
Бумаги десь на грудь взложилъ я вмѣсто лашъ.

П р о л а з ь (издали).

За чѣмъ ты здѣсь одинъ, любезный другъ и
братъ?

В ы с о н о с ь (самъ себѣ).

Одинъ? любезный другъ и братъ! — о! онъ
робѣетъ!

(къ Пролазу гордо и смѣло)

Коль чести правила бездѣльникъ разумѣетъ —

П р о л а з ь (также гордо и смѣло).

Ну шпюнь?

В ы с о н о с ь (струся).

Ну, только (самъ себѣ) чортъ его пу-
скай возмѣетъ!

Онъ сморщитъ, будто бы меня совсѣмъ со-
жретъ.

П р о л а з ь (самъ себѣ).

Его мнѣ блѣдный видъ добра не предвѣщаетъ:
Онъ, кажется, меня какъ рѣпку искушаетъ.

В ы с о н о с ь (самъ себѣ).

Ну милой Высоносъ! прѣободришь дружокъ!
Онъ храбрымъ кажется, бытъ можетъ, толь-
ко съ рожи.

(Пролазу)

Ты знаешь ли, на что твои дѣла похожи?

Пр о л а з ь.

На что?

В ы с о н о с ь.

На то, за что сажаютъ васъ въ острогъ.

Пр о л а з ь. (*самъ себѣ*)

Отъ ужаса ни рукъ не чувствую, ни ногъ;
Однако должно скрыть мнѣ робость ради чести.

В ы с о н о с ь.

(*самъ себѣ*) (Пр о л а з у)

Изрядно, онъ дрожишь! — Чтожъ ты не го-
воришь?

Не видя ничего, ужъ ты какъ листъ дрожишь.

Пр о л а з ь.

Не горячися такъ; сказать тебѣ безъ лести,
Отъ сердца я дрожу, (*отступая далѣ*) и бойся
ты меня!

В ы с о н о с ь (*также отступая далѣ*).

Бояшься мнѣ? тебя—тебя? такого пня?

Ты долженъ отвѣчать за смертную обиду,
Котора сдѣлана и барину и мнѣ.

Хоть пресни, но ошель дошолъ я не выду,
Доколъ кортикомъ не прильплю къ стѣнѣ.

(*вынимаетъ кортикъ*)

Пр о л а з ь.

Разбойникъ ты! вѣшь я, ты видишь, безоруженъ!

В ы с о н о с ь.

Ты судишь по себѣ равно и обо мнѣ:

О чести знать тебя я болѣ досуженъ.

Для защищенія тебѣ коль кортикъ нуженъ,
Возьми, вотъ онъ (*бросаетъ Пролозу одинъ кор-*
тикъ издали), и знай, я честный человекъ.

Пролозь (*поднимая кортикъ*).

Увидишь, я каковъ; швой кортикъ поднимаю;
Но какъ я философъ, то вѣдай, что во вѣкъ
Я первый брани, дракъ ни съ кѣмъ не начинаю.
Ты наспунай (*отходитъ подалѣ*).

Высоносъ.

Нѣтъ ты (*отступаетъ подалѣ*).

Пролозь.

Вѣтъ ты обиженъ былъ.

Высоносъ.

Ты правду говоришь, я это позабылъ.
Давай! (*не вынимая кортиковъ изъ ноженъ, оба*
машутъ издали), постой, еще мы не уговорились,
Колошьялъ должно намъ, иль рублю произ-
весъ.

Пролозь.

Что до меня, мой рубишься любилъ честь.

Высоносъ.

Моя колошь.

Пролозь.

Такъ мы еще не согласились?

Высоносъ.

Не соглашуся я рубишься никогда.

Пролозь.

А я колошь — и такъ дуэль не состоялся.

В ы с о н о с ь.

Хоть прусомъ починалъ тебя я всегда;
Не думалъ, чтобъ Пролазъ колосья отказался.

П р о л а з ь.

Кто колеть, развѣ тоиѣ считаеся храбрѣй?

В ы с о н о с ь.

Конечно.

П р о л а з ь.

Ииѣ изволь, и спань же въ позипуру.
Увидишь, прокою какъ я швою фигуру!
Да отъ чего, скажи, ты кажешься толстѣй?
За часъ ты тоиѣ былъ.

В ы с о н о с ь.

Трусъ только лишь худѣетъ,
А храбрый человекъ часъ отъ часу толстѣетъ.

П р о л а з ь.

Да что - та храбросиѣ вся заспегнула швою?
(разстегивая нѣсколько камзолъ и показывая
грудь)

А предъ побою, на! открыта вся моя.

В ы с о н о с ь.

Коль хочешь, ты себѣ пожалуй заспегнися.

П р о л а з ь.

Послушай! — человекъ ты честной, говоришь?

В ы с о н о с ь.

И очень.

П р о л а з ь.

Если такъ, ощущаешь такъ велишь
Ты прежде честь швою.

В ы с о н о с ь.

Нѣтъ, нѣтъ, ты тѣмъ не льстися,
Она и безъ того, дружокъ! видна какъ стекло.

П р о л а з ь.

Однакожъ твоей кафтанъ не такъ вѣшь какъ
стекло.

Не видно, подъ него какую вещь заправилъ.
Знашь надо, изъ чего ты честь твою составилъ,
Котору грубо такъ ты скрылъ подъ твоей
кафтанъ.

Честъ оплопырилась твоя, мнѣ очень видно.

В ы с о н о с ь.

Такъ думаешь обо мнѣ или тебѣ не стыдно?

П р о л а з ь.

Послушай: я, узнавъ преподлый твой обманъ,
Когда начну колоть, то мѣшину въ рожу спану.
Изрѣжу, проколю твое лицо насквозь,

В ы с о н о с ь (вѣ сторону).

Бездѣльникъ сдѣлаетъ мою красу хоть брошь.

(Прөлазу)

Увѣришь чѣмъ тебя, что нѣтъ во мнѣ обману?
Божишься ль?

П р о л а з ь.

Не божись, а лучше договоръ
Мы сдѣлаемъ съ тобой, чтобы окончили споръ;
Положимъ кортики мы прежде на полъ оба,
Чтобы съ оружіемъ оспалась наша злоба;
Попомъ по дружески сошедшись, разберемъ;
И если честъ твоя шолоха не отъ обмана,
Опять, коль хочешь ты, мы кортики возьмемъ.

В ы с о н о с ь.

Изволь, (кладѣтъ кортикѣ) кладу тебѣ толь
спрашнаго пирана.

П р о л а з ь (положа кортикѣ).

И я; (шагнувъ одинѣ разѣ) вотѣ я уже шагнулъ.

В ы с о н о с ь (также шагаетѣ).

И я спутилѣ.

(Оба вмѣстѣ сходятся).

Разѣ, два, три.

В ы с о н о с ь (останавливаясь).

Лишній шагѣ ты, плутиѣ, съ меня слупилѣ.

П р о л а з ь.

Изволь, я разѣ еще спуплю въ твою угоду.

(Скоростипжно прибѣгаетѣ къ Высоносу, раз-
стегиваетѣ его, и множество дестей
бумаги сыллется).

Бездѣльникѣ! храбрость вся разсыпалась твоя.
Мощенникѣ! (даѣтъ оплеуху Высоносу).

В ы с о н о с ь (давѣ оплеуху Пролазу).

Не спущу такому я уроду.

П р о л а з ь. (бѣжитѣ къ кортику).

Кѣ ружью! кѣ ружью!

В ы с о н о с ь (также бѣжитѣ къ
своему кортику).

Кѣ ружью! взбѣшонѣ теперѣ-то я!

П р о л а з ь.

Кровопротитѣ у насъ поидетъ ужасно:
 Кшо такъ сердитъ какъ я, чшо можетъ бытъ
 опасно?

(Высоносу)

Бездѣльникъ! будь готовъ себя оборонять.
 (издали вылаетъ, отступаетъ).

В ы с о н о с ь.

Прощайся съ свѣтомъ! (также издали вылаетъ,
 отступаетъ).

П р о л а з ь (въ сторону).

Насъ никто нейдетъ разнять.

В ы с о н о с ь (въ сторону).

Какъ люди нонѣче немилосерды спали,
 Мы кровь лѣмъ, а къ намъ не выглянетъ
 никто.

Я спану-ка шумѣть, авось поможетъ шо.

(Оба вмѣстѣ другъ на друга издали выпадая)

Ге! ге! ге!

П р о л а з ь.

Никого! какъ будто всѣ пропали.
 Вотъ люди каковы: пожалуй ты умри,
 Никто изъ нихъ тебѣ не скажетъ добра слова.

В ы с о н о с ь.

Пролазъ! по-совѣсти, чшо ты ни говори,
 А чшобы умереть, въ помъ много есть пустоша.

П р о л а з ь.

Ты правду говоришь — чшо жъ намъ начать ли
снова

Тотъ бой , который мы такъ храбро провели?
Противу чести мы не сдѣлали проружи.

В ы с о н о с ь.

Довольно , кажется , мы крови пролили ;
И помнится у насъ по полной оплеухи.

П р о л а з ь.

Мы равной храбрости и одинакихъ силъ,
И еслибъ, Высоносъ , день цѣлый мы дралися,
Изъ насъ нишобъ одинъ другова не убилъ.

В ы с о н о с ь.

А какъ у насъ теперь и раны завелися,
То мы скорѣ ихъ пойдѣмъ перевязать.

П р о л а з ь.

Не лучше ль въ домъ намъ пишейномъ побывать?
Отъ храбрости всегда ужасна жажда мучитъ.

В ы с о н о с ь.

То правда : у меня отъ ней и брюхо пучитъ.
Привычка храбрецовъ пріятна очень мнѣ,
Подравшись , упоишь свою вражду въ винѣ.

Р О Г Н Е Д А

на могилъ Ярополковой.

Перестаньте вѣтры бурные,
 Перестаньте бушевать въ поляхъ;
 Тучи грозныя, багровыя,
 Перестаньте крышь лазурь неbesъ!
 Мѣсяцъ блѣдный, другъ задумчивый
 Душъ, томящихся печалю,
 Осребри, лучемъ прѣпещущимъ
 Холмы, дремлющи во тмѣ ночной;
 Освѣти пропу проложенну
 Не стопами путешественныхъ,
 Не походомъ храбра воинства,
 Не копытами коней его;
 Освѣти пропу проложенну
 Дѣвой страстной, злополучною,
 Не ко граду, не ко шерему,
 Но къ могилѣ, къ гробу мрачному.

Наступилъ уже полночный часъ —
 Утихающъ вѣтры бурные;
 Мѣсяцъ ясный, какъ серебрянъ щитъ
 Друга милого души моей,
 На лазури спалъ, и сомкнулся
 Въ зыбки волны тиха озера.
 Лучъ ударилъ въ берегъ каменный;
 Преломился, и рассыпавшись
 По долинѣ и крупымъ холмамъ,

Освѣтилъ пропу любимую.
 Сердце скорбное! пойдемъ скорѣй
 Ко холму, куда сокрылись
 Ясны дни твои и радости,
 Всѣ надежды, всѣ желанія.

Вотъ тѣ холмы величавые,
 Прахи храбрыхъ опочѣютъ гдѣ;
 Вотъ и намни тѣ безмолвные,
 Мхомъ сѣдымъ вокругъ поросшіе.
 Вижу сосны тѣ печальныя,
 Что склоняютъ вѣтви мрачныя
 Надъ могилой друга милаго;
 Черны тѣни ихъ, угрюмыя,
 Разоспались въ душѣ моей.
 Вотъ цвѣты полупоблекшіе;
 Ихъ въ слезахъ вчера разсыпала
 Одинокая на всей землѣ.

О любезный другъ души моей,
 Изъ пригожихъ всѣхъ прелеснѣйшій,
 Гласъ чей слаще соловьиного,
 Въ рощахъ онъ когда любовь поетъ;
 Разговоръ былъ чей пріятнѣе
 Звуковъ арфы златоспрунныя;
 Чей въ бояхъ мечъ будно молніи
 Бѣлый огонь струитъ по ребрамъ горъ,
 Разсѣкая таищы враговъ,
 Сыпалъ искры тѣ вокругъ себя!

Сколько сильныхъ ошъ руки твоей
 Пало ницѣ! — И споны скорбныя,
 Споны шомные, послѣдніе,
 Донеслись въ ихъ дома вѣтрами;

Раздалися въ сердцѣ матери,
 Или въ сердцѣ дѣвы пѣжныя!
 О любезный другъ души моей!
 Я узнала по самой себѣ,
 Какъ ужасна роковая вѣсть,
 Что осудилъ жить одной душой!
 Ахъ! я знаю, каково вздохнувъ,
 Не слыхашъ, чѣмъ повторилъ кто вздохъ!
 Но къ свершенью муки люпыя,
 Предъ глазами поминушно зрѣшь
 Бѣдъ виновника безжалостна,
 Люта брата Ярополкова! . . .
 Ахъ! рукою онъ кровавою
 Жметъ Рогнеды руку хладную!
 Смолкнушъ сердца шумъ бѣенія,
 И душа, полна отчаянья,
 Вырывается изъ шѣла вонъ.
 Онъ вдову швою, печальную,
 Въ брачный храмъ зовешъ съ собой. . . .
 Нѣтъ, убійца друга милаго!
 Не клади змѣю на одрѣ къ себѣ;
 Ядъ волю въ уста злодѣйскія,
 И мученія неслыханны
 Принесу тебѣ въ приданое
 Ахъ, другъ милый сердца спростнаго!
 Сколько слезъ горячихъ пролило! . . .

Лишь придущъ на думу торькую
 Спознаванья, рѣчи сладостны,
 Кляшвы вѣкъ хранишь любовь въ душѣ,
 И зланыя дни пропекше;
 Духъ взыграетъ, сердце пламенно
 Оживишъ жизнью новою.
 Но, ахъ! крашки тѣ мгновенія;

Вмигъ представится прощаніе,
 Какъ сбирался ты въ кроваву брань.
 Вижу друга я въ стальной бронѣ,
 И чело высоко, гордое,
 Тяжкимъ шлемомъ осѣненное;
 Щипъ серебрянъ со насѣчкою,
 Въ немъ играетъ лучъ полуденный;
 Острый мечъ звучитъ въ златыхъ ножахъ,
 А ужасное копье пвое
 Спрахъ родишь въ сердцахъ безтрепетныхъ;
 Смертью лукъ самой напичканный;
 За плечами колчанъ каленыхъ стрѣлъ.
 Какъ межъ прочихъ дровъ высокій дубъ,
 Такъ межъ храбрыхъ отличался ты
 Величавой сановитостью;
 Какъ между цвѣтовъ въ моемъ саду
 Всѣхъ фяла заунывѣ,
 Такъ между подругъ печальныхъ я
 Всѣхъ грустиѣ, всѣхъ несчастіѣ.

Нѣтъ часа мнѣ въ долгой лѣтній день,
 Нѣтъ минуны въ длинну зимнюю ночь,
 Чтобы сердце страшно, скорбное,
 Чтобы душа осиротѣвшая,
 Опохнувши отъ поски своей;
 Чтобы успа мои поблекши
 Ожилиси улыбкою.
 Рѣчь разумная опцовская,
 И бесѣда милой матери,
 Мнѣ невнятные; я отвѣщаю
 Ихъ ласканьямъ только стонами. . . .
 Заштаторилось сердце грустное
 Ко упрекамъ тихимъ родственнымъ,
 Къ утѣшеньямъ дружбы сладкой.

Часть V.

Л

Слезы матери какъ градъ текутъ
 На засохшу грудь дочернюю.
 Слезы милыя, безцѣнныя!
 Не согрѣшь вамъ груди хладныя,
 Въ ней тоска, какъ будто лютой мразь,
 Зазнобила чувствуя, радости.
 Сердце пламенно, бывшее
 Цѣленье ласканьемъ друга милаго,
 Жизнь единымъ съ нимъ дыханьемъ,
 Все изсохло, и препенешъ лишь
 При названьи имя сладкаго,
 Друга милаго погибшаго! . . .

Здѣсь съ могилою безмолвною,
 Съ безотвѣтнымъ бѣлымъ камнемъ симъ,
 Какъ съ друзьями я бесѣдную;
 Вспрошаю — но отвѣта нѣтъ.
 Ахъ! отвѣщивайте, друзья мои,
 Долголь, долголь мнѣ скипаніся
 Въ бѣломъ свѣтѣ, какъ среди пустынь?
 Долголь лишся горячимъ слезамъ
 На сыпучіе желтыя пески?
 Скорѣй смертью рукой холодною
 Разорвешъ дней цѣпь тяжелую,
 И душою съ нареченнымъ мнѣ
 Обвѣнчаетъ въ хладномъ гробѣ насъ?
 Ахъ! отвѣщивайте, отвѣщивайте! . . .
 Вы молчите . . . все безмолвствуетъ;
 Лишь тоска, какъ птица вѣщая,
 Въ сердцѣ крикнула, сказала мнѣ,
 Что „заря попухла упренія,
 „Пали росы на зеленый лѣсъ:
 „Да падешъ слеза послѣдняя
 „На могилу, скрывшу радости;

„Да прерву бесѣду сладкую
 „Со друзьями безошѣшными!“
 До полуночи, друзья мои,
 До свиданья сердцу милаго.
 Ахъ! когда бы солнце красное,
 Холмъ пеперь сей освѣшивъ лучемъ,
 Освѣпилобы мой гробъ на немъ!

ИВАНОВЪ.

LXIV.

ДУШЕНЬКА.

ОТРЫВОКЪ.

О Душенька моя!

Тебя ужъ больше нѣтъ, и я одинъ остался;
 На вѣки, Душенька, съ тобою я распался;
 Тобой покинулъ я,
 Покинулъ къ горести, къ опчаянью и мукѣ!
 Лишь только мысль придетъ о гибельной раз-
 лукѣ,

Въ глазахъ померкнетъ свѣтъ,
 Спѣснится грудь моя, и обольюсь слезами;
 Твержу рыдаючи, что Душеньки ужъ нѣтъ!
 Зову тебя къ себѣ я всѣми именами,
 Что нѣжность и любовь могли избрѣсти;
 Но вспомнивъ, что тебѣ навѣкъ сказалъ
 прости,

Собой не обладаю,
 И смерть опчаянный въ отпраду призываю.

О Душенька моя!

Ты мысли всѣ мои одна лишь наполняешь,
Ты душу спраждающую на части раздираешь.
Всемѣстно кажешься въ глазахъ мнѣ тѣнь твоя;
Спремлюсь ее обнять; но призракъ исчезаетъ —
Онъ съ воздухомъ изъ руиъ дрожащихъ уби-
гаетъ.

Шелокнешъ ли листокъ

Вечерній вътерокъ,

Иль птичка выпорхнетъ изъ кустика за мною;
Вздрогну и брошуся... не Душенька ли тамъ? —
Имѣя чувствя всѣ наполнены тобою,

Брожу въ песокъ по всѣмъ мѣстамъ,
И требую Тебя въ слезахъ отъ всей Природы.
Какъ въпрѣ порывистый въ часъ бурной не-
погоды

Мушитъ, круша съ пескомъ, кристалловид-
ны воды,

И съ пѣною клубя, вверхъ гонитъ ихъ ручья:
Такія чувствую волненія въ сердцѣ я —

Въ томъ сердцѣ, что теперь на вѣкъ осиро-
тѣло,

Которо божествомъ одну тебя имѣло.

*

О Душенька моя!

Какъ роза нѣжная, блистая въ полномъ цвѣтѣ,
Увида ты! . . . а я?

А я лишаюсь тебя еще живу на свѣтѣ!

Живу лишь для того, чтобъ слезы проливать,
Чтобъ Душеньку мою всечасно воспоминашь. —

Въ часы, какъ солнышко скрываяся за горы,
Вершины ихъ златишь,

И въ мирной тишинѣ Природу веселилѣ ,
 Унылѣ и горестенѣ , пошупя томны взоры ,
 Задумавшись хожу :
 Во всемѣ , что вижу я , спокойствіе встрѣчаю ;
 Лишь только я одинѣ его не ощущаю ,
 И одного себя несчастнымѣ нахожу .

LXV.

СЦЕНЫ ИЗЪ ПОЛИКСЕНЫ.

Гекуба, Улиссъ и Поликсена.

Г Е К У Б А .

Ахъ! жизнь иль смерть! . . .

У л и с с ѣ .

Скрѣпись , отчаянная мать !

Несчастья жизни сей удѣлѣ необходимой !

Я посланѣ возвѣстить —

Г Е К У Б А .

О рокѣ неумолимой ! —

У л и с с ѣ .

Прошивѣ безсмертныхѣ намѣ не можно воз-
 ставать !

Я воли ихѣ свяшой невольной исполнишель . . .

Г Е К У Б А.

И всѣхъ мнѣ пережишь судилъ Громодержи-
пель!

И старость дряхлая, лишенная подпоръ,
Въ презрѣнной нищетѣ, забывшая богами,
Неушѣшаема состраждущихъ слезами,
Покажетъ Грѣамъ здѣсь во мнѣ живой позоръ! —
Улиссъ! гласъ матери тебѣ не оскорбленье!
Дерзну ли я . . .

У л и с с ѣ.

Вѣщай! (*въ сторону*) Я чувствую смя-
тенъе!

О, поддержи меня, могущественна тѣнь!

Г Е К У Б А.

Улиссъ! вспомнишь ли ужасный оный день,
Когда ты, ратныхъ силъ и Трои соглядашай,
Въ раздранномъ рубищѣ, какъ ближнихъ сель
оратай,
Блуждалъ вокругъ бойницъ, скрывалъ въ серд-
цѣ страхъ,
И съ робкой хипроспью считалъ нашъ каж-
дой шагъ?
Вспомнишь ли сей день? . . .

У л и с с ѣ.

Ахъ! что ты мнѣ вѣщала!

Г Е К У Б А.

Елена скрытого въ полѣ тебѣ узнала. . .
Ты былъ въ моихъ рукахъ

У л и с с ъ.

Всечасно смерти ждалъ! —

Г е к у б а.

Не предо мной ли ты колѣна преклонялъ?

У л и с с ъ.

Ахъ! ты была одна несчастному опрада.

Г е к у б а.

Не изведенъ ли ты моей рукой изъ града?

У л и с с ъ.

Я живъ. . . я чувствую. . . но что твоей значишь взглядъ? . . .

Г е к у б а.

Ты живъ, и обоймешь своихъ любимыхъ чадъ!

У л и с с ъ.

Гекуба, все — твоей даръ! . . .

Г е к у б а.

Не ради оскорбленья

Напомнила тебѣ мои благошворенья;

Улиссъ не можешь быть неблагодарнымъ, —
нѣтъ! —

Герой всегда герой, и въ щасть и средь бѣдъ!

Ему ли жертвовать народа заблужденьямъ?

Для славы суешной служишь его велѣньямъ,

И спраждущихъ друзей безъ крова оставляешь!

Чѣмъ можешь ты сіе убійство оправдать? —

Кто Грекамъ право далъ? — О родъ жестоко-
сердый!

Онъ съ жадною душой, въ пущи злодѣйства
твердый,

Часы торжественной, побѣдной пишины,
Мечпашъ украшашъ — чѣмъ? — смертію
жены!

Жестокой! будь судья, будь правды другъ не-
ложной!

Вѣщай теперь: Ахиллъ, добыча брани грозной,
Въ подземныхъ областяхъ, старая местью
злой,

На комъ остановилъ ужасной выборъ свой?
Виновна чѣмъ предъ нимъ несчастная, скажите?

Елену гордую на гробъ его влеките;

Она вела его къ Пріамовымъ стѣнамъ;

Она перзала насъ, она погибель намъ;

Ей, ей одной умрешь залогомъ примиренья! —

„Потребна красота для жертвоприношенья;“ —

Пусть такъ! — но дочь моя не ввергла въ
плѣнъ мужей;

Не разрушала царствъ прельщеніемъ очей!

Элены красота найдетъ другую Трою! —

Улиссъ! — коль истина всеильна надъ тобою,

Ты сердца своего внуши благой совѣтъ; —

Вспомни оный часъ, какъ плѣнникъ, въ узахъ
бѣдъ,

Ты къ старческимъ моимъ колѣнамъ прекло-
нился,

Края одеждъ лобзалъ, опчаянный перзался;

Чѣмъ ты былъ въ оный часъ, то я передъ
тобой!

О той же милости молю тебя, Герой!

Ахъ! не лиши меня опоры сей убогой!

Не убивай ее! — уже убійства много!

Спаси несчастную, меня спаси ты въ ней!

Утѣха въ бѣдствіяхъ, надежда дряхлыхъ дней,
Она оставлена отъ неба мнѣ замѣной
Опечесива, родныхъ и славы похищенной!
Ты плачешь добрый Царь! . . . я вижу

наконецъ,

По пѣжнымъ симъ слезамъ, я вижу. . . . ты
опецъ.

Улиссъ! — возможножь жить намъ славою
одною? —

Подъ гнѣвомъ ли небесъ, хранимы ли судьбою,
Для милыхъ чадъ, для нихъ бышь славными
хотимъ!

Все плѣнно ихъ любовь во гробъ съ со-
бой вмѣстимъ.

Представь, что я была доселъ, что я нынѣ,
Величіе мое въ супругъ, въ храбромъ сынъ;
Что вѣки берегли, то взялъ единый день.

Опецъ! — представь себѣ всѣхъ бѣдъ моихъ
хоть пѣнь,

И вспомни о родныхъ, съ тобою разлученныхъ,
Которыхъ жизнь тебѣ милѣй побѣдъ безцѣн-
ныхъ!

Почти во мнѣ себя, родительску любовь,
Права земныхъ племенъ, невинной дѣвы кровь!
Прилично ли сынамъ Еллады просвѣщенной
Бышь плѣнниковъ своихъ грозою развѣренной?
Гдѣ первый вашъ законъ, гдѣ даръ самихъ
боговъ,

Которой ограждалъ спокойствіе рабовъ,
Которымъ движимы, когда во градъ вступили,
Вы нашихъ алтарей убійствомъ не сивернили?
Гдѣ крошкѣй сей народъ, народовъ обра-
зецъ? . . .

Гласъ мужа славнаго доходитъ до сердецъ!

Заслуга, доблесть, санъ вѣщать въ Улиссѣ
станетъ!
И дочь моя мой свѣтъ и радость не
увянетъ!

У л и с с ѣ.

Царица! пощади мой долгъ и мой обѣтъ!
Признательность моя къ Гекубѣ не умретъ! —
Ни боги, ни вожди, ни всѣ судьбы гоненья,
Не охладятъ во мнѣ къспрадаляцамъ уваженья!
Хотя бы на себя возпали всѣ враждой,
Спасу несчастную, — или умру съ тобой! —
Но здѣсь не властенъ я . . . по разрушеніи Трои,
Въ часъ радости, моливъ — народъ, Ца-
ри, герои

Герою первому, въ очахъ всея земли,
Несчастну дочь свою на жертву обрекли! —
Обѣты небесамъ для мудраго священные;
Они предвѣспники побѣды неизмѣнны;
Мудрей великихъ мать, Еллада щѣмъ славна,
Что въ ней честь должная заслугъ оцѣдана;
И сколько Ахиллесъ сихъ почестей достоинъ?
Онъ жребій царствъ рѣшилъ; — побѣдо-
снѣй воинъ, —
Онъ далъ намъ шоржества, и самъ не видѣлъ
ихъ!

О жертва славная соотчичей своихъ!
Возможноль, чѣобы мы стыдомъ себя покры-
ли; —

Чѣобы, лилась тебя, навѣкъ тебя забыли? . .
Пускай возстанетъ Марсъ, и снова грянетъ бой,
Пускай еще враги нарушатъ нашъ покой;
Скажи, что поведетъ насъ въ бурное сра-
женье

Когда узримъ къ тѣнямъ героевъ непочтение? —
 Признаюсь, не богамъ я громкою хвалою,
 Дѣлами не великъ, и воинъ лишь простой;
 Но есѣли я дерзалъ на ужасы спокрашно, —
 Желалъ бы видѣшь часъ торжествъ моихъ
 оспрадной!

Пріятная мечта — жить въ памяти людей!
 Она спутникъ мой средь блещущихъ мечей!...
 Гекуба! — скорбь швоя ужасна, справедли-
 ва; —

Но пылъ одна въ слезахъ, о мать чадолю-
 бива? —

Но сколько въ Греціи рыдающихъ опцовъ,
 И нѣжныхъ, красныхъ дѣвъ, лишенныхъ же-
 ниховъ,

И сирыхъ матерей, покинутыхъ сынами,
 Которыхъ смерть взяла предъ вашими стѣ-
 нами! . . .

Ихъ вопли чрезъ моря несутся съ шумомъ къ
 намъ,

Мы слышимъ ихъ упрекъ и жалобы къ богамъ;
 Ихъ взоры помные, безмолвіе, спенанья:
 Все пребуемъ опъ насъ героямъ воздаянья. —
 Спокойшесь, храбрые, въ щасливѣйшихъ по-
 ляхъ! . . .

Вы живы навсегда въ признательныхъ серд-
 цахъ.

Ушѣшьшесь славою, что вы Еллады чада,
 Что вы сражались, — не варваровъ ограда,
 Которыхъ имена съ душою въ гробъ идутъ; —
 Забвенные опъ всѣхъ, лишь въкъ одинъ цвѣ-
 шутъ.

Гекуба! — часъ насталъ. . . .

Г Е К У Б А.

И такъ, мольба напрасна! . . .
 Гласъ матери ничто. — О дочь моя несчастна!
 Бышь можешь, силенъ гласъ невинности твоей;
 Проси его, ошдай жизнь матери своей! —
 Ахъ! обними сего жестокаго колѣна! . . .
 О боги! — и онъ васъ Пріама дочь забвенна! —
 Улиссъ! Улиссъ! ты самъ родитель нѣжныхъ
 чадъ! . . .

П О Л И К С Е Н А.

Я вижу жребій свой: — мнѣ все сказалъ твой
 взглядъ! —
 Улиссъ смущается, желаетъ удалиться; —
 Спокойся, Государь! . . . законъ вашъ совер-
 шится!
 Необходимости покорствованію хочу;
 Ты смерти требуешь, сама ее ищу;
 Не дамъ торжествовать пиранамъ надъ собою!
 За жизнь, за бѣдной даръ, не измѣнюсь душою!
 И что мнѣ въ жизни сей! — мой вѣкъ про-
 шелъ давно;
 Величіе мое во гробѣ погребено;
 Надежда матери, при старости глубокой,
 Во славѣ я цвѣла для участи высокой,
 На то, чтобы Царей блистательный соборъ
 За даръ моей руки держалъ геройской споръ;
 Чтобы первой въ свѣтъ градъ, гордяся По-
 ликсеной,
 Исполнилъ завистью всѣ царствія вселенной! —
 Ахъ! въ щасливой мой вѣкъ, среди прекрас-
 ныхъ дѣвъ,
 Владычица сердецъ и первый блескъ Царевъ,
 Въ одномъ безсмертіи богинямъ уступала; —

Всесильная тогда, теперь работо естала!
 Рабою . . . Ахъ! одна ужасна мысль сѣя
 Вмѣщаетъ для мени всѣ муки бытія!
 Какъ! мнѣ рѣшился ждати, чтобы пираны
 новы,

За золото мой мѣняющи оковы,
 Дщерь славнаго Царя, сестру Владыкѣ, вождей,
 Передавали всѣмъ для низкихъ должностей;
 Чтобы, помясь въ трудахъ наемницы пре-
 зрѣнной,

Я смерти такъ ждала, какъ милости без-
 цѣнной,

Чтобъ подлой рабѣ повлекъ меня передъ ал-
 тарь,

И брачной храмъ отверзъ, гдѣ могъ бытъ
 только Царь?

Не казнь — безчестіе душѣ моей ужасно!

Пусть сиду я во адѣ невинной, неподвла-
 стной!

Пускай найдешь меня часъ гибели моей

Побѣдоносною надъ злобою людей!

Пускай священныя родныхъ героевъ тѣни,

Которыхъ гласъ зоветъ меня изъ темной сѣни,

Узнаютъ, что ихъ дщерь, опмщая Грекамъ
 днесъ,

Величіемъ души унизила ихъ спасъ!

Улиссъ! свершай свой долгъ! — (къ матери)

Предметъ любви, смущенья! —

О мать! пусть умру, избѣгнувъ униженья!

Надежды болѣ нѣтъ! оставь любезну дщерь!

Мнѣ мужество одно поребно лишь теперь.

Нещастья — жребій всѣхъ; судьба ихъ рас-
 дѣляетъ;

Сспраданья тяжелы, коль робоспъ ихъ сръпна-
епъ!
Мы зрѣли смерпъ не разъ; не грозепъ смерти
взоръ
Для спраждущей души! . . . Но рабспво! . . .
но позоръ! . . .

Г е к у в а.

Ужасепъ, дщерь моя! . . . разлуки часъ ужа-
сецъ! —
Поспойте, люшые! — Улиссъ! мой вопль на-
прасепъ;
Ты правъ! твоей долъ — успавъ безсмерп-
ныхъ совершипъ!
Но прежде ты узнай, кшо долженъ жерпвой
быть:
Парисъ его сразилъ, Парисъ мое рождение;
Да грянепъ надо мной боговъ и смерпныхъ
мщепе!
Спѣшите упипать вы ненависть свою,
Точите каплями преспупну кровь мою!
Я шеспвую! , . .

У л и с с ъ. (въ сторону)

Уже мой духъ ослабѣваетъ.
Гекуба, смерпный ли съ богами въ судъ дер-
заетъ? —
Разгнѣванная тѣнь, въ отпрату бѣдъ и зла,
Едину дщерь твоею на жерпву обрекла!

Г е к у в а.

И такъ обѣихъ насъ, жестокѣе, разите,
И съ кровью матери кровь дщери сседините!

У л и с с ъ.

Послушный небесамъ, могуль что премѣнить?
Ахъ! еслибы ничьей намъ крови не пролить!

Г е к у б а.

Нѣтъ, нѣтъ! мой долгъ великъ — съ ней
вмѣстѣ умираю!

У л и с с ъ.

Твой долгъ исполнишь по, что я повелѣваю.

Г е к у б а.

Ничто не опдѣлишь, ничто меня отъ ней!

У л и с с ъ.

Я долженъ разлучить васъ властію своей!

П о л и к с е н а.

О матерь нѣжная! поспой, Улиссъ! —
терпѣнье! . . .

Къ печалямъ матери имѣй благоговѣнье! (къ
матери)

Уступимъ варварству насильственныхъ вла-
стей,

Избавимъ честь свою отъ рабственныхъ цѣ-
пей! —

Уже ли хочешь ты, чтобъ воинъ раздраженной,
Влача тебя въ пыди среди толпы надмѣнной,

Смирно посрамлялъ и санъ твой и лѣта? —

Нѣтъ, нѣтъ! избавимся послѣдняго стыда! —

О матерь нѣжная! — не отдавай разлуку,

Въ послѣдній разъ просири къ несчастной дще-
ри руку,

Да наслажусь еще я нѣжностью твоей!
 Въ послѣдній вижу свѣтъ родительскихъ очей!
 Въ послѣдній разъ тебя мой голосъ призываетъ... —
 Все меркнетъ грозной адъ врата мнѣ
 отверзаетъ!
 Прости, прости! (къ Улиссу) Пойдемъ!
 готова смерть пріять!

Гекуба.

Остатокъ горестной опѣ многихъ милыхъ
 чадъ!
 Ты шествуешь на смерть, а мнѣ звучащъ
 желѣзы,
 На цѣпь позорную мои польются слезы. . . .
 Чего мнѣ болѣе, чего на свѣтѣ ждаль? —

Поликсена.

Что мнѣ родителю, что Гектору сказать? —

Гекуба.

Да смертный часъ пошлютъ Гекубѣ въ утѣ-
 шенье! . . .

Поликсена.

О матерь! изреки на мнѣ благословенье!

Гекуба.

Погасла радостей, надеждъ моихъ заря! —

Поликсена.

Гдѣ братъ мой Полидоръ? гдѣ милая сестра? —

Г Е К У В А.

Какъ знать! . . . предчувствую . . . всего , всего
лишилась!

Судьба отъ первыхъ дней на домъ нашъ во-
ружились!

П О Л И К С Е Н А.

Нѣтъ! сынъ твой живъ: въ немъ Богъ тебя
вознаградитъ!

Онъ вѣжды матери слезящія смежитъ! —

(къ Улиссу)

Пойдемъ . . . покрой мой взоръ повязкою свя-
щенной!

Я смерть могу снести, — не въ силахъ ви-
дѣть слезъ!

Веди меня, куда назначилъ судъ Небесъ! —

Х О Р Ъ

Т р о я н с к и х ъ д ѣ в и ц ѣ .

О вы, вѣтры моря грозные,

Вѣтры, спутники несчастливыхъ!

Ахъ! куда, куда несете вы

Горды храмы мореходные

По долинамъ свѣтлой влажности? . . .

*

Гдѣ меня ждетъ рабство гнусное?

Гдѣ звучатъ ко мнѣ привѣтствіе

Цѣпи плѣна безконечнаго? —

Гдѣ возсяду я на прагъ вратъ,

Ожидая слова грознаго

Отъ пирановъ веселящихся?

*

Часть V. М

Ты ли, берегъ странъ Дорическихъ,
 Окропишься потокомъ горькихъ слезъ? —
 Выль, упесы Фивъ кремнистые,
 Повторише вопль спаданія,
 Повторише стонъ невольницы? —

Или тамъ мнѣ должно кончить жизнь,
 Гдѣ родилель водъ пипашельныхъ,
 Ариданъ поля пространныя
 Богатилель живою влагою? —

Или тамъ, гдѣ пальма первая,
 Гдѣ священный лавръ, по манію
 Сына свѣтлаго Лашонина,
 Вдругъ расширилъ вѣшви юныя? —
 Тамъ ли съ дѣвами Делійскими,
 Въ слѣдъ богини - звѣроловицы,
 Прославляшь я спану крѣпкой лукъ
 И стрѣлу неизбѣжимую? —

Иль во градъ дщери Зевсовой,
 Колесницами гордящейся,
 Блескомъ пурпура одѣянна,
 На коврахъ цвѣтнхъ, лазоревыхъ,
 Спану я коня закладывашъ
 Въ колесницу ярка золота? —

Иль ко племени Тишанову,
 У котораго Зевесъ отбѣлѣ

Искру пламени священнаго,
Понесемъ меня попушный вѣтръ? —

✱

Ахъ, прости земля родимая!
Рѣки, рощи, домъ отеческій!
Съ вами я навѣкъ распалася!
Не увижу болѣ милыхъ чадъ,
Не увижу я родителей! —
Живыль, живыль незабвенные? . . .

✱

Но и смерть для васъ есть щастіе,
Смерть пріятнѣ неволи злой!
Ахъ! я скоро, скоро въ бѣдствіяхъ,
Въ градъ чуждомъ, повелительномъ
Заклучу обѣты брачныя
Съ божествами преисподними!

*(Гекуба, простертая во прахъ въ без-
памятствѣ.)*

Х О Р Ъ.

О мать Пергама! внемли друзей спенанья!...
Закрылся свѣтъ очей. — Всесильный! — нѣтъ
дыханья! —

В Ѣ С Т Н И К Ъ.

Гекубуль вижу я!... О шайный грозный рокъ!
Сколь быстръ и гибеленъ превратностей по-
токъ! . . .
Се щастливыхъ Троянъ Царица вознесенна,
Раба! и въ нищетѣ, и чадъ своихъ лишена!...

Спрадалица, открой померкшихъ взоровъ
свѣтъ! —

Возстань, несчастная, возстань для новыхъ
бѣдъ!

Г е к у б а. (въ изступленіи)

Меня, меня на казнь! — о Въспникъ благо-
дашней!

Гошова! — къ дочери, къ роднымъ О
часъ опрадной!

Пойдемъ! — скорбѣй, скорбѣй. . . .

В ъ с т н и к ъ.

Щастливый, сладкій сонъ! —

Гекуба! для тебя не продолжись онъ! . . .

О матеръ! соверши надъ жершвой погребенье.

Г е к у б а.

Иду, иду! — воспоргъ! — къ любезнымъ
преселенье! . . .

В ъ с т н и к ъ.

Нѣтъ, нѣтъ! — еще конецъ скорбей твоихъ
далѣкъ!

Еще не изпошилъ перуновъ грозный рокъ!

И тучи новыя сбираются въ ефиръ! —

Но доблестъ почтена, хопя и не въ порфирѣ;

И во врагахъ почтенъ неустрашимой духъ! —

Уже Ахеине, сославя шумной кругъ,

Ахилловъ гордый холмъ, волнуясь, ограждали,

И жершвы юныя прихода ожидали. —

Ведома Пирровой къ закланію рукой,

Явилась предъ алтарь въ одеждѣ гробовой!

Избранныхъ Грековъ сонмъ тѣснится вокругъ
 несчастной,

Чтобъ облѣгчить для ней ко смерти путь
 ужасной!

Тогда назначенный свершать священства трудъ,
 Ахилловъ сынъ, склонивъ блистательной со-
 судъ,

Творишь родителю святое возлѣянье.

„О ты, померкшее Елладскихъ чадъ сѣянье!

„Защита Грековъ, честь, божественный герой!

„Прими, Пелеевъ сынъ! прими, родитель мой!

„Благопоспѣшно днесъ усердно приношенье!

„Разторгни мрачное Эреба заключенье!

„Возстань, подвигнися, приникни съ высоты

„На двѣшвенную кровь молодыхъ красоты!

„Благоволи на даръ геройства освященный,

„Вожжами, воинствомъ и сыномъ принесенный!

„Да Грековъ корабли отъ брега полетятъ!

„Препоны скроются, вѣтрила возшумятъ!

„Да спутники твои, бессмертными гонимы,

„Увѣдавъ наконецъ, что вновь тобой любимы,

„Помчатся въ щастливой отъ падшей Трои
 путь!

„Возвесели твоихъ единоборцевъ грудь,

„Да послѣ всѣхъ трудовъ узрятъ ихъ очи
 слезны,

„Узрятъ берега и дымъ отечества любез-
 ный!“

Изрекъ — и весь народъ предъ холмомъ ницъ
 упалъ. . . .

Тогда свершилъ жертвъ изъ раповища вздѣвъ
 Златогорящій мечъ, и подалъ знакъ дружинѣ,

Да дѣву робкую поддержитъ при кончинѣ.

Не прикасайтесь! несчастная речень,

Мнѣ въ вашей помощи, о Греки, нужды нѣтъ,
 Я смерти не спрашусь! я рабство презираю!...
 Свободная, и смерть свободную вкушаю!
 Разите, робкіе! Царица въ жизни сей,
 Не буду я рабой и въ обласни тѣней!...
 Рекла, все воинство повержено въ смятеніе;
 Но подавъ Царь вождей съ престола мановеніе,
 И отступилъ народъ, скрывая въ сердцахъ
 страхъ!

Царевна, съ мужествомъ, съ величіемъ въ
 очахъ,

Одежду бѣлую руками раздираетъ,
 И персей дѣвственныхъ пріятность обна-
 жаетъ;

Какъ золото лучей, разлило въ облакахъ,
 Разстлались по плечамъ власы ея въ кудряхъ —
 Идетъ ко алтарю — склонилась на колѣна,
 И руки опустивъ: се жертва обреченна!
 О юноша, рази! се грудь передъ тобой!
 Обезоруженный геройствомъ, красотой,
 И жалостью смущенъ, Ахилловъ сынъ спе-
 наетъ;

Но мстительная тѣнь свой грозный видъ
 являетъ,

Скрѣпился — мечъ подъялъ — кровь ала по-
 текла!

Бѣдна, трепещуща, сколь силъ собратъ могла,
 Одежду подобратъ спремится, въ упомненъ,
 Чѣмъ сохранитъ еще приспойное паденіе...
 Скончалась... гдѣ вражда? — гдѣ ненависть
 племенъ?

И Грекъ и Трои сынъ геройствомъ восхищенъ!
 Цѣпами новыми трупъ хладный осыпаютъ,
 И миршвы вѣнцы закланной посвящаютъ.

Толпятся юноши, на ликъ прекрасный зрятъ,
 Другъ друга упредишь ей въ почестяхъ спѣ-
 шать,

И въ горести нѣмой, сердечною слезою,
 Благословляють пѣнь, грядущую къ покою!...

МЕРЗЛЯКОВЪ.

LXVI.

СОШЕСТВІЕ ОДИНА.

Взято съ Норзскаго языка.

Подлинникъ находится въ Барполиновомъ пво-
 реніи, называемомъ: *Причины презиратьъ*
смерть.

Встаетъ поспѣшно Царь могущій,
 Сѣдаетъ чернаго коня;
 И въ мрачный пушь, во адъ (*) ведущій,
 Пускается въ началѣ дня.

*

(*) Древнее Готическое преданіе повѣствуетъ, что мно-
 гіе храбрые воины, для узнанія о судьбѣ своей, отва-
 живались спускаться въ нѣкое отверзіе, будто бы на
 землѣ существующее, и ведущее къ Нифлеймру, или
 аду Готическихъ народовъ. Сей адъ, по мнѣнію ихъ
 баснословія, состоялъ изъ 9 мировъ, опредѣленныхъ въ
 жилище для умершихъ отъ болѣзни, старости и дру-
 гого рода смерти, кромѣ скончавшихъ жизнь на сраже-
 ніи. Сія Ода повѣствуетъ о вышеписанномъ отважномъ
 въ адъ схожденіи Одина, Царя Готфскаго.

Лишь мрачный пѣсѣ (*) его примѣтилъ,
 Отверзѣ кровавую гортань;
 Его ужаснымъ ревомъ встрѣтилъ,
 И съ нимъ готовился на брань;
 Зубами спрашными скрежещетъ,
 Изъ глазъ горящи угли мечетъ,
 Его спремяся ужаснуть.
 Героя сердце не прешетъ,
 Онъ быспро шествуетъ въ свой путь.
 Земля колеблется, сменаеъ;
 Но онъ опважностью своей
 Тѣхъ мѣстѣ ужасныхъ достигаетъ,
 Гдѣ адскихъ девять зриетъ дверей.

✱

Приходитъ къ двери онъ восточной:
 Обросшу мхомъ гробницу зриетъ,
 Гдѣ нѣсколько вѣковъ лежиетъ
 Прахъ плѣнный дѣвы непорочной,
 Имѣвшей прорицанья духъ.
 Царь взоръ на сѣверъ обращаетъ,
 Волшебный кругъ начершаваетъ,
 И говоритъ нарочно въ слухъ
 Слова, имѣющія силу
 Проникнуть мрачную могилу,
 Нарушить мертвыхъ крѣпкій сонъ.
 Вдругъ слышитъ онъ подземный стонъ,
 И рѣчь печальную, унылу:

(*) Въ книгѣ, называемой Эдда, описывающей баснословіе Готическое, сему псу дано имя Мангармаръ, и сказано про него, что онъ пилася жизнію людей, при послѣднемъ издыханіи находящихся.

Прорицательница (*).

Какой мнѣ голосъ неизвѣстный,
 Какой волшебный звукъ чудесный
 Нарушилъ въ гробѣ мой покой?
 Кто шепъ печальну огорчаешь,
 Ее изъ мрака извлекаешь?
 Кто сонъ прервать дерзаетъ мой?
 Уже давно зима снѣгами,
 И льто знойной теплотой,
 И громы съ градомъ и дождями
 Надъ сими дѣйствуютъ костями,
 Но не принудили ихъ вспасть:
 Ктожь смелъ шепъ мою призвать?

О д и н ъ.

Пришлецъ и странникъ незнакомый,
 Сынъ воина, судьбой влекомый,

(*) По Готическимъ преданіямъ женщины имѣли даръ предсказывать будущее; иныя изъ нихъ выдавали себя за волшебницъ и отгадницъ. Таковыя ѣздили по разнымъ мѣстамъ, и вездѣ принимаемы были со извѣщеніемъ имѣ величайшаго почтенія и чести. Имя ихъ было Вольва, Сейдкона, или Спакона. О дѣянїи Торбїорги, одной изъ сихъ прорицательницъ, описано весьма подробно въ Бартолині, кн. III. гл. 4. стран. 688. Она имѣла голубую одежду, со множествомъ драгоценныхъ камней; ожерелье спеклянное, и шапку изъ кожи чернаго ягненка, подбитую кожею бѣлой кошки. Она опиралась на мѣдный жезлъ, на коемъ было яблоко, дорогими каменьями украшенное; сверхъ того, по обычаю Туновъ, имѣла на плечѣ перевязку, на коей висѣлъ мѣшечикъ съ волшебными орудіями. Обувь ея была изъ жесткой шелячей кожи, и перевязывалась ремешками; сквозь мѣдные шарики продѣтыми; перчатки на ней были изъ кожи бѣлой кошки, мѣхомъ внутри и проч.

Сихъ волшебницъ называли также Фіолькинги, или Фіолькунугъ, то есть, много знающія; также Еизинда - Кона, то есть, жена прорицанія, и Норниръ, общее имя Паркъ.

Съ тобой желаетъ говорить;
 Тебя онъ можетъ извѣстить
 О всемъ, что дѣлаютъ живые;
 А ты открой теперь ему
 Дѣяній преисподнихъ тьму (*).
 На что здѣсь чаши золотыя?
 Пріуготовлено кому
 Здѣсь ложе пышно, драгоцѣнно?

П р о р и ц а т е л ь н и ц а .

Чистый сокъ пчелы кипитъ
 Въ семъ сосудѣ сокровенный;
 Щипъ златоръ надъ нимъ виситъ;
 Вкуситъ Балдеръ дерзновенный,
 Вкуситъ онъ питья сего;
 Но близка и смерть его.
 Знаютъ скорбь и неба чада —
 Смерть одна моя отрада.
 Тяжко мнѣ вѣщать съ тобой,
 Дай костямъ моимъ покой.

О д и н ъ .

Распоргни словъ твоихъ неясность,
 Возстань и дай отвѣтъ единъ;
 Скажи, открой ты мнѣ опасность,
 Въ какой Одиновъ будетъ сынъ.

(*) Одинъ, какъ видно изъ сей Оды, беспокоился о участи своего сына Балдера, видѣвшаго сонъ, предназначавшій ему смерть. Въ книгѣ Едда сказано, что онъ вскорѣ убилъ Годеромъ, братомъ своимъ; а Годеръ убилъ самъ Валіемъ, сыномъ же Одина, отъ другой жены Ринды, и такимъ образомъ прорицаніе исполнилось.

Прорицательница.

Въ Годеровой рукѣ его всей жизни мбра;
 А брата его во гробѣ низвергнешь и Годера;
 Но, ахъ! языкъ слабѣетъ мой,
 Ты дай костямъ моимъ покой.

О д и н ъ.

Совершай мое велѣнье!
 Встань, и паки дай-опавѣть:
 Кто опмститъ за преступленье,
 Кто Годера кровь прольетъ?

Прорицательница.

Жена свирѣпаго Одина
 Родитъ въ пещерахъ мрачныхъ сына,
 Который до своихъ густыхъ и черныхъ власъ
 Рукой не будешь прикасаться,
 Водой не будешь омываться,
 И къ солнцу обращать своихъ не будешь глазъ;
 Доколъ щомъ наступитъ часъ,
 Въ который щлемъ надѣвъ блестящій,
 Онъ узритъ на кострѣ Годеровъ трупъ горящій.
 Но, ахъ! языкъ нѣмѣетъ мой;
 Оставь меня, дай мнѣ покой.

О д и н ъ.

Открой еще свои зѣницы;
 Скажи, какіе предо мной,
 Въ безмолвной горести дѣвицы (*),

(*) Сии-то суть Норниры, или Парки, о коихъ выше было упомянуто; имя каждой было Урда, Берганда и Скульда. Онѣ были раздавательницы добрыхъ жребіевъ; такъ какъ имена ихъ значашъ: *прошедшее, настоящее и будущее*; то вѣроятно, что онѣ почитались всегда невидимыми для смертныхъ. А по сему когда Одинъ, видя ихъ, дѣлаетъ сей вопросъ, то самъ себя измѣняетъ, и объясняетъ опавѣтъ прорицательницы.

Къ землѣ своей склоняютъ лиды,
 Терзаютъ локоны власовъ,
 И бѣлый рвутъ съ себя покровъ?
 Скажи мнѣ скорби ихъ причину?
 Тогда тебя совсѣмъ покину.

П р о р и ц а т е л ь н и ц а .

Не странникъ ты простой:
 Ты Царь, ты Вишязь, ты Герой,
 Ты опрасль племени Царева.

О д и н ъ .

И ты, невдохновенна дѣва,
 Не можешь блага провѣщать;
 Ты грозныхъ Исполиновъ мать (*).

П р о р и ц а т е л ь н и ц а .

Скажи, чѣмъбы никто изъ всѣхъ живущихъ въ
 мірѣ

Меня не вопрошалъ;

Чтобъ даже самый Царь въ порфирѣ
 Покоя моего нарушить не дерзалъ.
 Доколъ Лукковы (**) оковы разрушашся,

(*) Здѣсь говорится объ Ангербодѣ, коей имя значитъ *прорицательница злощастія*. Она Ангербода, какъ говоритъ Эдда, имѣла отъ Лукка трехъ дѣтей, а именно: Волка Фенриса, великаго змія Мидгардскаго, и Телу, кои всѣ трое названы Исполинами въ сей дикой, но любопытной системѣ Готическаго баснословія.

(**) По Готическому баснословію Луккъ есть злое существо, или злое начало, долженствующее пребывать въ оковахъ до приближенія разсвѣта боговъ. Тогда онъ распортгнетъ свои узы; родъ человѣческій, звѣзды, солнце, все исчезнетъ; земля поглотится моремъ, а швердъ пожжется огнемъ; самъ Одинъ погибнетъ со всѣми божествами его семейства. Буде кто пожелаетъ имѣть подробнѣйшія свѣденія о семъ баснословіи, то можетъ

Связующи его чрезъ нѣсколько вѣковъ ;
 Доколь ночи густой права возстановяшся ,
 Когда вселенной всей средѣ пресковъ и громовъ
 Низвергнется спроенье
 И все чрезъ огнь падетъ въ конечно разрушенье.
 Голенищевъ - Кутузовъ.

LXVII.

П Р И З Н А Н І Е.

(Подражаніе Французскому.)

Кшо въ спраси нѣжной васъ , Зелида , увѣ-
 раетъ ,
 Или обманутъ томъ , иль хочетъ обманушь.
 И я тебя любилъ , объ этомъ всякой знаетъ ,
 И я обманывалъ — увѣрена въ томъ будь.
 Щастливой вспомни день , когда передъ тобою
 Смиренно преклонясь , ошѣта ожидалъ ,
 Вдыхалъ спократно я , и слезы лилъ рѣкою :
 Въ займы я слезы тѣ изъ ближней рѣчки
 взялъ.
 Въ день Ангела тебя стихами я поздравилъ ,
 Ты музою тогда восхитилась моею ;
 Въ томъ день ошъ Лизы я спопы къ тебѣ
 направилъ ,
 Я туже похвалу , божусь , читалъ и ей.

прочитать вступленіе въ Датскую Исторію Господина
 Маддепа 1755 года , или Англинскій переводъ сего со-
 чиненія , въ 1770 году изданный подъ названіемъ : *Дрес-
 ности Сѣера*. Въ ономъ Переводчикъ весьма благогра-
 зумно исправилъ нѣкоторыя ошибки , находившіяся въ
 подлинникѣ.

Ты вспомни время то, какъ на меня сердилась.
 Схвапивши пистолетъ, хотѣла я предъ тобой
 Скончать мученіе; ты скоро умягчилась...
 А этотъ пистолетъ, по чести, былъ пустой.
 Потомъ я спрасное письмо тебѣ вручаю,
 Какъ будто отъ другой его я получилъ;
 Тебѣ всѣмъ жерпвуя, письмо я раздираю:
 Не я сихъ нѣжныхъ спрокъ, Дамонъ предме-
 томъ былъ.

На балѣ нѣкогда ты Флорою явилась;
 Я ревностно въ тотъ день тебѣ старался
 льстивъ:

Но нѣжность вся моя тогда къ тому клони-
 лась,

Чтобъ ревность и любовь въ Лаурѣ возбудить.
 Потомъ съ тобой меня на время разлучили: —
 И путь мой умыселъ причиной главной былъ;
 По милости моей тебя тогда бранили,
 А я съ весельемъ день Лаурѣ посвятилъ.
 Однажды въ ревности къ тебѣ я притворился,
 Хотя поводу къ тому совсѣмъ ты не дала;
 Скажу тебѣ: тогда я къ Хлоѣ шоропился,
 Чтобъ вечеръ съ ней пробить; она меня звала.
 Покрытой блѣдностью, съ признаками по-
 мненія,

Я въ слѣдующій день къ тебѣ явился въ домъ;
 Ты думала, что спрасить причиною мученія?
 Да... Хлоя можетъ быть тебѣ порукой въ
 томъ.

Чему жъ смѣешься ты? возможно ли мнѣ не въ-
 рить? —

„Тебѣ меня, мой другъ, такъ можно оболь-
 стить?“

Я знаю наизусть науку лицемѣрить,

И трудно въ хитрости со мною равнымъ
быть! —

„Ты думаешь, что въ тебѣ любовью пылая,
Невѣрностей твоихъ я видѣть не могла?
Нѣтъ! я, невѣрному всечасно опомщая,
Во сто кратъ лукавѣ, чѣмъ ты, всегда была.“

— въ.

LXVIII.

ЭКОНОМІЯ ОДНОГО РАЗБОЙНИКА.

Разбойникъ пушника въ лѣсу остановилъ,
И обобравъ его какъ липку, говорилъ:
„Овечекъ я спригу, но жить имъ не мѣшаю;
И ежели не въ этотъ годъ,
Такъ можешь быть на пошъ
Опянь опъ нихъ волной попользоваться чаю.“

С. Андреевъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Завидна, я сказалъ, Терситова судьбина:
 Чинъ знашый, и что годъ, по дочь ему, по
 сына. —
 Да! онъ не безъ друзей, опвѣстивовали мнѣ:
 И при дворѣ и при женѣ.

2.

Я разорился отъ воровъ. —
 Жалю о швоемъ я горѣ! —
 Украли пукъ моихъ стиховъ —
 Жалю и объ ворѣ!

3.

О Бардусъ! не глуши своимъ насъ лирнымъ
 звономъ;
 Молвь просто: человекъ смѣсь Бардуса
 съ Невтономъ.

4.

Поэтъ Оргонъ, хваля жену свою не въ мѣру,
 Въ стихахъ своихъ ее съ Венерою сравнялъ —
 Безъ умысла женѣ онъ сдѣлалъ мадригалъ,
 И эпиграмму на Венеру!

Что легче перышка? — Вода, я ошибчаю.
 А легче и воды? — Ну, воздухъ. — Добрый
 знакъ!
 А легче и его? — Кошечка. — Точно такъ!
 А легче и ее? — Не знаю.

ДМИТРИЕВЪ.

LXX.

С У И Д А.

Души чувствительной отрада, утѣшенье,
 Прелестна тишина, покой, уединенье,
 Желаній всѣхъ моихъ единственный предметъ!
 Не долго вами я, кѣ несчастью, наслаждался;
 Природы красотой не долго любовался;
 Опять я въ городъ, опять среди суетъ,
 И сердцу радостей, глазамъ пріятствъ нѣтъ!
 И все вокругъ меня мнѣ кажется уныло!

*

Съ какимъ весельемъ я взиралъ,
 Какъ ты, о солнце! восходило,
 Въ восторгъ всѣ чувства приводило!
 Тамъ запахъ ландышей весь воздухъ наполнялъ,
 Тамъ пѣли соловьи, тамъ ручеекъ журчалъ;
 Тамъ стадо на лугу несприлось и гуляло,
 Тамъ я на муравъ подъ тѣнью отдыхалъ;
 И Хлоя шумъ была: чегожъ недоставало?

Часть V.

Н

Что въ свѣтѣ мило мнѣ, все было то со мной!
Потомъ какъ пишина съ вечернею росой

На землю опускалась,
Со мною милая на лодочкѣ каталась,
И Финскимъ языкомъ твердила мнѣ: люблю!
Палаты въ воздухѣ обыкновенно строя,
Я Хлобъ говорилъ: „Послушай, для покоя
Такое же село, какъ Суйда, я куплю,
И буду жить съ тобой тамъ въ домикъ пре-
красномъ!

Насъ милые друзья прѣдутъ посѣщать,
А мы, подъ небомъ яснымъ,
Съ сердцами чистыми ихъ спашемъ угощать.
Тутъ — въ Англинскомъ саду, подъ липою
густою,
Готовъ намъ будетъ чай — и Хлобъ разли-
вать;

А тамъ насъ пѣснями и пляской забавляшъ
Крестьянки изъ села всѣ прибѣгутъ полною.
Отшуда мы пойдемъ рѣзвиться на лужокъ,
Тѣ для друзей моихъ построю я качели;

Потомъ услышимъ гласъ свирѣли,
И стадо шумное погонимъ пастушюкъ.
Когда же солнышко за горы закашится,
И небо розовой одѣнется зарей,
Тогда на берегу, въ бесѣдѣ столъ явится.

Ты будешь ужина душей!
Со вкусомъ будетъ все, прѣстно, но не пышно;
И лучше чѣмъ всего, чему смѣется свѣтъ,

У насъ рѣчей другому въ вредъ,
Ни острыхъ колкихъ словъ, никакъ не бу-
детъ слышно.

По упрямъ время съ кѣмъ я буду провождать?

Съ Гиршфельдомъ и Руссо, съ Боннетомъ и
Томсономъ;
Ихъ долгъ къ полезному мой разумъ поощрялъ,
И наставленья ихъ я буду чтить закономъ.
И вы, любезные, Юнгъ, Геснеръ, Циммер-
манъ!

Собой украсите мое уединенье;
Кому любить добро даръ милый небомъ данъ,
Тотъ въ васъ найдетъ всегда для сердца утѣ-
шенье.

Вотъ какъ я, милая, желаю жить съ тобой!
Не зная множество — посредственности, покоя,
Любовь моихъ друзей, ты, Хлоя — и доволенъ!
И нѣтъ счастья мене!

Кто правъ своей душой, кто въ совѣсти спо-
коенъ,

Тобою кто любимъ, имѣетъ кто тебя,
Кто бѣдному помочь въ несчастьи не жалѣетъ,
Чего желать тому? — онъ все уже имѣетъ.“

Пушкинъ.

LXXI.

НАДГРОБІЯ.

1.

И. О. Богдановичу, Автору Душеньки.

На урну преклонясь вечернею порою,
Амуръ невидимо здѣсь часто слезы льетъ,
И мыслитъ, опягченъ тоскою:
Кто Душеньку теперь такъ мило воспоетъ?

Н 2

2.

Θ. — Μ. — Δ.

Любезнаго и прахъ останешся безвѣстнымъ?
Дубянского былъ даръ: гармоніей прельщать;
Спирася: дружба и любовь; законъ: быть доб-
рымъ, честнымъ;
А жребій: бурну жизнь въ пучинѣ окончать.

3.

B. — A. — B.

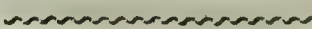
Здѣсь пихая могила
Прахъ юноши взяла;
Любовь его сразила,
А дружба погребла.

ДМИТРИЕВЪ.

LXXII.

КЪ ПОРТРЕТУ ПЕТРА БЕЛИКАТО.

Россія шмой была покрыша много лѣшъ;
Богъ рекъ: да будешъ ПЕТРЪ! и бысть въ Рос-
сіи свѣшъ.

LXXIII.

КЪ ПОРТРЕТУ НАТАШИ.

Кто какъ ни утверждай и какъ ни говори,
 Но суцая то ложь, что Грацій только три.
 Четыре ихъ; я радъ въ томъ спорить съ цѣ-
 лымъ свѣтомъ,
 И вѣрно докажу — Нашашинымъ поршрешомъ.

LXXIV.

Э П И Г Р А М М А.

Злословишь Фирса Тишъ, а пошъ его лишь
 славишь. —
 Такъ кто же правъ изъ нихъ? И Тишъ и Фирсъ
 лукавишь.

К. Ф.

LXXV.

НАДГРОБІЕ.

Г. С.

Кто, съ миромъ разлучась, лишь прахъ свой
 въ немъ оспавилъ,
 Пусть леств надгробія пому писать велишь;
 Дѣламижъ ишо себя великими прославилъ,
 О томъ не мраморы — безсмертныя возврстивъ.

Родзянка.

LXXVI.

КАТОНОВЪ МОНОЛОГЪ.

ИЗЪ АДДИСОНОВОЙ ТРАГЕДІИ.

КАТОНЪ.

Катонъ гитаеѣ Платоново разсужденіа
 о безсмертіи души; передъ нимъ обна-
 женный кинжалъ.

Ты правъ, Платонъ! ты правъ; нашъ духъ
 не умираеѣ!
 Самъ Богъ, живущій въ немъ, въ сей правдѣ
 увѣряеѣ.

Предвѣчный чувство въ насъ безсмертїя ро-
дилъ,

Предвѣчный ужасъ намъ къ ничтожеству вну-
шилъ;

Я чувствую — мой духъ, сей гражданинъ
небесный,

Спремится въ мракъ вѣковъ, ужасный, неиз-
вѣстный.

Распоргнемъ узы чувствъ: составъ сей будетъ
прахъ;

Я буду въ вѣчности, я буду въ небесахъ.

О вѣчность! — прпещу — хладѣю — ушѣ-
шаюсь...

О свѣтъ! — ужасный мракъ! — я бездной
поглощаюсь —

Что я? что прежде былъ? гдѣ я? куда спре-
млюсь?

Въ какую глубину я мыслю несусь?

О смерть! гдѣ будетъ духъ, цоль мало мнѣ
извѣстной,

Когда испоргнешь ты меня изъ поднебесной?

О мрачны пропасти, которымъ нѣтъ концовъ!

Что я обрпщу въ васъ? — Но я на все готовъ...

Пойдемъ! — — Кающъ блаженъ, когда естъ
Богъ правдивый;

Но Богъ конечно естъ, вселенну сотворивый.

Онъ въ сердцѣ праваго Себя изобразилъ;

Онъ наказаніе съ порокомъ сѣдинилъ;

Онъ добродѣтельныхъ наградой увѣнчаетъ;

Накажетъ злобныхъ Онъ, коль злобы не про-
щаетъ.

Но гдѣ? когда? и какъ? — — Невинность
спражаетъ здѣсь!

Порокъ блаженъ, ему покорствуешь міръ весь.

Слѣпое щастіе здѣсь жребьемъ управляетъ,
И смертный сердцемъ всѣмъ кумиръ сей обо-
жаетъ.

Сей мѣръ для Цезарей на жертву сотворенъ! —
Но что же медлю я въ темницѣ заключенъ? —
Небесна истина, богопворима мною!
Въ сію минушу я соединюсь съ побою;
Не видимъ мы тебя здѣсь долу, средѣ суетъ.
Жизнь наша — сонъ! мечта! — а пробуж-
деніе — смерть!

Родзянка.

LXXVII.

КЪ ПОРТРЕТУ — ВОЙ.

И плѣдомъ и душой ты на Амура схожа:
Коварна, и умна, и столько же пригожа.

Батюшковъ.

LXXVIII.

Э П И Г Р А М М А.

Какъ трудно Бибрусу со славою ужиться!
Онъ пьетъ, чтобы писать, и пишетъ, чтобы
напиться!

Батюшковъ.

LXXIX.

ХЛОБЪ СОЧИНИТЕЛЬНИЦЪ.

Ты Сафо, я Фаонъ, объ этомъ и не спору;
 Да къ моему ты горю
 Пути не знаешь къ морю.

БАТЮШКОВЪ.

LXXX.

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ Н. Н.

О ты, которая была
 Утѣхъ и радостей душою,
 Какъ роза свѣжая цвѣла
 Небесной красою,
 Теперь оставлена, печальна, и одна!
 Сидя смиренно у окна,
 Безъ пѣсней, безъ похвалъ, встрѣчаешь день
 рожденья;
 Прими отъ дружества сердечны сожалѣнья,
 Прими, и сердце успокой.
 Что потеряла ты? — льстецовъ шумливыхъ рой,
 Пугалищей ума, достоинства и нравовъ,
 Судей безжалостныхъ, докучливыхъ нахаловъ;
 Одинъ былъ пѣжный другъ . . . и онъ еще
 съ тобой.

БАТЮШКОВЪ.

Э П И Г Р А М М Ы.

1.

Одинъ прїишель мнѣ сказалъ,
 Что Клишу Пастору приличнѣй бытъ Аяцѣ-
 ромъ ;

А я ему на это отвѣчалъ :
 Напрощивъ ; — Клишъ уменъ, все дѣлаетъ съ
 разборомъ.

Вчера на каедрѣ изволилъ онъ кричать ,
 И всѣ мы слушали — молчали ;
 Его въ театрѣбѣ освистали ;
 Но въ церкви не свистали !

2.

Дамонъ нашъ занемогъ — онъ горьки слезы
 льетъ ;

Супруга бѣдная съ нимъ горестъ раздѣляетъ.

Но отъ чего чеша сія страдаетъ ? —

Дамонъ отъ страха, что умретъ ;

Жена отъ робости : ну что какъ оживетъ !...

3.

За Евридикою и въ Адѣ Орфей сходилъ ,

Для Евридики онъ и жизни не щадилъ ;

А я — какъ смерть возьмешь къ себѣ мою
 жену ,

Я — даже въ самой Рай за ней не загляну !

4.

Глупонъ, извѣстный врачъ и ужасъ всѣхъ
людей,

Вдругъ сдѣлался попомъ что можешь
быть умнѣй? —

Глупонъ, бывъ ибларемъ, спарался всѣхъ
морить, —

Теперь ихъ будешь хоронить.

ДАРГОМЫЖСКІЙ.

5.

Вельможа Ропозѣй во дни свои щасливъ
Любилъ однихъ скоповъ;

Дивисься не чему! — весь свѣтъ почти па-
ковъ:

Мы всѣ самолюбивы.

6.

Не правду говоришь, что будто злой жены
На свѣтъ ничего не можешь быть гнуснѣе;
Жена будь фурія, будь злѣе сатаны;
Но все, о Клузій! мнѣ спиховъ твоихъ сноснѣе.

7.

Идохъ несчастный змѣй, Шипона уязвивъ;
А самъ Шипонъ? остался живъ!

8.

Асафъ воздержности уставы
Твердишь и день и ночь: — „поспися, яко мы.
(Таршюфъ нашъ вопіеши:) мірскія всѣ за-
бавы

„Приманки сатаны. —

„О чадо! презри все; умри грѣхамъ и мѣру!“

Вчера къ Асафу я забѣжалъ на совѣтъ;

Но, ахъ! въ живыхъ ужь праведника
нѣтъ. —

За вѣру пострадалъ? ... Нѣтъ, онъ обѣлся
сыру!!!

Аржевитиновъ.

LXXXII.

СЛАДКОЙ СОНЪ

Не правду говорящъ, что будуще жизнь мечта,
Что пѣньи бѣдствія и сладкія забавы,
Народовъ разные обычаи и нравы,
Придворныхъ важная всегдашняя суеда,

Героевъ слава,

Султанская держава,

И что стихи писать вдругъ вздумалось мнѣ;

Что будуще это все намъ кажется во снѣ!

Имѣю я дѣшей; любовью къ нимъ пылаю,

Взаимной и отъ нихъ любви ожидаю;

Ихъ мать боготворю,

И нѣжной спрашью къ ней и въ спарости горю.

Равно и дружбой наслаждаюсь —

Смотрю на красоты Нашуры, удивляюсь;

Я всѣмъ, что вокругъ меня, любимъ и все
люблю.

Не можетъ злости ядъ душъ моей коснуться:

Коль все сѣ мечта, пускай я вѣчно сплю!

Не дай, о Боже! мнѣ проснуться.

LXXXIII.

НЕВОЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Прелестѣ маѣ ея дала такой совѣтъ:
 Тебѣ, любезна дочь, теперь шестнадцать лѣтъ;
 И такъ ты поступай съ любовью осторожно,
 Иль лучше убѣгай ея совѣтъ, коль можно!
 Она для лѣтъ твоихъ есть самой лучшей змѣй;
 Она и василиска злѣй.
 Прелеста нѣжно маѣ свою поцѣловала,
 И такъ ей отвѣчала:
 Спокойны будьте вы, когда спокойна я!
 Къ напастн мнѣ такой ни малаго нѣтъ виду;
 Когдабъ и приползла ко мнѣ сія змѣя,
 То, вѣрыте! мой Милонъ не дастъ меня въ
 обиду.

Аргамаковъ.

LXXXIV.

ЭПИГРАММА.

Ага, плюшовка мышъ попалась, нѣтъ спасенья,
 Умри: ты грызъ пришла здѣсь Дмитріева
 шомъ,
 Тогда какъ у меня валялись подъ столомъ
 Графова сочиненья.

В.

LXXXV.

КЪ ПОРТРЕТУ ВЫСПРЕННАГО ПОЭТА.

Нѣтъ спора, что Бибрисъ боговъ языкомъ пѣлъ:
Изъ смертныхъ бо никто его не разумѣлъ.
В.

LXXXVI.

ОБЪЯСНЕННОЕ СОМНѢНІЕ.

Смѣяшься въ власны, а я клянуся вамъ,
Что я въ своихъ стихахъ не краду, подражаю.
Безспорно, я и самъ съ тобою утверждаю,
Что подражаешь ты . . . ворами.
В.

LXXXVII.

У ВѢЩАНІЕ.

Друзья, не будемъ слишкомъ строга
Творенья Балдуса судить;
Онъ пишетъ ради Бога,
Его безбожно не хвалишь.

В.

LXXXVIII.

НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

I.

Глядишь: вотъ Ефремъ! домовый нашъ ма-
ляръ;
Онъ въ списываньи лицъ имѣлъ чудесный даръ,
И кисть его всегда надъ смертными играла:
Архипа Сидоромъ, Кузьму Лукой писала.

II.

И это человѣкъ?
О времена! о вѣкъ!
ДМИТРИЕВЪ.

LXXXIX.

ДУРНОЙ ВКУСЪ.

Никандръ! ты хвалишь мнѣ свой нѣжной вкусъ
напрасно;

Скажу я безпристрастно,
Что вкусъ и грубъ и дуренъ у тебя:
Ты любишь самого себя!

КАРАМЗИНЪ.

LC.

СТИХИ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ А. А. П—ой, 14 Октября.

Ты въ мрачномъ Овтябрѣ родилась — не
весною —
Чтобъ сѣшущій мѣръ утѣшенъ былъ побою.
РАРАМЗИНЪ.

LCI.

Э П И Г Р А М М А.

Сколько любишь Вздорова, того не лъзя ска-
зашь! —
Кого? скажи! опца?... — И! къ стапи ли.
— Такъ мапъ? —
Нѣтъ! — Бабушку? — Ахъ, нѣтъ! — Такъ я
не понимаю!
Ну брашцовъ что ли? — Нѣтъ! — Постой!
я угадаю:
Навѣрно муженька? — Ты шупишь! — Ви-
новашъ!
Она вишь за мужъ шла за то, что онъ бо-
гащъ....
Кого же? Боже мой! Подумать дай-ко сроку!..
Любовинна? — И! нѣтъ. — Когожъ? скажи! —
Сороку.

К. ХОВАНСКІЙ.

LСII.

КЪ Б* * ВУ.

Когда придешь въ мою шы хашу,
Гдѣ бѣднѣе въ простотѣ живешь?
Когда поклонись Пенатѣ,
Который дни мои блюдешь?

Приди — раздѣлимъ снѣдь убогу,
Сердца виномъ возпламенимъ,
И вмѣсто пѣснопѣнья Богу
Часы досуга посвящимъ;

А вечеръ, скучный долгопою,
Въ веселыхъ сократимъ мечтахъ;
Надъ всей подлунною спраною
Мечты промчимся на крылахъ;

И въ шой землѣ обѣщанной,
Гдѣ любишь духомъ обитать,
Внимать трубы звукъ будемъ бранной,
И спрашны битвы созерцашь.

Пѣвецъ, всегда тебя живящій,
И окриляющій твой духъ,
Пѣвецъ Торкватъ живошворящій
Нашъ усладитъ и взоръ и слухъ.

Иль Царь, отецъ, богъ пѣснопѣнья,
Подобный лишь себѣ Омиръ,
Разкрывъ безсмертныя шворенья,
Намъ явитъ созданный имъ мѣръ:

Часть V.

О

Зевеса, мещущаго громы,
 И всѣхъ превыспреннихъ боговъ
 Увидимъ свѣпые мы дома
 И ихъ веселіе пировъ,

Ахилла, грозно возсѣдаща,
 Пустившаго бразды конямъ,
 Увидимъ бурею лещаща
 По спонуцимъ подъ нимъ полямъ;

Иль пренесся въ спраны Морвена,
 Гдѣ Сельма древняя видна;
 И въ часъ, какъ ночь проспрется черна,
 И всюду мертва пишина,

И блѣдный мѣсяцъ надъ горою
 Сквозь облако въ потокъ глядишь,
 Узримъ подъ Сельмскою спѣною,
 Гдѣ пѣнистый ручей шумишь.

Узримъ, какъ Бардъ слѣпой мечтаетъ,
 Въ воспоргъ священный погруженъ,
 И лирою златой брицаетъ,
 Тѣнями предковъ окруженъ;

Какъ самъ Тренморъ, отецъ героевъ,
 Черпогъ воздушный разтворивъ,
 Лешишь на шучахъ, съ сонмъ воевъ,
 Ко старцу взоръ и слухъ склонивъ.

Вдали шамъ легка тѣнь Мальвины
 Съ златою арфою въ рукахъ,
 Обнявшись съ тѣнью Моины,
 Плывашъ въ туманныхъ облакахъ.

Но можно ли все по словами
Пересказать иль написать,
О чемъ возможно намъ съ друзьями
Подъ часъ веселый помечшась !

Счастливъ, счастливъ еще несчастный,
Съ кошорымъ хоть мечта живешь,
Во мрачныхъ дняхъ одинъ онъ ясный
Хотя въ мечтаніяхъ найдешь.

Жизнь наша есть мечтанье тѣни,
Нѣтъ сущихъ благъ въ земныхъ странахъ;
Придижь подъ кровомъ дружной сѣни,
Повеселишься хоть въ мечтахъ.

Гнѣдичъ.

ЛСIII.

ИЗЪ АНѢОЛОГІИ.

Сотъ меда съ молокомъ —
И Маинъ сынъ шебъ на вѣни благосклоненъ! —
Алкидъ не такъ-то скромнѣ:
Дай двѣ ему овцы, дай козу, и съ козломъ;
Тогда онъ на овецъ прольетъ благословенье
И въ снѣдь не дастъ волкамъ!
Храню къ богамъ почтение;
А стада не опдамъ
На жертво-приношенье . . .
Скажите, что за честьъ,
Когда не волкъ его, Алкидъ изволишь сѣбѣсть? —

Батюшковъ.

LCIV.

КЪ МАШЪ.

О! радуйся, мой другъ, прелестная Марія!
Ты прелесней полна, любви и ума! —
Съ тобою Граціи — ты Грація сама.
Пусть Парки вѣкъ прядушъ тебѣ часы
Злашныя,
Амуръ тебя благословилъ! —
А я — какъ Ангелъ говорилъ.

K.

LCV.

ПИГР А М М Ы.

С п р а н н о с л ѣ.

Въ ночи Меланїя — спарушечка сбѣдая,
А днемъ ее сочтешь двѣицей молодой;
Ну, право, кажется, Меланїя ночная
Родною бабушкой Меланїи дневной!

Т р у с о с л ь.

Въ прошедшу ночь, при лунномъ свѣтѣ,
(Мнѣ Климъ Федотычъ говорилъ)

Едва, едва меня мертвецъ не уморилъ!
 Собой пресстрашный, по примѣтъ:
 Онъ уши длинныя имѣлъ,
 И съ виду почто былъ — оселъ!
 Ужь подлинно, что я боялся,
 Со страху что начать не зналъ! —
 „Вотъ прусъ-то! (я себѣ сказалъ)
 Своей онъ пѣни испугался!“

*

С т а р ш и н с т в о.

Адамовы всѣ люди дѣшки,
 Въ томъ мы согласны межъ собой,
 И также въ томъ, что наши предки
 Ходили долго за сохой;
 Но наконецъ, когда успали
 Отъ трудныхъ работы сей,
 Иные раньше переспали,
 Другіе выпрагли позднѣй.

*

Къ слезливому стихотворцу.

Когда плачевные стихи твои читаю,
 Ты сердись за то, что слезъ не проливаю;
 Сердись на меня за то тебѣ грѣшно!
 Виновенъ ли я въ томъ, что плачень ты
 смѣшно?

*

Древніе и новые.

Героя древнихъ лѣтъ, съ почтенной сѣдиной,
 Лавровымъ листвѣмъ морщливый лобъ укра-
 шенъ
 За то, что онъ врагамъ отечества былъ спра-
 шенъ!
 А мы шомъ листь кладемъ на окорокъ свиной!

~~~~~

КЪ ТѢМЪ, КОТОРЫЕ ПРЕДЛАГАЛИ МЕНЯ ПИСАТЬ
ГИМНЫ.

Ошвсюду бѣдствомъ ушѣсенна,
Могуль воспѣшь Творца міровъ?
Изъ дерзновенныхъ скорби словъ
Была бы пѣснь на соплешенна:
Покорность спраждущихъ есть гимнъ Творцу
міровъ.

*

Ошвсюду бѣдствомъ ушѣсенна,
Могуль слагашъ хвалы царямъ?
Иди по перновымъ стезямъ,
Я мню, что въ пернахъ вся вселенна:
Народа счастье есть лучшій гимнъ царямъ.

*

Ошвсюду бѣдствомъ ушѣсенна,
Могуль ушѣхи пѣшь родства?
Я знаю скорбь лишь сиротства,
Бывъ сѣдѣшсва чуждыми вскормленна:
Семейны радости есть гимнъ въ хвалу родства.

*

Ошвсюду бѣдствомъ ушѣсенна,
Могуль пѣшь сладость нѣжныхъ узъ?
Съ напастью ушверди союзъ,
Хладъ душъ я вѣдашь осужденна:
Улыбка милыхъ намъ есть гимнъ для нѣж-
ныхъ узъ.

*

Онѣвсюду бѣдспвомѣ утѣсненна,
 Хочу блажишѣ мотильный сводѣ:
 Въ немѣ оправденѣ, миренѣ входѣ!
 Съ нимѣ сонѣ и пищина священна!
 Онѣ съ бѣдспвомѣ примиришѣ. . . . . блажу мо-
 тильный сводѣ.

Б у н и н а.

LCVII.

к ѣ ш а л а ш и к у.

Въ Аркадіи святой
 Былъ прежде вѣкъ златой; —
 И нынѣ вѣкъ златой,
 Гдѣ міръ, любовь, покой.

LСVIII.

КЪ Л И Р Ъ.

~~~~~

Какъ лучъ во тмѣ блеснетъ вдали,
 Въ глухой пустынь и печальной,
 Гдѣ странникъ, сбившійся съ пути,
 Лишь вой звѣриный слышитъ дальней,
 О какъ взыграетъ духъ его,
 Оспраду сладку обрѣтая!
 Ты прежде, лира дорогая,
 Волшебствомъ звона твоего
 Мое такъ сердце улаждала.
 Когда тоска меня снѣдала,
 Когда сердце сей *хилрый* змѣй
 Вездѣ мнѣ тайно *рыль* могилу;
 Смирала и его пы силу:
 Ты другъ была души моей —
 Теперь я окруженъ лишь тмою!

Когда съ румяною зарею
 Входяще солнце сверхъ долинъ
 Освѣтитъ тѣ жилища тѣсны,
 Гдѣ тайныхъ властїю причинъ
 И умъ и сердце прахъ единъ,
 Не зрится мертвымъ блескъ чудесный —
 Не слышанъ мнѣ такъ голосъ твой,
 И слышать спалъ я не способенъ —
 Ручью изсохшему подобенъ,
 Который прегъ сего волной
 Съ лучами всѣхъ свѣтилъ играя,
 Межъ оспрыхъ камней прошекая,

(Не зналъ и зимнихъ онъ оковъ!)
 Теперь подъ тѣ же камни скрылся,
 Межъ коими блисталъ, рѣзвился,
 И въ мерзвый превратился ровъ
 Во мнѣ оспалась грусть безъ словъ!

Уже весенни ароматы
 Влекутъ къ красамъ Природы взоръ,
 И плодородіемъ богатый
 Слезишься бисеръ съ снѣжныхъ горъ;
 Уже пѣвецъ весны пернатый,
 Теряясь въ ясной вышинѣ,
 Поетъ любовь свою веснѣ —
 А сердце спрасное во мнѣ,
 Бѣясь съ поскою въ нѣдрахъ тѣсныхъ,
 Но не вмѣщая чувствъ прелестныхъ,
Меняжь разить, волнуешь кровь!
 И самый громъ принесъ любовь —
 Отверзъ онъ землю къ жизни вновь —
 А ты, о лира! бывъ со мною
 Какъ въ крапкомъ и пріятномъ снѣ
 Исчезла, и съ поскою одною
 Оспавила лишь жизнь во мнѣ!

Но безъ тебя какъ жить я буду,
 Какихъ, и гдѣ искать оправдъ?
 Считая знаѣность за полуду,
 Я знаю, что подъ ней есть ядъ.
 Искать ли злапа въ чинѣ маломъ?
 Я вижу, кто нашелъ и кладъ,
 Тотъ мертвымъ ослѣпленъ мешалломъ,
 Забылъ живыхъ своихъ друзей.
 О нѣтъ! . . . блаженъ, кто въ жизни сей
 Доспашкомъ средспвеннымъ доволенъ!

Умѣренность ! наставникъ мой !
 Съ тобой здоровъ я, щасливъ воленъ !
 Живи, мой другъ, живи со мной !
 Твои жестокіе уроки
 Мерзвяшъ пѣвнищельны пороки !
 Съ тобой добре человекъ.
 Но съ чѣмъ сравню тѣ дни блаженны,
 Когда съ тобой кто въ крашкѣй вѣдъ
 Питаешъ и воспоргъ священный,
 И духомъ къ небесамъ паритъ !
 Тому средь горести, несчастъ,
 Какъ солнце часто сквозь ненастья,
 Утѣха и въ слезахъ блещетъ.
 Исполненъ творческою силой,
 Въ темницѣ тѣсной и унылой
 Себѣ онъ свѣтлый перемъ зрѣтъ.

Вдохни мнѣ, лира, прежнее счастье ;
 Вдохни твой жаръ, твое согласье !
 Мой духъ, среди весеннихъ дней,
 Убитый участью моею,
 Съ тобой въ согласіи разыграетъ.
 Огню и камень уступаетъ :
 Сильнѣе гласъ твой всѣхъ огней.

Я не ищу той пышной славы,
 Которую небесъ устави
 Храняшъ для избранныхъ сердецъ,
 Чтوبъ громъ изъ устъ моихъ блистая
 И блескомъ міры наполняя,
 Изъ молній мнѣ создалъ вѣнецъ ;
 Но мысли къ сердцу обращая,
 Хочу, чтобъ рѣчь моя просная,
 Какъ токъ прозрачный по пескамъ,

Межъ Рускихъ береговъ сверчала ,
И мирный путь къ честнымъ сердцамъ
Моихъ соотчичей склоняла.

Когдабъ средъ роскоши , забавъ ,
Запашы пышныя порфиры ,
И ароматы рѣдкихъ травъ ,
Меня блаженствомъ награждали :
Могло бы быть , что средъ *опправъ*
Мои и чувства засыпали.
Но естли учасши законъ
Назначилъ , чтобъ единый сонъ
Такими льспилъ меня мечтами ;
И ежели ходишь пѣшкомъ .
И въ снѣгъ , и въ слякоть , въ дождь и громъ ,
Я осужденъ подъ небесами ;
Какъ всяка пища за столомъ
Сладка мнѣ съ другомъ и пріятна :
За чтожъ , о лира *благодатна* !
Тобою другъ оставленъ пивой ?
Блаженъ я буду въ вѣкъ съ тобой !
Съ тобой безъ денегъ , безъ кареты ,
Въ небесные поѣду свѣты —
Любовью напоенъ святой ,
Я смертной жизни быспры лѣтъ
Оспановлю пивоей струной
И дубъ , что время презирая ,
Вершину кроетъ въ небесахъ ,
А корнемъ землю облекая ,
Стоитъ недвижимо въ вѣкахъ —
И потъ падетъ — онъ бурей лютой
Быть можеть сорванъ съ корня въ мигъ —
Быть можеть , что одной минутой
И я лишусь друзей моихъ ! . . .

Но ты и смерти не причасна —
Смерть самая съ побой прекрасна.

Какъ добрые мои друзья
На гробъ мой мрачной соберутся —
Сердечны слезы ихъ прольются,
Вспомня, что живаль и я —
То изъ земли съ тобою, лира,
Возстанешь къ нимъ любовь моя,
И въ видъ тонкаго зеира,
Ихъ души тронешь рѣчь своя.

LCIX.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ III книги Потеряннаго Рая.

Хвала, о Музы, вамъ! я зрѣлъ селенья звѣзды,
Безспрашно нисходилъ въ подземны адски
бездны;
Дерзаю вновь парить въ священной Эмпирей,
Въ пространство вѣчное лазоревыхъ полей.
Хочу я небо зрѣть, сей новый мѣръ блаженный,
Свѣтиломъ золотымъ согрѣтый, озаренный.
И се, я чувствую огонь лучей его,
Но свѣтъ угаснулъ ихъ для взора моего:
Звѣзды тусклыя во тмѣ ночной вращаю,
И щежно средь небесъ я солнце зрѣть желаю.
Увы! не посѣтишь оно моихъ очей,
Мой не увидишь взоръ злыхъ его лучей!

Но ты мой вѣрный другъ, божественная Муза!
 Ты не прервешь со мной священнаго союза;
 Не перестанешь гласъ мой слабый оживлять,
 Когда я буду пѣснь свящую воспѣвать.
 Скинаясь по горамъ, до облакъ вознесеннымъ,
 Среди густыхъ лѣсовъ, по берегамъ зеленымъ,
 Не наслаждаюсь я уже ихъ красотой,
 Въ одномъ безмолвіи бесѣдую съ тобой.

Мѣста, живившія мой томный духъ смущен-
 ный,

Гора Сіонская, и ты ручей священный,
 Что при стопахъ ея такъ сладостно журчишь,
 И чистую лазурь между цвѣтовъ капишь, —
 Васъ часто, о мѣста! и съ Музой посѣщаю,
 О мужи славные, васъ часто призываю!
 Слѣпцы, живущіе во громкихъ звукахъ лиръ,
 Тирезій, Тамирисъ, божественный Омиръ!
 Однимъ несчастіемъ я съ вами только равенъ,
 Но ахъ! подобно вамъ — почто и я не сла-
 венъ? . . .

Такимъ мечтаніемъ духъ слабый напичавъ,
 И силу новую воображенію давъ,
 Вселенной чудеса я съ Музой воспѣваю,
 И огонь души моей въ сихъ пѣсняхъ изливаю: —
 Такъ скромный соловей, въ ночный безмолв-
 ный часъ,
 Сокрывшись въ мракъ лѣсовъ, лѣтѣ свой слад-
 кій гласъ.

И годъ, и день, и ночь — все снова возро-
 дится;

Но для очей моихъ свѣтъ дня не возвратился;
 Мой взоръ не отдохнетъ на зелени холмовъ,
 Весна моя безъ росы, и лѣто безъ плодовъ.

Увы! я не узрю ни синихъ водъ безмѣрныхъ,
 Ни ушренныхъ лучей, ни пурпуровъ вечернихъ,
 Ни богомужного и кроткаго лица,
 Въ чертахъ котораго зримъ образъ мы Творца:
 Вопще красуются цвѣтовъ различны роды,
 Исчезли для меня всѣ прасоты природы;
 И небо и земля покрылись страшной тѣмой,
 И книга дивная закрылась предо мной,
 Все пусто-вѣчною, все ночью поглотилось,
 И солнце для меня на вѣки закатилось! —
 Простите навсегда науки и шруды,
 Сокровища искусствъ, и мудрости плоды!
 Сокровищемъ искусствъ я больше не плѣнюся,
 Плодами мудрости уже не наслаждаюсь —
 Все скрыла ночь! — но ты, любимица небесъ,
 Сиди на помощь мнѣ, разпоргни мракъ очесъ,
 Всего ты озари меня огнемъ небеснымъ,
 И не остануся въ попомствѣ безбизвѣстнымъ,
 Опирывъ безтрепешно въ священной пѣсни
 сей
 Сокрытое до днесъ опѣ смертнаго очей.

Гнѣди чѣ.

КЪ XVIII СТОЛѢТІЮ.

О вѣкъ чудосностейъ, ума, изобрѣшеній!

Позволь пылинкѣ предъ побой,

На мѣсто жертвоприношеній,

Съ благоговѣніемъ почтитъ тебя хвалою!

Которой вѣкъ достигъ толь лучезарной славы?

Въ тебѣ исправились испорченные нравы;

Въ тебѣ открылся пушъ свободный въ храмъ
наукъ;

Въ тебѣ родилися Вольтеръ, Франклинъ и
Кукъ,

Румянцевы и Вашингтоны;

Въ тебѣ и естества позналися законы;

Въ тебѣ щастливѣйши Икары, презря страхъ;

Полетѣ свой къ небу направляють;

Въ воздушныхъ спранспвуютъ мѣрахъ,

И на землѣ опять безъ крылъ себя являютъ.

Но паче мнѣ всего пріятно помышлять,

Что начали въ тебѣ и деньги ужъ лепашъ.

О чудо! о мои прапращуры почтенны!

Повѣрите ли въ томъ вы внучку своему,

Что мѣдъ и злато, ставъ въ бумажку пре-
вращенны,

Лепяшъ чрезъ тысячу и больше верстѣ къ
нему?

Онъ шлѣнный лоскутокъ бумаги получаетъ

И вдругъ отъ всѣхъ заботъ себя освобождаетъ.

Уже и Шмишовъ онъ съ шерпѣнемъ сноситъ
взоръ;

Не слышитъ совѣсти докучливой укоръ;
 Не видитъ болѣе въ желаніяхъ препоны:
 Пьетъ кофе, можетъ бѣспъ чрезъ часъ и ма-
 кароны.
 Ф.

СІ.

О Т В Ѣ Т Ъ

НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ.

Нешасливый пѣвецъ таламъ стиховъ оспа-
 вилъ;
 Хочу въ молчаніи плѣняться я побой.
 Красавицъ воспѣвать нѣтъ пользы никакой,
 Безумный обольсая Элизы красотой,
 Я нѣкогда, Элизу славилъ;
 Но я лишь пѣлъ ее, а щасливъ былъ другой.
 В.

СП:

Э П И Т А Ф І Я.

Россійской Діогенъ лежипъ подъ сею кочкой;
 Тотъ въ бочкѣ прожилъ вѣкъ, а нашъ свой
 прожилъ съ бочкой.
 В.

Э П И Т А Ф И Я

Аристия гробъ ты здѣсь, прохожій, видишь;
 Не говори: Богъ съ нимъ! ты Бога тѣмъ
 обидишь.
 В.

CIV.

М О Я Т А Й Н А.

Вамъ странно, отъ чего во всю я жизнь мою
 Такъ веселъ. Вашъ секретъ: *вчера* дарю заб-
 венью;

Веселю *изъище* опдаю;
 А *завтра* Провидѣнью!

А.

CV.

К Ъ Л А У Р Ъ.

(Въ день ея рожденія.)

Вчера, въ тѣни древесъ, какъ пихой сѣтъ
 луны

Долины серебрилъ дрожащими лучами;
 Дремалъ спокойно я; вокругъ меня полнами

Часть V.

II

Носились благошворны сны.

Вдругъ въ тихомъ вѣяннѣ душистаго зефира
Слетѣвъ Киприды сынъ съ лазурнаго эфира,
И лиру стройную съ улыбкой мнѣ вручивъ,
Сказалъ: о юноша! познай, сколь ты счастливъ!
Тебѣ назначилъ я Лауры пѣшь рождение,
Лауры, коей даръ сердцами управляй;
Ахъ! какъ другимъ дышать, такъ ей легко
пѣвнѣ!

Всѣхъ прелестей она соединенье!

„Такъ мнѣ ли пѣшь ее? сказалъ Эропу я;
Пріятны для весны лишь пѣсни соловья,
Лауру прославлять богъ долженъ пѣснопѣнъ!“
Но ктожъ не слушать могъ Эропова велѣнъ?
Изъ рукъ безсмертнаго я робко лиру взялъ,
И пѣшь тихонько спалъ;

Лауры, боги! дни продлите;
Во всемъ вы были щедры къ ней,
Ее и въ счастья утвердите;

Да мирно жизнь ведешь, безъ горькихъ, мрач-
ныхъ дней,
Какъ роза, другъ весны, подъ шайной рощи
сѣнью,

Не знаа бурныхъ непогодъ,
Отъ зноя скрывая гостепрѣимной пѣнью,
Цвѣтешъ въ спокойствіи на брегахъ ясныхъ водъ.
Еще моей мольбѣ внимайте:

Скорѣ къ намъ въ Москву Лауру возвращите!

. . . . В. . . .

CVI.

КЪ ПОРТРЕТУ Б. ***

Великой человекъ и духомъ и дѣлами!
Тебѣ подобные рождаются лишь вѣками.

CVII.

ИСТОРІЯ ЛЮБВИ.

Любовникъ въ первый день признаньемъ забавляеиъ;
На завтре, говоряиъ, несносно докучаетъ!
На ипретій, слушаюиъ не поднимая глазъ;
Въ четвѣртый, съ робостью отказъ;
На пашый, слабое упорство и смяиъе;
Въ шестой, ни да, ни нѣтъ, и страхъ и сожалѣиъе;
Въ седьмой безъ головы,
Въ осьмой — увы!

ДМИТРИЕВЪ.

CVIII.

ВОПРОСЪ И ОТВѢТЪ.

„Все призракъ, все мечта на свѣтѣ:
 За чѣмъ же въ свѣтѣ мы живемъ?“ —
 Другой есть свѣтъ у насъ въ предметѣ,
 Гдѣ истину одну найдемъ.

CIX.

СИЛА ДРУЖБЫ.

Естьлибъ мнѣ когда сказала
 Та, кто жизни мнѣ милѣй:
 Ты другъ Розѣ, я слыхала,
 Не терплю я дружбы съ ней!
 Ты мнѣ милѣ, ты мной пылаешь;
 Коль руки моей желаешь,
 Съ Розой дружбу разорви:
 Вошѣ цѣна моей любви! —
 Я скажу въ отвѣтъ любезной:
 Коль не буду твоей супругъ,
 Я умру съ тоски конечно,
 Но умру я — Розѣ другъ.

СХ.

КЪ Е. С. О.

Мой слабый стихъ ее достойно не прославитъ:
 Она отъ всѣхъ похвалъ, сравненій далека. —
 Художникъ, зря ее, рѣзецъ и кисть оставитъ:
 И Рицоръ и Пѣимъ при ней безъ языка.

Нелединскій.

СХІ.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Красавицъ шма для глазъ;
 Для сердца иѣтъ и двухъ на свѣтъ.
 Глаза тебя найдутъ межъ многихъ въ пер-
 вый разъ;
 А тамъ, пы ужь всегда у сердца на примѣтъ.

Нелединскій.

ИСТОЧНИКЪ.

ПЕРСИЯНСКАЯ ИДИЛЛІЯ.

Буря умолкла, и въ ясной лазури
 Солнце явилось на западѣ къ намъ!
 Мушный источникъ, слѣдъ яростной бури,
 Съ ревомъ и съ шумомъ бѣжитъ по полямъ!
 Зафна, приближся: для дѣвы невинной
 Пальмы подъ тѣнью здѣсь роза цвѣтетъ;
 Падая съ камня источникъ пустынной
 Съ ревомъ и съ пѣной сквозь дебри шепчетъ!

Дебри ты, Зафна, собой озарила;
 Сладко съ тобою въ пустынныхъ краяхъ!
 Пѣсни любви ты мнѣ повторила;
 Вѣтеръ унесъ ихъ на тихихъ прилахъ!
 Голосъ твой, Зафна, какъ ушра дыханье
 Сладостно шепчетъ, несясь по цвѣтамъ;
 Тихе, источникъ! прерви волнованье,
 Съ ревомъ и съ пѣной стремись по полямъ!

Голосъ твой, Зафна, въ душѣ отозвался.
 Вижу улыбку и радость въ очахъ!
 Дѣва любви! — я къ тебѣ прикасался,
 Съ медомъ пилъ розы на влажныхъ устахъ!
 Зафна краснѣешь? ... о другъ мой невинный!
 Тихо прижмися устами къ устамъ!

Гдѣ лютей знобилъ всѣхъ морозъ;
 А я лежалъ средѣ нѣжныхъ розъ
 И ароматомъ ихъ питался;
 И гдѣ въ замерзломъ ручейкѣ
 Видался каждый день съ Наядой;
 Гдѣ кустъ, береза вдалекѣ
 Казались мнѣ Тамадріадою;
 А дякѣ, иди и самъ судья
 Какой нибудь Цирцей жершвой.
 Ахъ, какъ въ тебѣ былъ счастливъ я!
 Бывало и живой и мершвой
 Равно повиновались мнѣ,
 И я, не выходя изъ дому,
 Чудесилъ такъ, что врядъ другому
 Увидѣть даже и во снѣ.
 Лишь мѣсяцъ лихъ уснавивъ въ воду
 И свѣшлу швердъ застелешъ мракъ —
 То ешь, какъ ночь на всю природу
 Накинешъ флеровый колпакъ —
 Съ восторгомъ я въ тебѣ вступаю,
 И какъ могучій чародѣй,
 Натурою повелѣваю:
 Хочу, и зрю толпы людей,
 За *придесять* земель лежавшихъ
 Два вѣка въ мать-сырой землѣ,
 Въ ихъ прежнемъ образѣ представшихъ
 Глазѣ моимъ въ прозрачной мглѣ.
 Вдохну, и вижу я Темиру,
 Въ ея обѣщаніи лечу,
 И въ потѣ же мигъ, налади лиру,
 Что придетъ на сердце, бренчу.
 Еще вдохну, и въ мигъ предстанешъ
 Покрывающій муравою дугъ;
 Съ улыбкой нѣжной солнце взглянешъ,

Вспорхнешь Зефиръ, ливнись другъ
 Съ своею арфой сладкогласной,
 И Маю возгласишь на ней: —
 „Спѣщи, спѣщи, о Май прекрасной,
 Любезный вождь весеннихъ дней!
 Дохни къ намъ нѣжными устами,
 И ландышь съ розой разцвѣтнуй;
 Тебя съ простертыми руками
 Прелестны Нимфы съ неба ждуть.“ —
 Но время, хоть нѣчто не просишь,
 На быстрыхъ крылѣхъ своихъ
 Мечты, утѣхи всѣ уносишь,
 И я почти лишенъ моихъ!
 Необходимую судьбою,
 Ахъ! скоро, скоро я съ тобою
 Разстануся, волшебный мѣръ!
 Пройдешь недѣли дѣв, не болѣ,
 И я уже на чистомъ полѣ
 Лечу на тройкѣ, какъ зефиръ!
 Удалы мчатъ закинувъ гривы,
 Земля бѣжитъ, и пыль столпомъ! —
 Прощайте, дни мои щастливы!
 Прощай, отеческой мой домъ!
 Прощайте, Граціи и Музы!
 Увы! невольно сладки узы
 Я долженъ съ вами перервать. . . .
 Прощай, прощай и ты, о Волга! —
 О Марсѣ! о чести! о святость долга!
 Скачу, скачу . . . *маршировать.*

ДМИТРИЕВЪ.

CXIV.

ЭКСПРОМТЪ.

Какое щастіе, Пльнира, бышь съ побою!
 Но какъ опасно имѣ себѣ и сердцу льстить!
 Ты можешь власъ любви взятьъ потчасъ надъ
 душою;
 Но можешь ли сама любить?

К. Шаликовъ

CXV.

ЭПИГРАММА.

Лаира фениксомъ однажды названа
 Въ стихахъ моихъ; вошъ смыслъ: она
 Останется на вѣкъ одна
 За тѣмъ, что съ красотою душа ей не дана!

К. Шаликовъ.

Повѣрь, о Ниса! мнѣ — романы
Одни прелестные обманы:
Какъ можно вѣкъ одну любить?
Мы грѣшны — любимъ перемѣну!
Здѣсь все должно *на время* быть!
За чтожь клинешь мою измѣну,
Въ досадѣ, другъ бывалый мой,
Что я любилъ тебя сердечно
Лишь двѣ недѣли — а не вѣчно?
Увы! же долѣ весной
Цвѣтетъ и роза, другъ Зефира!
Теперь другаго ты пѣни!
Когдажь наскучитъ мнѣ Темира,
Я вспомню тѣ счастливы дни,
Которые провелъ съ тобою;
Опять пѣнюсь твоей красою,
И снова, Ниса, всей душой
На мѣсяцъ, на два буду твоей!

В.

СЦЕНЫ ИЗЪ СЕМИРЫ.

Оле́гъ, Ростисла́въ, Семи́ра, Оско́льдъ,
 котора́го ве́дутъ два изъ его́ вои́новъ.

С Е М И Р А.

Прежалоспи́и́йши́й ви́дъ! смерте́льный се́рдцу
 я́дъ!

Нещасна́я се́стра! * возлюбе́нный мой бра́тъ!
 (* Бро́сается къ Оско́лду.)

О с к о л ь д ь.

Не возвра́тишь ме́ня ни плаче́мъ, ни по́скою:
 Спокойся ты; а мнѣ опше́рста две́рь къ поко́ю.
 Не плачь и обо́дрись.

С Е М И Р А.

Могу́ль не плака́ть я?

О с к о л ь д ь О́легу.

Тебѣ́ дала, Оле́гъ, побѣ́ду ча́сть швоя́,
 А мнѣ́ моя́ судьба́ опше́рзла две́ри гроба́;
 Должна́ прекра́щена́ те́перь бы́ть на́ша злоба́.
 Буди́, къ плѣ́ннымъ ми́лоспи́въ, опда́й свобо́ду
 имъ,

И храбро́й сей наро́дъ сое́дини съ́ своимъ.
 Руча́юсь за нихъ! вѣ́рь мнѣ́ и бу́дь въ наде́ждъ,
 Что́ будуще́ такъ служи́ть, какъ мнѣ́ служи́-
 ли́ пре́жде.

Щедро́та къ плѣ́нникамъ е́сть выше́ всѣ́хъ
 побѣ́дъ,

И милосердія ни что не превзойдетъ.
 Пльняешь и тиранъ, когда судьба угодно;
 А милостивымъ бышь герою только сродно.
 Хотя сей горькій часъ, что зрюся я въ пльну,
 И что зрю свѣтъ еще спонадъ, и клянущу;
 Но естли мнѣ не бытъ прося оприновеннымъ,
 Я сей поставлю часъ часомъ благословеннымъ.
 Исполни побѣдивъ прошеніе мое.

О л е г ъ.

Исполнился, Оскольдъ, желаніе швое.
 Когдабъ и въ живощъ швоемъ Олегъ былъ во-
 ленъ;
 Хотябъ не царствуя, ты не былъ имъ дово-
 ленъ;
 Я всѣ бы способы къ тому употребилъ.
 Какъ много гналъ тебя, такъ много я любилъ.
 Достоинъ въ гордости ты былъ жеспокой казни,
 А днесь достоинъ ты всея моей пріязни.
 Но поздно въ жалости тоненья предложить.

О с к о л ь д ъ.

Я больше не могу и не желаю жить;
 Доволенъ, что народъ не въ узахъ оставляю,
 Что честь мою и ихъ отъ ига избавляю.

(Ростиславу, указывая на Семиру.)

Ее вручаю я, любезный другъ, тебѣ.
 Ты ей желаешь благъ, колико самъ себѣ.
 Вънчайше жаръ сердецъ, живите неразлучно,
 Въ согласіи, въ любви и въ вѣкъ благополучно.
 Забудьте горести, которые прошли;
 И веселишесь, вы щастіе нашли;
 Стенаньемъ радости своей не разрушайте,
 И только иногда меня воспоминайте.

Р о с т и с л а в ъ.

Когда ты смертію отъемишься у насъ,
 Я радости своей не чувствую въ сей часъ.
 Коликимъ горестямъ подвластны человеки!
 Прости, любезный другъ, прости мой другъ
 на вѣки!

О с к о л ь д ъ Семирѣ.

А ты, сестра моя, не плачь, не плачь о мнѣ;
 Но защищай людей въ родительской странѣ,
 Которы съ таковою намъ вѣрностью служили,
 И кровь свою за насъ со всей охотою лили.
 Предстательствуй за нихъ мой духъ
 отходитъ прочь,
 И шьмитъ въ очахъ моихъ лучъ солнца вѣч-
 на ночь.

Прости.

С е м и р а.

О боги!

О с к о л ь д ъ.

Ахъ! не рвись. . . .

CXVIII.

К Ѣ Р Ъ К Ъ Т А Л А Ж Н Ъ.

Восторгомъ сердце упоенно
 Трепещетъ въ радости своей.
 Журчанье слышу я премѣнно,
 И вижу блескъ волны швовой,
 О рѣчка крошкая, родналъ!
 Пивоцефъ швой, любовой вздыхалъ,

Пришелъ къ тебѣ съ спраны чужой.
 Постой . . . вдохни твоимъ журчаньемъ
 Согласну рѣчь съ твоимъ блистаньемъ,
 И пошеки съ моей слезой!

Я помню дни мои молодые,
 Когда въ твоихъ златыхъ пескахъ
 Часы свободы золотые
 Текли при радужныхъ струяхъ.
 Тогда, о рѣчка дорогая!
 Я сладкой крошестью твоей
 Невинный духъ мой услаждая,
 Въ подсолнечной съ тобой играя,
 Пилъ счастье изъ твоихъ зыбей.
 Я не забуду вѣкъ завидный
 Въ твоихъ зеленыхъ берегахъ;
 Какъ солнце шаръ свой златовидный
 Купало въ голубыхъ волнахъ.
 Тогда, побою прохлажденный,
 Качаясь въ ароматѣ травъ,
 Подъ шумъ крылатыхъ мухъ премѣнный,
 Я спалъ средь поля — и забавъ.
 Я спалъ въ невинныхъ лѣсахъ, нѣжныхъ,
 Какъ богатырь въ сѣни какой,
 Свободенъ, и безъ думъ мятежныхъ.
 Кто могъ, и чѣмъ прервать сонъ мой?
 Мой шлемъ тогда былъ воздухъ синій;
 Мой щитъ — младенца видъ невинный,
 А члены здравые — мой конь.
 Могла ли спросить нищась мною?
 Я тамъ свободенъ былъ душою,
 Какъ въ вѣтеръ на поляхъ огонь.
 И нынѣ, другъ мой постоянной,
 Ты также весело журчишь;

И нынѣ на зарѣ румяной
 Въ рубинахѣ, въ золотѣ горить.
 Луга зелены за тобою
 Идушѣ, люблюся красою,
 Во слѣдѣ свергающимѣ волнамѣ;
 Сребристы ивы берегами
 Спойшѣ передѣ тобой рядами:
 Подвижный щипѣ твоимѣ водамѣ!
 А я — о грусть! о рокѣ прескитанный,
 Едва возросѣ средѣ отчихѣ рукѣ —
 Лишь мнѣ любви дитя румяный
 Далѣ слышать лиры сладкій звукѣ —
 Предстали спрасити мнѣ полною,
 И ослабля меня мечтою,
 На разумѣ ополчились мой.
 Возпрепешало сердце нѣжно,
 И какѣ за щасьемѣ безмятежно
 Пошелѣ я въ мракѣ за суетой.
 Во мракѣ, гдѣ тоска являла
 Спруею огненный мнѣ путь,
 Душа моя прохладѣ искала!
 Свободно думалѣ я вздохнуть,
 Гдѣ жажда, жарѣ меня снѣдали!
 О естѣлибѣ въ пѣжкѣ сей печали
 Хоть капля чистыхѣ водѣ твоихѣ
 Уста изсохши прохладила!
 Она бы умѣ мой просвѣтила
 Между спрасшей сражаться злыхѣ.
 Ты продолжаешь путь свободно
 И сквозь лѣса и по кремнямѣ;
 Тебѣ смущать свой токѣ не сродно:
 Упорѣ — лишь красота волнамѣ.
 Когдажѣ со всей твоей красою
 Окована самой зимою,

Въ темницѣ хладной ты живешь:
И шумъ на рокъ ты не пеяешь,
Но подъ оковами играешь
И къ счастью полному течишь.

N. N.

СХІХ.

Л И Л Е Я.

Я вижу шамъ лилею:
Ахъ! какъ она бѣла,
Прекрасна и мила!
Душа моя плавилась ею.
Хочу ее сорвать,
Держать въ рукахъ и цѣловать; —
Хочу — но рокъ меня съ лилеей разлучаетъ:
Ахъ! бездна между насъ зѣлетъ!...
Тоска терзаетъ грудь мою;
Спою печально, слезы лью.

Взираю издали на пѣжную лилею —
Она сопворена бытъ, нажется, моею,
И тихой вѣтерокъ
Ко мнѣ склоняетъ шебелѣкъ
Ея зеленой, изумрудной;
Ко мнѣ же обращенъ и обленькой цвѣшокъ,
Головка снѣжная, но мнѣ... но рокъ
(Жестокой, безразсудной!)
Сказалъ: она не для тебя!

Часть V. Р

Увянуть не съ твоей слезою;
 Другой сорветъ ее холодною рукою,
 А ты . . . смотри, терзай себя!
 О Лиза! я съ тобою
 Душей дѣлился сотворенъ,
 Но бездной разлученъ!

КАРАМЗИНЪ

СХХ.

СТАРЕЦЪ И ОТРОКЪ.

Болѣзнью Старецъ изнуренный
 У вѣпхой хижины лежалъ;
 Едва дыханьемъ облегченный;
 Спрадалъ, но спраждущъ не стеналъ,
 Безмолвно устремляя очи
 Съ одною слабою слезой
 Къ востоку, гдѣ сѣвось тѣни ночи
 Прокрадывался свѣтъ дневной.

Въ шагъ отъ Старца Отрокъ милый
 Игралъ въ тѣни — и пересталъ:
 Смотрѣлъ на видъ его унылый
 И самъ съ собою разсуждалъ:
 Ахъ! можетъ ли сей Старецъ нищій,
 Влача жизнь томно въ шалашъ,
 Лишенный можетъ быть и пищи,
 На небо не роишась въ душѣ? . . .
 Но Отрокъ съ симъ послѣднимъ словомъ

Встрѣчаешь Спарцевъ тихій взоръ,
 И въ любопытствѣ, сердцу новомъ,
 Онъ съ нимъ вступаешь въ разговоръ:
 Что дѣлѣшь тебѣ? — „Второй десятокъ
 За полный вѣкъ ужъ перешелъ.“ —
 Чѣмъ заняты днѣй твоихъ остатки? —
 „Воспоминаньемъ добрыхъ дѣлъ.“ —
 — Но есть ли у тебя семейство? —
 Я пережилъ моихъ дѣшей. —
 Жена? — „Ужъ нѣтъ.“ — Друзья? сосѣд-
 ство?
 „Давно оплакалъ всѣхъ друзей.“ —
 Богаты ли домъ твой? — „Подаяньемъ.“ —
 Ты дряхлѣ и слабѣ? — „Лишенъ и ногъ.“ —
 Ахъ! чпожь живущему спрдааньемъ
 Тебѣ оспалось въ помочь? — „Богъ.
 Къ нему ужъ руки проспираю,
 Съ исплѣвнимъ посохомъ моимъ,
 И благъ небесныхъ ожидаю,
 Простясь со щастіемъ земнымъ.“

ИЗМАЙЛОВЪ.

СХХІ.

СУПРУЖНЯЯ МОЛИТВА.

Одинъ предобрый мужъ имѣлъ обыкновенье,
 Вставая ото сна и опхотя ко сну,
 Такое приносилъ моленье:
 Хранишь, Ангелъ мой! спаси мою жену!
 Не дай упасъ ей въ искушенье!
 А елики уже я... не дай про то мнѣ знать!
 А елики знаю я, то дай мнѣ не видашь!
 А елики вижу я, даруй шы мнѣ перлѣны!
 ДМИТРИЕВЪ.

СХХІІ.

ГОРЕСТЬ
МАЛЕНЬКОЙ ПАСТУШКИ.

Пр о х о ж і й.

Что такъ спойшь въ поляхъ уныло,
 О чемъ грустишь пастушка, шы?
 Лишилась ли овечки милой,
 Подсѣкъ ли жнецъ твои цвѣты?

П а с т у ш к а.

Ахъ! нѣтъ; моя овечка въ стадѣ;
 Ее собачка бережеть;
 Но дафнисъ отъ меня, въ досадѣ,
 Вѣнка въ подарокъ не беретъ.

М.

СХХІІІ.

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ.

Посвящено друзьямъ.

Выль други, выль ояшь со мною
 Подъ тѣнью пополей густою,
 Сь златыми чашами въ рукахъ,
 Сь любовью, сь дружбой на устахъ?
 Други! сядыте и внемлите
 Музы ласковой совѣтъ:
 Вы счастливо житье хошите,
 Средь весеннихъ вашихъ лѣтъ? —
 Огонитежь призракъ славы,
 Для веселья и забавы
 Сбейте розы на пущи;
 Скажемъ юности: лепи!
 Жизнью дай лишь насладишься,
 Полной чашей радость пишь.
 Ахъ! не долго веселишься
 И не вѣки въ счастья жить!...

Но вы, о други! вы со мною
 Подъ тѣнью пополей густою,
 Сь златыми чашами въ рукахъ,
 Сь любовью, сь дружбой на устахъ...
 Станемъ, други, наслаждашься,
 Станемъ розами вѣнчаться,
 Пишь изъ чаши золотой
 Сь Нимфой рѣзвой и молодой.
 Ахъ, обнимемся руками,
 Сведемъ уста съ устами,

Душу мы съ душой сольемъ ,
 На устахъ ее . . . умремъ ! —
 Выль други; выль опять со мною ;
 Подъ тѣнью пополей густою ,
 Съ златыми чашами въ рукахъ ,
 Съ любовью, съ дружбой на устахъ?

Я , любовью упоенной ,
 Васъ забылъ , мои друзья !
 Какъ сивозъ облакъ вижу темной
 Чаши золотой края . . .
 Лиза розою пылаешь ,
 Грудь любовію полна ,
 Улыбаясь наливаетъ
 Чашу свѣтлаго вина . . .
 Мы попопимъ горестъ нашу ,
 Други ! — въ эту полну чашу ;
 Выпьемъ разомъ и до дна
 Море свѣтлаго вина ! . .

Другья ! ужъ мѣсяцъ надъ рѣкою ;
 Почили рощи сладкимъ сномъ :
 Но намъ ли здѣсь иснать покою
 Съ любовью, съ дружбой и виномъ ?
 О радость ! радость ! Вахъ веселой
 Шампанскимъ чашу намъ нальетъ ;
 А шумъ въ одеждѣ легкой, бѣлой ,
 Ерацо нѣжная поетъ :
 „Часы крилашы не летите
 „И щастье мигомъ хощь продлите!“ —
 Но нѣтъ ! бѣгутъ счастливы дни ,
 Бѣгутъ , летятъ стрѣлой они !
 Ни лѣнь , ни счастья наслажденья
 Не могутъ ихъ сдержать стремленья ;
 И время сильною рукой
 Губитъ и радость и покой .

Луга веселые, зелены,
 Ручьи кристальные и садъ,
 Гдѣ мшисты дубы, древни клены
 Сплетающъ вѣчну тѣнь прохладъ! —
 Ужель васъ зрѣшь не буду болъ —
 Уже ли тамъ на рашномъ полѣ
 Судилъ мнѣ рокъ спомъ вѣчнымъ спать?
 Свирѣль и чаша золошная
 Тамъ будущъ въ прахъ исплѣвать;
 Покроешь ихъ права густая,
 Покроешь, и ни чей слезой
 Забвенной прахъ не окропится. . .
 Но должноль мнѣ о томъ крушиться? —
 Умру — и все умреть со мной.

Но вы еще, друзья, со мною
 Подъ тѣнью тополей густою,
 Съ златыми чашами въ рукахъ,
 Съ любовью, съ дружбой на устахъ! —

Башюшковъ.

СХХIV.

къ отсутствующей маминькѣ.

Любовь, изъ жалости къ моленіямъ моимъ,
 Не болъ какъ перомъ своимъ меня ссудила,
 Сказавши: „утѣшай себя въ разлукѣ имъ!“
 Я взялъ, и обмакнулъ теперь его въ чернила,
 И къ милой Маминькѣ пишу,
 А сердцемъ у любви все крылышекъ прошу!

СХХV.

Э П И Т А Ф И И.

Б р и г а д и р у.

Здѣсь Бригадирѣ лежишь, умершій въ позд-
ныхъ лѣтахъ, —

Вотъ жребій нашъ каковъ!

Живи, живи, умри, — и только что въ та-
зетахъ

Осталось: *выдыхалъ въ Ростовъ.*

В о и н у.

Прохожій, стой! во фронтъ! скинь шля-
пу, и чишай:

Я воинъ, граматы не зналъ за недосугомъ —

На право кругомъ!

Сступай.

Д М И Т Р И Е В Ъ.

СХХVI.

М А Д Р И Г А Л Ъ Д Р. И. Б Х Т Н.

Прелестна! я сказалъ, что ты не хороша;
Что одѣваться ты со вкусомъ не умѣешь;
Сказалъ, что ты ума ни капли не имѣешь;
Что сверхъ того еще дурна пивоя душа;
Сказалъ — а для чего? — я не запрусь и въ
этомъ:

Хошѣлъ, для рѣдкости, поспоришь съ цѣлымъ
свѣтомъ.

П. Сумароковъ.

СХХVII.

ОТВѢТЪ ПРІЯТЕЛЮ. . . .

Эвридикою прелестной
 Обожаемый Орфей
 Средь прохлады въ тѣни древесной
 Пѣлъ своихъ блаженство дней.
 Дикій звѣрь изъ дебри темной
 Исходилъ на лирный звонъ;
 Грозный Царь страны подземной
 Оставлялъ свой часто тронъ.
 Сладкій гласъ его внимали
 Камни, горы и лѣса;
 Воды шумъ свой укрощали,
 Преклонялись небеса:
 Молодой Сапиръ влюбленный
 Близъ Орфея въ рощѣ жилъ,
 И въ сраданьи дни влачилъ,
 Милой Нимфою презрѣнный.
 Въ горестной своей судьбѣ
 Онъ завидовалъ Орфею,
 Сладкой лирою своею
 Всѣхъ привлекающему къ себѣ.
 Вздумалъ онъ играть учиться,
 И свирѣлъ себѣ скропалъ.
 „Мнѣбѣ давно за умъ хватишься,
 Самъ себѣ Сапиръ сказалъ:
 Нимфа будетъ въ нашей волѣ.“
 Годъ учился, два и болѣ,
 И мечтая наконецъ,

Что искусный онъ пѣвецъ,
 Самъ себя усердно хвалишь;
 Только Нимфу не печалишь,
 Какъ уныло ни поешь.
 На соломенной свирѣли
 Какъ ни щипишься дѣлать трели,
 Нимфа все къ нему нейдетъ,
 Спирася и пѣсни презираешь
 И къ Орфею поспѣшаешь
 Слухъ свой лирой усладишь.
 Чтожъ онъ сдѣлалъ въ лютой часѣ?
 Раздробилъ свирѣль на части
 И не спалъ уже дудишь. —
 Еслили силы нѣтъ сравниться
 Съ лучшимъ въ пѣвнѣ пѣвцомъ,
 То чтобъ въ грязь не пачея лицомъ,
 Чтобъ на вѣкъ не осрамишься,
 Лучше передъ тѣмъ молчать,
 Кто умѣетъ всѣхъ прельщать.

 СХХVIII.

 Ж Е Л А Н І Я.

Родясь въ посредственной судьбѣ,
 Даровъ я щастья не желаю;
 Умѣренность! въ одной тебѣ
 Свое и щастье полагаю.
 Не лѣзя спокойствію купишь
 За всѣ сокровища вселенной;
 Въ душѣ — корыстью зараженной,

Оно во вѣкъ не можетъ быть,
 Когдабъ огромныя палаты,
 Гдѣ — средѣ веселія цѣшовъ,
 Вельможи крѣпкимъ сномъ обвяты;
 Когдабъ роскошныхъ блескъ пировъ,
 Когдабъ пѣхъ пышностей сіянье,
 Которымъ сжемъ мы фиміамъ,
 Смягчая жизни сей спраданце,
 Съ собой давали щастіе намъ:
 Форшунѣбъ спалъ я поклоняясь,
 Чтوبъ симъ блаженствомъ наслаждаться;
 Но стануль рабствовать предъ ней,
 Когда щедрошою своею
 Она лишь душу оправляетъ,
 И сердце — въ камень претворяетъ?
 Отъ бури уклонясь мірской,
 Съ побой, возлюбленный покой,
 Подъ кровомъ хижины смиренной,
 Въ судьбѣбъ и жилъ благословенной;
 Когда бы Лизанька моя,
 Которой сердце отдалъ я,
 Въ ней восхотѣла жить со мною!
 Съ твоей ли, Лизанька, душою —
 Въ семъ мірѣ развращенномъ жить?
 Гдѣ добрыхъ, умныхъ презираютъ,
 Мидасовъ пышныхъ величаютъ;
 Гдѣ сердцемъ надобно хитришь,
 Гдѣ въ глупость простоту вѣбляютъ;
 Гдѣ надобно обманъ любить! . . .
 Оставь, оставь сей свѣтъ несчастной,
 Предразсужденію подвластной:
 Приди — подъ кровъ спокойной мой;
 Приди — тебя сюда со мной
 Природа нѣжна призываетъ;

Она тебя лишь ожидаетъ,
 Излишь готовясь чащу благъ!
 Приди — и душъ Борей престанетъ,
 Сивозъ тучи Феба лучъ проглотитъ,
 Зефиръ повѣетъ на лугахъ.
 Изъ урнъ Наядъ ручьи прольются,
 Въ луга цвѣтухи понесутся;
 Но прелести твои узрѣвъ,
 Отъ удивленья онѣмѣвъ —
 Остановятъ свое печенье. . . .
 Приди — и нѣжной соловей,
 Сидящій съ милою своею,
 Твое услышавъ приближенъе,
 Веселымъ гласомъ возгремитъ,
 И твой приходъ здѣсь возвѣститъ.
 Приди — здѣсь вновь все оживится,
 Тобою все возвеселится.
 А я — тебя зри каждой часъ,
 Себя — и цѣлой свѣтъ забуду.
 Пускай и свѣтъ забудетъ насъ,
 Я тѣмъ благополучиѣ буду! . . .

СХХІХ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

На мраморное изображение Флой.

Конечно самъ Рашедъ изобразилъ здѣсь
Флою.

Такъ, Флоя! въ мраморѣ я вижу... эпо ты;
Онъ своего лица имѣешь всѣ чершы.
Съ симъ бюстомъ ты сходна и тѣломъ и
душою.

2.

Въ стихахъ своихъ Софронъ всѣмъ искрен-
но признался,

Что по поламъ свою онъ душу раздѣлилъ:
Часть другу, Хлоѣ же другую посвятилъ. —
Такъ вошъ онъ отъ чего самъ безъ души
остался!

Слѣпцовъ.

КЪ Д. И. Я.

Уснушь есть общій всѣмъ прев-
дѣль!

И томъ, кто къ небесамъ лезъ,
Кто мѣръ хопѣлъ зрѣшь подъ ногами; —
И томъ, кто гнѣвными судьбами
Былъ къ мрачной жизни осужденъ:
Всѣ, всѣ уснушь! сей сонъ блаженъ;
Блаженъ тому, кто правъ душою;

Кто лютою разясь судьбою,
Сердечныхъ чувствъ не продавалъ
За блескъ и суешный и плѣнный;
Кто міру слова не давалъ
Являть видъ рабскій ухищреннѣй,
Чтобъ пышныхъ достигнувъ чesтей,
Быть въ гнусной низости виднѣй.

Мы всѣ, всѣ брэнна праха чада;
Но онъ небесъ дана опрада
Всѣмъ тѣмъ, кто съ жизнью борясь,
Корысти, подлости чуждался,
Кто совѣсти и Богу клялся
Чинить въ вѣкъ священну съ ними связь:
Языкъ не многимъ сей поняшенъ,
Душъ лишь здравой онъ пріятенъ:
Она, внимая гласъ его,
Гласъ слышима друга своего.

Пусть души, ползущія въ шинъ,
Вращая лести мечъ въ устахъ,

Стряся медленно свой прахъ,
Мгновенно - блещущей судьбинѣ
Лишь съ тѣмъ жгучъ тучный вѣмѣтъ,
Чтобъ дымомъ симъ зашлестъ ей зрѣнье.
Сонъ страшенъ совѣсти врагамъ!...
Оставимъ ихъ... ихъ возвышенъ
Есть дщерей мглы, есть совѣ полетъ,
Не смѣющихъ взиранъ на свѣтъ.

Г Л И Н К А:

CXXXI.

НАДГРОБІЕ АЛЕКСАНДРУ ВЕЛИКОМУ.

Великій Александръ лежитъ въ гробницѣ сей.
Прохожій! опытъ зри превращенности вещей!
Я въ жизни славенъ былъ; меня всѣ богамъ
чтили;
Курили имѣямъ и жертвы приносили;
Дрожали всѣ Цари, всѣмъ смертнымъ я былъ
страхъ:
Теперь — мой гробъ чертогъ, а въ немъ
остался прахъ.

К. Ч.

Мечты! повсюду вы меня сопровождали,
И мрачной жизни путь цвѣтами устилали!
Какъ сладко я мечталъ на Гейдсбергскихъ по-
ляхъ,

Когда весь станъ дремалъ въ покое,
И ратникъ, опершись на копье спальное,
Смотрѣлъ въ туманну даль! — Луна на не-
бесахъ

Во всемъ величїи блистала,
И низкій мой шалашъ сквозь вѣтви освѣщала;
Аль свѣтлый чухъ спрую лѣнивую кашилъ,
И въ зеркальных водахъ являлъ весь станъ
и рожи;

Едва дымился огонь въ часы туманной ночи,
Близъ кущи ратника, который сномъ по-
чилъ.

О Гейльсбергски поля! о холмы возвышенны!
Гдѣ сполько разъ въ ночи луною освѣщенный,
Я въ думу погруженъ, о родинѣ мечталъ;
О Гейльсбергски поля! въ то время я не зналъ,
Что трупы ратниковъ устелютъ ваши нивы,
Что мѣдной челюстью громъ грянетъ съ сихъ
холмовъ,

Что я, мечтатель вашъ щасливый,
На смерть лезя противъ враговъ,
Рукой закрывъ тяжелу рану,
Едва ли на зарѣ сей жизни не увяну. — —
И буря дней моихъ исчезла какъ мечта! . . .

Оспалось мрачно воспоминање. . . .
 Между пропекшаго есть вѣчная черпа :
 Насъ сблизивъ съ нимъ одно мечпанье.
 Да оживлю теперь я въ памяти своей
 Сію ужасную минушу,
 Когда, болѣзнь вкушая люшу,
 И видя сто смертей,
 Боялся умереть не въ родинѣ моей !
 Но небо, внявъ моимъ моленіямъ усерднымъ,
 Взглянуло окомъ милосердымъ;
 Я, Нѣмень переплывъ, узрѣвъ желанный край,
 И землю лобызавъ съ слезами,
 Сказавъ : блаженъ спокрашъ, кино съ сельски-
 ми богами,
 Спокойный домосѣдъ, земной вкушаетъ рай,
 И шага не спуга за хижину убогу,
 Къ себѣ богиню быспроногу
 Въ молитвахъ не зовешъ !
 Не слѣдъ ко славѣ онъ любовью;
 Не жертвуетъ своимъ спокойствіемъ и кровью,
 Могила зримъ свою, и шихо смерти ждеши.

 Семейство мирное, ужель тебя забуду;
 И дружбѣ и любви неблагодаренъ буду ?
 Ахъ ! мнѣ ли позабышь гостепріимный кровъ;
 Въ сѣни домашнихъ гдѣ боговъ
 Усердный Эскулапъ божественной наукой
 Испоргъ изъ-подъ косы и дивно изцѣлялъ
 Меня, борющагося уже съ смертельной мукой ! . . .
 Уже ли я тебя, красавица, забылъ,
 Тебя, копорую я зрѣлъ передъ собою,
 Какъ ушибшителя, какъ Ангела добра !
 Ты, Геба юная, лилейною рукою
 Сосудъ мнѣ подала : пей заравь и любовь !

Тогда, казалось, сама Природа вновь

Со мною воскресала

И новой зеленью ввнчала

Долины, холмы и лѣса.

Я помню упрѣ то, какъ слабою рукою

Склонясь на костыли, поддержанный побою,

Я въ первой разѣ узрѣлъ цвѣты и деревья...

Какое щастіе съ весной воскреснуть ясной!

(Въ глазахъ любви еще прелестнѣе весна!)

Я, восхищенъ Природой красной,

Сказалъ Эмили: ты видишь, какъ она,

Разшоргнувъ зимній мразъ, съ весной ожи-

ваетъ,

Съ ручьемъ шумитъ въ лугахъ и съ розой
разцвѣщаетъ;

Чтобъ было безъ весны? ... подобно такъ и я

На упрѣ дней моихъ увялъ бы безъ тебя!

Тутъ грудь ея кропя горячими слезами,

Соединивъ уста съ устами,

Всю чашу радости мы выпили до дна. —

Увы! исчезло все, какъ прелестъ сладка сна!

Куда дѣвались восторги, лобызанья;

И вы, таинственны во тмѣ ночной свиданья,

Гдѣ заключа ея въ объятія моихъ,

Я не завидовалъ судьбѣ боговъ самихъ! ...

Теперь я съ нею разлученный,

Считаю скукой дни, цѣпь горестей влачу.

Воспоминанья! лишь вами окриленный,

Къ ней мыслю лечу;

И въ часъ полуночи туманной

Мечтой очарованной,

Я слышу въ вѣтерѣ, принесшемъ на прилахъ

Цвѣтовъ благоуханье —

Эмили дыханье.

Я вижу въ облакахъ
 Ее текущую воздушною спезею. . . .
 Разкинуты власы красавицы волною
 Въ небесной синевѣ;
 Вънокъ изъ бѣлыхъ розъ блистаетъ на главѣ
 И перси дышутъ подъ покровомъ. . .
 „Души моей супругъ!
 (Мнѣ шепчетъ горный духъ)
 „Тамъ въ теремѣ готовомъ
 „За свѣтлою Двиной
 „Увижуся съ тобой! . . .
 „Теперь прости“ — и я, обманушій
 мечшой,
 Въ восторгѣ сладостномъ къ ней руки про-
 стираю;
 Касаюсь ризъ ея. . . . и тѣнь лишь обнимаю!
 Б А Т Ю Ш К О В Ъ.

СХХХІІІ.

ЧТО ВО СНѢ, ТО И НА ЯВУ.

Вчера, предавшись покою,
 И сонный, занятый тобой;
 Я очутился въ небесахъ.
 Любовь съ улыбкою предстала,
 На образъ показала твоя;
 Люби, еще не досказала;
 А я уже пылалъ тобой.

В.

Тирсисъ всегда вздыхаетъ;
Онъ безъ увы строки не можетъ написать:
А пошлѣ, кому Тирсисъ начнетъ свой бредъ
 чищать,
Сперва швердитъ увы, а послѣ засыпаетъ.

B.

CXXXV.

КЪ ПОРТРЕТУ.

Разсуждаетъ онъ хоть туго,
Но въ немъ это мудрено:
Что онъ умничаютъ глупо,
А дурачишься умно.

Д А В Ы Д О В Ъ,

ВЕСЕЛОСТЬ.

Послѣ 9го Термидора, разрушившаго могущество Робеспьера и его сообщниковъ, когда всѣ Парижскія тюрьмы были опворены, увидѣли на стѣнахъ ихъ множество различныхъ надписей, въ коихъ несчастныя жертвы властолюбиваго тирана оплакивали жалкую свою участь. Одна изъ надписей особенностію своего содержанія обратила всеобщее на себя вниманіе. Въ ней споническая Философія, подѣ личиною Французской веселости, научаешь насъ терпѣливо сносить самыя ужасныя положенія жизни:

Какъ я сижу въ тюрьмѣ, уже тому два года.
За шалости мои наказанъ, видно, я.
О ты, преемникъ мой! какогобъ ни былъ рода,
Въ семъ мѣстѣ бѣдственномъ пускай судьба
моя

Послужитъ для тебя урокомъ справедливымъ!
Узнай: и въ сей тюрьмѣ ты можешь быть
щастливымъ;

Хотя въ ней прелестей уму, ни сердцу нѣтъ,
И лучшебъ я желалъ, средь рощей, на свободѣ,
Разсматривать цвѣты, растущіе въ природѣ,
Чѣмъ спѣны черныя, гдѣ чуть лишь бреж-
житъ свѣтъ;

Но если запертъ кто, тошъ въ выборъ непо-
ленъ,

А долженъ тѣмъ, что есть, повсюду быть
доволенъ.

Науки тайна сей ни мало не трудна :
Сказать ли вамъ ее ? — Веселость, вѣсть она !
Веселость можешь всѣ украсити намъ пред-
мѣты :

Она печальное прїидиымъ сотворишь ;
Лишенїе богатствъ, мїрскихъ суешъ расчисти,
Неволю самую забыть она велишь.
Не огорчаюсь я оковами моими,
Цѣпами какъ дитя брѣнча, смѣюсь надъ ними.
На шѣмъ же ли я гремушками игралъ
И прежде въ свѣтѣ семъ, гдѣ, скованный
спасшими,
Или раскаянїе, иль чувствъ обманъ встрѣ-
чалъ ?

Здѣсь болѣ не смятусь мїрскими суешами.
Заботы, скуку и опсаль изгналъ навѣкъ,
Что сполькихъ богачей терзаютъ мрачный
вѣкъ,

Въ шюрмѣ моей ничто крушитъ меня не
можешь :

Холодная стѣна, соломенная поспель,
Убогой мой нарядъ, и мышъ, котора въ щель
Прокравшись къ сонному, на мнѣ колпакъ мой
гложетъ —

Все то меня смѣшитъ. Напрасно изъ друзей
Собрались нѣсколько къ окну моихъ дверей
Стоятъ въ унынїи, нахмуряся совою,
И плакать заставлятъ хошишь мени съ собою ;
Я утѣшаю ихъ смѣясь, говорю :

„Друзья ! за вашу скорбь я васъ благодарю.
„Но можешь ли она мою смягчить судьбину ?
„Отворишь ли мнѣ дверь и спрашанный сей
замокъ,

„Котораго въ стѣнѣ я вижу половину ? —

„Безъ пользы сѣтовашь почти всегда порокъ.

„Отколь уйши не лѣзя, тамъ лучше оста-
вашся.

„Чуланъ мой не пригожь, я долженъ въ томъ
признаться;

„Въ немъ бронза, ни ковры не вспрѣтятся
глазѣмъ;

„Богатство здѣсь мое не ослѣпитъ собою:

„Но къ жизни нужное вы все найдете тамъ.

„Вотъ хлѣба мой кусокъ, и кружка водѣ съ
водою:

„Я съ ними съ голоду, ни съ жажды не умру.

„Въ стѣнѣ отверзшіе, какъ будто по неволѣ,

„Едва лишь воздуху даешь для входа поле;

„Но задохнувшись шумъ никакъ я не могу.

„Столъ эшотъ не пригожь, червями поизглоданъ;

„Но можешь мой обѣдъ на немъ всегда быть
подавъ.

„А спулъ сей, подъ собой при ножки лишь
храня,

„Хотя шапается, но держишь онъ мени.

„Когда шюремный спражь, и грубый и до-
кучный,

„Приносишь для меня престоу мой обѣдъ,

„Которому одинъ лишь голодъ вкусъ даешь;

„Когда ключей его я слышу звукъ прескучный;

„На вспрѣчу съ радостнымъ лицемъ къ нему
сѣшу,

„Учтиво кланяюсь, и въ мигъ его смѣшу.

„Отъ этого обѣдъ приносишь онъ вкуснѣе,

„И Церберъ для меня спановится добрѣе.

„Друзья любезные! въ злой, доброй ли судьбѣ,

„Украшайте жизнь свою веселости цвѣтами.

Теперь, преемникъ мой! скажу опять тебѣ;
 Учись, подобно мнѣ, смѣяться надъ бѣдами;
 И если нѣкогда ты будешь у дверей,
 Гдѣ смерть въ судилищѣ разишь косою же-
 лѣзной,
 Вспавъ, коль можешь, тамъ смѣяться ты
 судей;
 Тогда и приговоръ дадутъ тебѣ полезной.
 Съ покоемъ здѣсь живи. Чуланъ остави сей,
 Охотно промѣнюсь жилищемъ симъ съ побою.
 Оно въ жары тепло и холодно зимою.
 Но если ты когда захочешь какъ-нибудь
 Сыскать на улицу отсюда тайный путь,
 Певръ мнѣ, весь твой трудъ останется на-
 прасенъ;
 Здѣсь пѣвникъ можетъ быть на вѣки бед-
 опасенъ;
 И стѣны незыблемыхъ, въ которыхъ онъ
 живетъ,
 Алкида самого рука не потрясетъ.
 Спронимель злобный ихъ, съ искусствомъ не-
 понятнымъ,
 Вездѣ пожертвовалъ полезному пріятнымъ.

Б а р а н о в ѣ

СХХХVII.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ АЛЬЦЕСТЫ,

Эврипидовой трагедіи.

Исторія Альцесты, которая пожертвовала жизнью для спасенія супруга сего и послѣ возвращена Геркулесомъ въ его объятія, всѣмъ извѣстна. Въ слѣдующемъ отрывкѣ изображается ея приготовленіе къ смерти и горестная разлука съ семействомъ.

~~~~~
Хоръ, Наперсница.

Хоръ.

Се вѣспница! . . . , но что? тебя въ слезахъ
мы зримъ! —

Ужель Царица. . . .

Наперсница.

Ахъ! злой рокъ неумолимъ!
Хотѣла жива еще. . . .

Хоръ.

Прерви скорбь сомнѣнъ!

Наперсница.

Неносимѣйшая жизнь! въ болѣзни и мученьѣ
Всечасно ждашь конца спрашивъ, чѣмъ умѣ-
реть!

Хоръ.

Опчадный супругъ, что долженъ ты пер-
пѣшь!

Наперсница.

О сколь несчастливъ онъ! еще онъ самъ не
знаетъ,

Какой ударъ ему судьба приготовляетъ!
Обряды похоронъ уже при алтаряхъ;
Адметъ сокроешь самъ Аяцесы милый прахъ!

Хоръ.

Да низпоследъ Зевесъ Аяцесъ подкрѣпленье,
Да наградишь ея отеческа почтение,
И слава добрая да взыдетъ до небесъ!

Наперсница.

Что жертву равную супругу здѣсь принесъ?
Гдѣ вѣрность, красота свѣтлѣе возблистала?
Гдѣ въ мѣрѣ болѣе любовь торжествовала?
Таковъ супруга долгъ! когда не чтимъ его,
Всѣ наши прелести не значащъ ничего! —
И смерть ли устрашишь прямую добродѣ-
тель!

Симъ ушромъ — я сама была тому свидѣ-
тель —

Въ безмолвіи она испутила въ перемъ свой,
И шамъ, омывшись священной водой,
Поспѣшно облеклась въ одежды драгоцѣины,
Въ которыхъ нѣкогда, въ день радостный,
блаженный,

Супружней вѣрности дала она обѣщъ —
Въ семъ видѣ къ алтарю Аяцеса пред-
стаетъ,

„Богиня! (такъ рекла) я мѣръ сей покидаю;
Въ послѣдній часъ къ тебѣ съ молишвой при-
бѣгаю:

Прими моихъ дѣтей въ небесный свой покровъ!
Да жертва матери преклонишъ къ нимъ боговъ!
Дай дочери моей достойнаго супруга!
Дай сыну моему въ супругъ вѣрной друга!
Да будешь ихъ любовь щасливѣе моей!
Да жизнь ихъ тихая, въ кругу родныхъ, друзей,
На позднемъ западѣ закашится прѣянно!
Будь матеръ имъ — и я награждена спо-
кратно!“

Х о р ь.

Гласъ иѣжныя любви доходишъ къ небесамъ!

Н а п е р с н и ц а.

Потомъ, приближившись къ священнымъ ал-
тарямъ,

Она ихъ свѣжими цвѣтами украшаетъ,
И вѣтви миршovy на жертву разсыпаетъ.
Рѣшимость твердая, невинности покой,
Не измѣнялись въ ней ни вздохомъ, ни слезой;
Въ печали духъ сѣлѣ, печалью несраженный!
И се вступили мы въ чертогъ уединенный,
Гдѣ ложе брачное представилося ей,
И слезы въ первой разѣ лѣются изъ очей!
„Храмъ счастья моего — въ рыданіи вѣчала —
Гдѣ первую любовь душа моя узнала!
Прости! навѣкъ, навѣкъ! я не клянѣ тебѣ!
Не ты отъемлешь жизнь, не ты мой врагъ, —
судьба!“

Какъ! — смертиль усипращась, обѣтъ свой
позабуду? . . . .

Любовь моя чиста; любви жертвой буду!
 Ахъ! скоро, можешь быть, о скорбь! другая
 спроситъ

Иной щаспливѣйшей отдастъ тебя во власть!..
 Пустъ въ щастьи превзойдетъ... но въ чув-
 ствѣ не сравнишься "

Рекла — въ опчаяньи на брачный одръ спре-
 мился,

Покровы хладные лобзаетъ, какъ друзей!
 Все, кажется, тогда грустило вмѣстѣ съ ней!
 Трикрапы отъ одра Альцеста удалялась,
 Трикрапы съ новыми слезами возвращалась!
 Выходитъ наконецъ — но дѣши при дверяхъ
 Срываютъ мать свою съ стenanіемъ, въ сле-
 захъ.

Возьми и насъ съ собой! невинность умоляетъ,
 Альцеста чадъ своихъ ко груди прижимаетъ,
 И взоры устремя безмолвно къ небесамъ,
 Благослови ихъ! гласитъ она богамъ.
 Идемъ во слѣдъ за ней, тоскою омраченны;
 Ни слезъ, ни воплей нѣтъ! какой-то страхъ
 священный,

Казалось, возпрещалъ рыданьемъ оскорблять
 Любовь, могущую погибель презираетъ!
 Увы! въ послѣдній разъ мы руки тѣ лобзали,
 Которыя на насъ всѣ блага изливали.
 О небо! для чего не можемъ мы теперь
 Своею жизнию сомкнуть Тенара дверь?...

Одинъ изъ преданныхъ Адмету,

(выходя изъ чертоговъ.)

Все тщетно! рвись, супругъ, опчаяньемъ
 сраженной!

Неумолима смерть! надъ жертвой обреченной,

Склонившись лютаѣ послушница судьбамъ,
Смѣется въ торжествѣ Адметовымъ мольбамъ.
О боги! гдѣ вашъ судъ, когда въ сей жизни

слезной

И добродѣтель намъ защитникъ бесполезной?
Рѣшилось все! ужъ влѣтъ болѣзни спрашной

ядъ,

Погасла жизнь въ лицѣ, обнемлетъ члены
хладъ;

И слабость томная все тѣло изнуряетъ!

Изнеможенная, едва дыша, желаетъ

На солнцѣ свѣплотъ въ послѣдній разъ возрѣтъ,

Престигшись съ ближними, спокойно умереть,

И се грядутъ они. . . .

*Альцеста, поддерживаемая супругомъ и придворными. Сынъ и дочь Альцесты. . . . На-
родъ. Альцеста садится.*

А л ь ц е с т а (горестно).

О вы, поля небесны!

О солнцѣ! о землѣ! во дни мои прелестны

Я радовалась вамъ. . . .

А д м е т ѣ.

Ужаснѣйшій удѣлъ!

Какое страшное спасенье изобрѣлъ

Адмету гибельный рокъ! . . . я казни призываю!

Рази! иль смертію вины не очищаю? . . .

А л ь ц е с т а.

Обищель щастія, цвѣтущая землѣ,

Опчизна милая, родительскіи поля. . . .

А д м е т ъ.

Альцестя! уирипись, покойся! — О спира-
данье!

А л ь ц е с т а (въ изступленіи)

Зрю адску ладію. . . . Коцита зрю сверканье!
Харонъ передо мной! . . . . гремитъ свирѣ-
пый гласъ:

„Что медлишь? поспѣшай! насталь послѣд-
ній часъ!“ . . . .

А д м е т ъ.

О боги! . . . .

А л ь ц е с т а.

Слышите? скрипятъ врага подзем-
ны! —

Зіяетъ грозный адъ! . . . . зрю пронъ Плу-
тона темный!

Тамъ дочери ужаса! . . . тамъ свисты лютыхъ
змѣй! . . . .

Влекутъ! . . . жеспоіе! . . . . лишаютъ мать
дѣтей! . . . .

А д м е т ъ.

Пусть небо и земля сражаются со мною:
Тебя не опущу! иль въ Таріаръ за тобою!

А л ь ц е с т а (въ изнеможеніи).

Просперлась вѣчна ночь! — хладъ сердце об-
ложилъ!

Не прикасайтеся . . . увы! лишаюсь силъ!

Смерть! смерть — гдѣ сынъ? — гдѣ дочь!
мать бѣдну обнимите!

Благословляю васъ! . . . о боги! сохраните

Нешастныйпихъ сиротъ! — — — Дай руку
мнѣ, Адмешъ;

Приблизься и внемли послѣдній мой завѣщъ:
Не сокрушай себя! смирись предъ небесами;
Они ведутъ къ добру сокрытыми путями.
Любовь тебя спасла, мой другъ! для сей любви
Спокой себя; забудь, и щасливо живи.
Я таинства судебъ всемогущихъ постигаю.
Довольна ихъ судомъ и радостно взираю
На близкой свой конецъ. — Что было бы,

Адмешъ,

Когда бы рокъ велѣлъ тебѣ оставить свѣтъ?...
Тогдабъ народъ, Царя любимаго лишенной,
Былъ жертвой мятежей и брани разъяренной;
Вдругъ трона празднаго раздалсябъ звукъ мечей;
А я, игралище, корысть слѣпыхъ страстей,
Безъ ближнихъ, безъ родныхъ, тѣснямая вра-
гами,

Кудабъ сокрылася съ моими сиротами?
Считая каждый мигъ потокомъ горькихъ слезъ,
На гробъ у тебя, преступница небесъ,
Я проклинала бы несчастный день рожденья
И узелъ моего съ тобой соединенья! . . . .
Нѣтъ! милосниже Зевесъ! онъ смертію моею
Хотѣлъ спасти отъ бѣды Адметовыхъ дѣтей!
Теперь познай свой долгъ: судьбы опредѣленье,
И нѣжныя любви тебѣ благошворенье,
И умирающа супруга наконецъ, —
Все, все тебѣ велитъ: будь Царь и будь отецъ!
О милый другъ, Адмешъ! не требую обѣта,
Чтобъ, помня обо мнѣ, въ свои цвѣтущи
Лѣта,

Ты сердце зашворилъ для сладостныхъ отрадъ —
Но щастіе твое будь щастіемъ нашихъ чадъ.

Да будетъ, близъ отца, ихъ жребій безопасенъ!
 Да домъ родительскій не будетъ имъ ужасенъ!
 Да новая любовь отца ихъ не лишитъ. . . .
 Но матери уже она не возвратитъ!
 Ты, дочь моя, ты скорбь при смерти мнѣ
 одина!

Отецъ предузнаетъ скорбе нужды сына;
 Но дочь безъ матери ввѣкъ спраждаетъ си-
 рошю;

Неуслажденна грусть отправитъ твой покой;
 Исчезнутъ радости твои неразделенны!
 Кому объ нихъ сказать? кому онѣ безцѣнны? . . .
 Нѣтъ матери съ тобой! она надежный щитъ,
 Она покровъ отъ бѣдъ, которыми грозитъ
 Тебѣ — твой возрастъ, полъ! ахъ! ей одной
 возможно

Отъ сердца твоего блюсти тебѣ, гдѣ должно.
 Смогри жестокой рокъ, чего лишилъ меня!
 Уже не встрѣтитъ мнѣ блаженнѣйшаго дня,
 Въ которомъ дочь моя, украшенна цвѣтами,
 Обиѣ любви своей речетъ передъ богами!
 Не я тебѣ должна во храмъ препровождать,
 Не я повеселюсь улыбкой вашихъ чадъ! . . .
 Адметъ! се даръ, тебѣ Альцестой посвященный!
 О дѣти милыя! се вамъ примѣръ безцѣнный!
 Простите, помните, родители любя,
 Что лучшей матери лишила васъ судьба!

МЕРЗАЛКОВЪ

СХХХVІІІ.

Э П И Г Р А М М Ы

1.

Клишѣ, сдѣлавшись больнымъ, за Лѣкаремъ
 послалъ;
 Тотъ съ сердцемъ отвѣчалъ: вѣдь я не коно-
 валъ.

2.

Ты жалуешься, Клишѣ, что Оирсѣ тебя
 ругаетъ
 И замарать желаетъ.
 Оирсѣ плушѣ отъявленной: о чемъ же, Клишѣ,
 шужишь?
 Всѣ знаютъ, что онъ лгунъ; чегожь тебѣ
 бояшься?
 Припомъ же въ эпомъ пы увѣренъ можешь
 быть,
 Что уголь сажею не можетъ замараться.

3.

Въ собраніе пришелъ смотрѣть людей
 Клеонъ;
 Посторонись же другъ Дамонъ!

4.

Вреднякъ злословишь всѣхъ, клеветишь и
ругаешь,
Лишь Бога одного въ покоѣ оставляешь;
И то лишь для того, что Бога онъ не знаетъ.

5.

На Клиппа вѣрнобъ я Саширу сочинилъ,
Когда бы степилъ онъ бумаги и чернилъ.

6.

Скончался Чужехватъ. — Не ужь-то? — Въ са-
момъ дѣлѣ.
— Да гдѣ же умеръ онъ? — Онъ умеръ на
постелѣ.
— Ну кпобъ подумашъ могъ, чпобъ эпошъ
человѣкъ
Горизонтально кончилъ вѣкъ?

7.

Какое сходство Клиппъ съ календаремъ имѣешь?
— Онъ лжетъ, и не краснѣетъ.

8.

Однажды Скрыгинъ видѣлъ сонъ,
Что будто пиршество давалъ большое онъ.
Отъ этого онъ сна споль сильно испугался,
Что могъ насилу вспашъ,
И спрашной кляпвой обязался
Впередъ совсѣмъ не спать.

9.

Мы зла единого во вѣкѣ не забываемъ;
 Неблагодарности слѣды мы зримъ вездѣ;
 Обиды на мѣди рѣзцомъ изображаемъ,
 Благословенїяжъ мы пишемъ на водѣ.

10.

Дѣвица, кою событь скорбе съ рукъ желаюшъ
 И плачѣтъ для сего богатѣй нарядитъ;
 Сходна съ пилюлею, которую позлащаютъ,
 Дабы скорѣй ее заставишь проглотить.

11.

Въ стаканѣ Альциндоръ свой образъ зри на
 Любовью къ нему такъ какъ Нарциссъ ста-
 раетъ;
 Однако же умнѣй его онъ поступаетъ:
 Впервыхъ, не въ водѣ онъ смотрится; въ вѣнѣ;
 А повторыхъ, своей любви тѣмъ угождаетъ;
 Что милый образъ свой въ день по сту разъ
 глотаетъ.

12.

Силенъ, напившись пьянъ и возвращаясь домой;
 Вдругъ видитъ двѣ жены... кричитъ онъ:
 Боже мой!

За что меня такъ наказуешь?

Я муку адскую терплю и отъ одной;

А Ты другую мнѣ даруешь!

Порицетъ сей безподобенъ!
 Со мною скажетъ по весь свѣтъ;
 Души въ немъ шолько нѣтъ;
 Но шѣмъ - по болѣ онъ съ подлинникомъ схо-
 денъ.

П. Сумароковъ.

СXXXIX.

ЭПИТАФІЯ МЛАДЕНЦУ.

Когда и дружество спруило слезъ попоки,
 На мраморъ сѣи начерпывая слезы:
 Чпожь должны чувствовать, увы, отецъ и
 мать? . . .
 О Небо! и дѣшей ужасно намъ желать!

ДМИТРИЕВЪ.

ПОЕДИНОКЪ МЕНЕЛАЯ СЪ ПАРИДОМЪ.

Внимая рѣчь Пріамъ препенетъ и гласитъ,
Да колесницу онъ себѣ гошову зришь.
Свершающси его велѣнія владычны,
Восходящъ на нее, броды беретъ приличны;

Возсѣлъ же купно съ нимъ и Антеноръ поч-
пенъ ;

И быстрыхъ путь коней на поле устремленъ ;
Уже они Троянъ и Трековъ достигаютъ ,
Достигши , нисходишь на землю посѣщающъ ;
Нисшедши , путь спремятъ межъ воинствъ
обоихъ ,

Апридъ и съ нимъ Улиссъ возсѣли , види ихъ ;
Приводятъ агнцовъ къ нимъ глашатаи мно-
венно ;

Въ сосудъ же смѣсишь спѣшатъ вино священно ;
Царямъ на длани шокъ прозрачныхъ водъ
истекъ ,

По семъ уже Апридъ священный ножъ извлекъ ,
Близъ мечнаго всегда влагалища висящій ;
Отрѣзалъ съ агничихъ главъ руно сей ножъ
блестящій ,

Которо вѣстники Троянъ , и ихъ враговъ
Вельможамъ всѣмъ дѣлающъ , ходя среди полковъ ;
Но сильный Царь Апридъ гласъ громкій воз-
вышаетъ ;

Воздвигши длани ввыспрь , молитву проли-
ваетъ :

„О покланяемый на Идѣ Царь небесъ ,
„Сѣдящъ въ величествѣ , отецъ боговъ Зевесъ !
„О солнце ! вземлай все , на все просперши очи !
„О рѣки , и земля , и въ преисподней ночи
„Живущи божества , казнящи душу тѣхъ ,
„Кто рушитъ клятвы лжей , вѣнчаешь ихъ
въ посмѣхъ !

„Свидѣтелями себя неложными явише ,
„Клянемся , клятву намъ соблюсти благово-
лише :

„Коль Менелая днесъ Паридъ во гробъ сразитъ ,

„Съ богатствомъ Леды дщерь удержишь нусь
Паридъ;

„Мы Трою, свободивъ отъ тяжкаго осады,
„На быстрыхъ корабляхъ въ свои отвидемъ
грады;

„Но естли Менелай Паридъ убѣшь,
„Съ богатствомъ нусь своимъ Елена къ намъ
грядетъ;

„Намъ Троя да несетъ и нашимъ внукамъ дани
„За испощеніе сокровищъ нашихъ въ брани;
„Когдажъ Пріамъ и сонмъ его любезныхъ чадъ
„Не хочущъ дань плашитъ, Париду сшедшу
въ адъ:

„Еще воспламеню я брань по днесъ горящу,
„Доколь войны конца въ побѣдѣ не обрящу.

Онъ рекъ; и агитовъ сихъ заклалъ своимъ
ножемъ,

Ихъ силы жизненны отъяты остріемъ;
Еще однакъ, еще трепещущъ блѣдны уды;
Посемъ уже течетъ вино въ златы сосуды;
Имъ изліянiе приличное творящъ,
И къ небожителямъ мольбы сіи спремашъ:
„Всесильный Царь боговъ, и вы, безсмершны
боги,

„О населяющи небесныя чертоги!

„Да сихъ, чпо свяшость кляшъ попрашь спер-
ва дерзнушъ,

„Пролется кровь, какъ днесъ спруи вина
текутъ;

„И чада ихъ въ своей крови да обагряшъ,
„И жены съ чуждыми постыдно да смѣсяшъ.“
Въщаютъ такъ, но Зевсъ не внимлетъ ихъ
мольбъ;

И хочетъ онъ своей исполниться судьбѣ.
Пріамъ же къ воинствамъ вѣщати предпрі-
емлетъ:

„Дарданска рать, и рать Ахейская да внемлетъ:
„Гряду я всиять во градъ, нося прискорбну грудь,
„Не возмогу бо зрѣти, не возмогу ошнюдь
„Единоборствіе Париды съ Менелаемъ;
„Зевесъ, на кого въ печалѣхъ уповаемъ,
„И прочи божества то вѣдаютъ одни,
„Кому изъ сихъ мужей скончатъ доспойно дни.“
То рекши, агитовъ онъ владетъ на колесницу,
Восходитъ самъ, беретъ броды коней въ де-
сницу,

Возсѣлъ и Антеноръ; летятъ по граду всиять,
Желая зрѣлища плачевна избѣгать.

Улиссъ со Гекторомъ измѣритъ мѣсто щастя,
Тѣмъ два противника между собой сразятся;
По семъ ихъ жребіи въ шлемъ мѣдный положивъ,
Трясутъ, дабы извѣвъ, увидѣвъ кто щастливъ,
Дабы ему врага копьемъ разиши прежде;
Народы же межъ тѣмъ во страхъ и надеждѣ
Воздѣвши длани выспрь, молебны лѣютъ къ
богамъ;

Единъ несется гласъ по воинскимъ рядамъ:
„О поклоняемый на Идѣ Зевсѣ державный,
„Безсмертный, вѣчный Царь, въ величествѣ
преславный!

„Да снидетъ въ мрачный адъ, противникомъ
сраженъ

„Злодѣй, къмъ спрашный огни войны сея
возженъ,

„И кто низвергъ Троянъ и Грековъ въ бѣд-
ства слезны,

„А мы да заключимъ союзъ и миръ любезный.“
 Рекли; но Гекторъ шлемъ великій сопрясалъ;
 Се брашній жребій онъ, взирая вспяпъ, извилъ.
 Тогда всѣ рапники въ спрояхъ своихъ возсѣли,
 Коней, оружія вблизи себя имѣли.
 Еленинъ же супругъ, божеспивенный Паридъ,
 Уже оружіемъ покрылъ себя спѣшилъ;
 Въ началъ сапоги на ноги надѣваетъ,
 И серебряными ихъ застежками скрѣпляетъ;
 И Ликаоновой онъ брашнею броней
 Вооружаетъ грудь для крѣпоси своей;
 Она сразмѣрна, въ ней онъ движась, испы-
 туетъ,
 Потомъ себя мечемъ другимъ препоясуетъ,
 Пріемлетъ въ шуйцу щитъ, преграду спраш-
 ныхъ силъ;
 Главу же лѣпую прекрѣпкій шлемъ покрылъ,
 На коемъ конскій хвостъ колеблясь сопря-
 сался,
 Въ Героѣ гордый видъ тѣмъ вяще умножался;
 Десница тяжкое вращаетъ копье
 Велико, но во всемъ способно для нее.
 Подобно Менелай вооруженъ ко брани,
 Готовъ являетси вознеси Геройски длани.

И се они текутъ двухъ воинствъ на среду,
 Лія ошъ взоровъ огонь и пламенну вражду;
 Всѣхъ зрящихъ въ хладный страхъ и ужасъ
 приводили,
 И въ мѣсто къ подвигу назначенно вступили;
 Трясущя копья ихъ, въ очахъ же гнѣвъ го-
 ритъ:
 Паридъ копье свое въ противну грудь спремилъ,
 Лешилъ оно во щитъ, щипа не проникаетъ;

Мѣдѣ шверда острѣе копейно отражаетъ.
 Но Менелай, стремясь копьемъ разить его,
 Вознесъ къ Зевесу гласъ моленія сего:
 „Державный Царь! мнѣ даждь низринуть въ
 адъ Паридъ,
 „Опмстится пусть мое безчестіе, обида,
 „Дабы и въ поздный родъ спрашится всякъ
 дерзашъ
 „Гостепрїимцу зло за дружбу воздавать.“
 Скончалъ; и копье изъ рукъ его пуссилось,
 Пробивши крѣпкій щитъ въ броню, жужжа,
 вонзилось,
 Близъ ребръ Паридовыхъ хищонъ разсѣкло бѣлъ;
 Паридъ уклонися, пребылъ безвреденъ, цѣлъ;
 Но Менелай свой мечъ извлеки въ гнѣвъ яронъ
 Вознесъ надъ щемъ врага, и мстительнымъ
 ударомъ
 Разитъ, но мечъ о щемъ, сокрусится, въ ча-
 сти палъ,
 Герой на небо зря, вздыхая, вопіалъ:
 „Зевесъ! нѣтъ божества, какъ ты, немилосерда:
 „Мнѣ злоси врага караъ была надежда шверда;
 „Но се мой грозный мечъ на части раздробленъ,
 „Се щетно копье, Паридъ не сокрушенъ.“

Онъ рекъ, и устремясь поспѣшною сполою,
 Схватилъ врага за щемъ безпрепешной рукою,
 Влечетъ къ своимъ полкамъ, не ослабляя длань;
 Въ Паридѣ духъ тѣснитъ, и нѣжну жметъ
 гортань
 Искуснымъ швеніемъ блестящъ ремень же-
 спокій,

Щѣмъ подѣ брану скрѣпленъ былъ шлемъ его
высокій;

Влечетъ; не медли бы пріѣлъ безсмертну честь,
Но дочь Цари боговъ, Венера, видя мещь,
Сѣвши къ наперснику и рвещь ремень во-
ловой,

Шлемъ праздный сѣдуетъ за дланію суровой;
Герой его сотрясъ и ринулъ въ дружнѣ рать,
Клеврешы же сѣшашъ корысть сію поднятъ;
Онъ ринулъ, и лепишъ пипца гнѣвну злобу,
Да погрузишъ копье въ Паридову упробу;
Но сей Венерою отъ смерти вмигъ отъвѣшъ;
Зане безсмертныя преградъ ни въ чемъ не
зрѣшъ;

Она подѣ мглой его ввела въ чертогъ пріятный,
Гдѣ разливался духъ повсюду ароматный;
Елену пригласишъ по семъ она сѣвши,
И се во сонѣ женъ ее на башнѣ зрѣшъ;
Пріемлетъ видъ рабы лѣтами опягченной,
Что прѣла лѣтъ для ней со хитростію отъ-
мѣнной,

И зрѣла вѣщую пріязнь отъ ней къ себѣ:
Уподобляется Венера сей рабѣ.

Касается рукой нектарныхъ ризъ Елены,
И тако ей гласишъ, скрывая видъ премѣны:
„О Леды дочь! гряди, Паридъ къ себѣ зоветъ,
„На ложѣ онъ своимъ тебѣ въ чертогѣ ждетъ,
„Одеждою блестящъ, прелестенъ и прекрасенъ;
„Речеши ты, что онъ не въ бой дерзалъ ужа-
сенъ;

„Но въ свѣтломъ торжествѣ гошоваишъ пля-
сать,

„Или изъ пиршества прищелъ покой вкушашъ.

„Рекла; Еленѣ вѣ грудь любовну страсть вѣяла.“

„Когдажъ сія ея богиню бысть познала,
Изъ розовыхъ ланищъ, по пѣжнымъ раменамъ,
По выѣ, и груди, по блещущимъ очамъ;
Обища ужасомъ рекла тогда богинѣ:

„Что щипиши ты меня прельстиши еще и
нынѣ?

„Въ какой Фригійскій днесъ, иль Меонійскій
градъ

„Ты повлечешь меня для срама и досадъ,
„Дабы, коль есмь и шамъ Герой тебѣ любезной,
„Предашь меня ему на тѣвный рокъ и слез-
ной?

„Что Менелай, пріѣвъ побѣду надъ врагомъ,
„Уже готовъ меня вести въ Спартанскій домъ,
„Меня нечувственну и толь неблагодарну;
„Приходишь ты ко мнѣ, имѣя мысль коварну,
„Чтобъ сѣсть еще простерть къ несчастію
моему:

„Гряди, гряди сама къ любимцу своему;
„Оставь пуши небесъ, не возвращайся въ чер-
шюги,

„Гдѣ въ свѣтлой радости ликующъ вѣчны боги;
„Съ Паридомъ обитай, печальну скорбь терпя,
„Храни его, доколь не учинишь тебя
„Своей супругою, иль вѣрною рабою;

„Я не возлягу въ одрѣ къ сраженному Герою;
„Зане сіе мнѣ въ срамъ и въ вѣчный будешь
смыдъ,

„Троянкамъ буду всѣмъ въ позоръ и въ гну-
снѣй видъ;

„Уже и безъ того печаль меня терзаетъ,
„И сердце томное въ напастѣхъ исчезаетъ.“

Венера съ яростию вѣщаетъ ей по семъ :

„Не раздражай меня, да въ гнѣвѣ я своимъ

„Не опречусь тебя, и ревностной пріязни

„Не премѣню къ тебѣ во злость и въ лю-
пость казни.

„Въ Троянѣ, и въ Еллиновѣ къ тебѣ я гнѣвѣ
всело,

„Тебѣ ихъ злобою несчастію потреблю.“

Рекла; и Леды дщерь угрозой устращенна,

Грядетъ, блистающимъ покровомъ осѣненна;

И отъ Дарданскихъ женъ не видима была :

Зане въ пуши ея богиня предшкела.

Когда они въ дому Паридовомъ явились,

Рабыни къ хитроспнымъ работамъ устре-
мились.

Елена въ свой чертогъ божественный шечетъ;

Венера лѣное сѣдалище беретъ,

И спавитъ то для ней предъ радостнымъ Па-
ридомъ;

Прелестныхъ женъ хвала возсѣвъ съ прискорб-
нымъ видомъ,

И очи отвращая, спремитъ поносну рѣчь :

„Ты съ грозна подвига возмогъ еще припечь !

„Спеню, что Менелай, мой первый мужъ за-
конный,

„Еще тебя не свергъ конемъ во адъ бездонный.

„Гдѣ нынѣ похвала, гдѣ гордыя мечты,

„Что силой, храбростію его превыше ты ?

„Дерзани еще, и съ нимъ отважно работорствуй ;

„Но я совѣшую, словамъ моимъ покорствуй :

„Почій, не испышуй его безстрашну мочь,

„Да несраженна ты покроешь вѣчна ночь.“

Паридъ въ отвѣтъ: „Пресманъ язвишь мой духъ

словами,

„И персей не произай хулы твоей спѣхами;

„Я нынѣ помощью Минервы побѣжденъ;

„Имѣемъ мы боговъ; онъ будешь низложенъ.

„Теперь къ себѣ зовешь, зовешь любовь весела!

„Клянусь, что никогда полъ спрашно не горѣла

„Воспламененная тобою кровь моя,

„Сколь нынѣ сладостенъ и нѣженъ огонь ея;

„Ниже, какъ я тебя ошъ стѣнѣ Лакедемона

„Похишивъ, преплывалъ чрезъ волны Посидона;

„Ниже, какъ въ островъ Крана въ первый
разъ;

„Сопрягся ложемъ я съ побой въ прѣтшный
часъ.“

Онъ речъ; на одрѣ грядетъ, послѣдуетъ Елена,
Любовь прѣмлетъ ихъ во узы крошка плѣна.

Но Менелай, спремаясь повсюду, яко левъ,

Искалъ врага; дабы скончашъ на немъ свой
гнѣвъ:

Союзные полки, граждане изумленны

Не знаютъ, скрылся гдѣ сей ратникъ побѣ-
денный;

Не могутъ показашъ, и естли бы кто зналъ,

Не медля бы его открылъ и показалъ:

Зане для всѣхъ онъ былъ противный грозной
смерти.

Тогда Агамемнонъ, пощавшись гласъ про-
стерши,

„Трояне, речъ, и вы союзные полки!

„Ошъ Менеласовой поборникъ вашъ руки

„Днесъ храбро побѣденъ, оставилъ поле ратно;

„Отдайте убо намъ Елену вы обратню,

„И всѣ сокровища, что съ ней похищены,
 „И дань достойная упрямъ сѣя войны
 „Отъ васъ да племени Ахейскому несется,
 „Которой слава, честь и въ поздный родъ
 проспрется.“

Такъ сильный Царь мужей врагамъ вѣщая, рекъ.
 Глаголамъ устъ его соплещетъ каждой Грекъ.

Костровъ.

СХLІ.

КЪ ПЬНОЧКѢ.

Пьночка моя драгая!
 Что сюда тебя влекло?
 Легкое пвое крыло.
 Быстрой молніей лешая,
 Небеса съ землею сближая,
 Успрудиться не могло.
 Что полетъ пвой заманило
 Въ городъ, гдѣ все такъ уныло;
 Гдѣ плѣвила роскошь всѣхъ? —
 Какъ зимою солнце свѣтитъ,
 Но не грѣетъ бѣлый снѣгъ;
 Такъ ничто здѣсь не замѣтитъ
 Сельской пѣсни межъ утѣхъ.
 Нѣтъ у насъ и той свободы,
 Съ коей въ воздухъ ты паришь;
 Щастье въ насъ не той породы,
 Коемъ ты, мой другъ, дышишь.

Какъ пчелъ трудолюбивой
 Въ вѣтеръ, въ пыль цвѣшковъ красивой,
 Въ медъ не ловко превращать;
 Такъ и здѣсь, о другъ мой милый!
 Львиныя пошребны силы
 Жить по сердцу, мирно спать.
 Надъ рѣкой какъ вѣтеръ воешь,
 Волну гонишь за волной;
 Такъ и спрасть другую кроешь,
 И играетъ здѣсь душой.
 Ты не алчешь пѣжка запаха;
 Духъ всегда спокоенъ твой;
 Бблокаменна палата
 Что тебѣ предъ вѣпью той,
 Гдѣ любовь съ тобой крылата
 Познакомилась весной?
 Ты щаслива и богата,
 Ешьли капля лишь воды,
 Колосокъ одинъ зернистой
 Между зелени душистой
 Наградишь твоей пруды.
 И гнѣздо — гдѣ ты съ пшеницами
 У любви подъ крыломъ
 Презираешь мрачный громъ;
 Гдѣ подъ темными лисами
 Не боишься межъ полей
 Соколиныхъ ты когтей —
 И гнѣздо, гдѣ съ небесами
 Несравненъ твой вѣкъ златой,
 Совиваешь ты трудами
 Изъ одной травы сухой.
 Чужою полетъ твой заманило
 Въ городъ, гдѣ все такъ уныло;
 Гдѣ развратъ сковалъ весь свѣтъ?

Пѣночка! лежи опсюда,
 Злой обманъ теби покуда
 Въ западню не завлечетъ!
 Ахъ! лежи къ поселянину!
 Онъ съ природою живетъ;
 Величаетъ онъ Судьбину,
 Что на вспаханныхъ бродяхъ
 И въ колосьяхъ златовидныхъ
 Не видитъ его въ трудахъ.
 Праздности дѣшей ехидныхъ,
 Онъ не знаетъ злыхъ спрасшей;
 Домъ его, соломой крышой,
 Ты найдешь себѣ защитой
 Отъ громовъ и отъ дождей.
 Русь, блаженная спокрашно!
 Какъ душѣ моей пріятно,
 Что въ родной странѣ моей
 Въ селахъ можно съ щастьемъ знахся,
 Съ нимъ въ углу своемъ вспрѣчаться;
 Что крестьянинъ добрый твоей
 И подъ пучей громовой,
 Въ дождь и вихрь, песокъ крутящій,
 И въ морозъ и въ зной палящій
 За работою поетъ!
 Тамъ измѣны щастью нѣтъ,
 Гдѣ оно въ душѣ живетъ.

Пѣночка! о другъ мой милый!
 Кто мнѣ крылья дастъ и силы
 Полетѣть въ поля съ тобой,
 Гдѣ семьею окруженный
 Земледѣлецъ нашъ проспой
 Подъ столѣтнюю вешой,
 Въ полдень жаркой упоженный,
 Часть V.

Сышны щи покойно бѣшѣ,
 И со хлѣба верхню кромку
 Срѣзавѣ, онѣ кладетѣ въ копомку
 Для убогова пѣхѣ мѣстѣ?
 Тамѣ бы, пѣночка драган!
 Ты со мною попѣвай
 Веселилась и зимой;
 Тамѣ бы ты, дружечикѣ мой!
 Въ хижинѣ моей смиренной
 Изѣ руки моей усердной
 И клевала и пила.
 Какѣ въ сей участи блаженной
 Жизнь была бы намѣ мила!
 Ахѣ! когдажѣ мнѣ не удастся
 До вечернихѣ дней моихѣ,
 Отѣ суетѣ отспаивѣ мѣрскихѣ,
 Въ поле чистое убраться;
 То и въ шумѣ городскомѣ,
 Восхищаясь сельскимѣ сномѣ,
 Посажу я на свободѣ
 Здѣсь березку въ огородѣ,
 И отѣ зноя въ жаркѣй день
 Подѣ ея склонюся пѣнь.
 Тамѣ подѣ свѣжими листьями
 Распрощаюся съ мечтами,
 Съ разумомѣ моимѣ сберусь,
 Грусти дома не скажусь.

Но ужѣ вечерѣ кѣ намѣ спустился;
 Сны намѣ спѣлуютѣ мягкѣй пухѣ.
 Я съ побой заговорился.
 Пѣночка! прости, мой другѣ!
 Уледай скорѣй опѣсюда,
 Злой обманѣ тебя повуда

Не засадишь въ плѣшку жишѣ;
 О мой другъ! тогда всечасно
 Твой сердечный будешь ныть;
 Онъ всѣ въшлѣви попревожидъ,
 Гдѣ въ лѣсу ты съ нимъ жила;
 Попоскуешъ, занеможенъ
 И умрешъ отъ горька зла.
 Ахъ! не дай ему ты рваться,
 Успокой его ты духъ!
 Хоть не хочется разстаться,
 Пьночка, прости, мой другъ!

N. N.

CXLI.

МЕЛАНХОЛІЯ.

Подражаніе Делілю.

Спирасишь нѣжныхъ, кроткихъ душъ, судьбою
 утѣшенныхъ;
 Несчастныхъ щастіе и сладость огорченныхъ!
 О меланхолія! ты имъ милѣе всѣхъ
 Искусственныхъ забавъ и вырѣнныхъ утѣхъ.
 Сравнишься что нибудь съ твоею красою,
 Съ твоей улыбкою и съ тихою слезою?
 Ты первый скорби врачъ, ты первый сердца
 другъ;
 Тебѣ оно свои печали повѣряетъ;
 Но утѣшаясь, ихъ еще не забываетъ.
 Когда, освободивъ отъ ига тяжкихъ мукъ;

Нешастный отдохнетъ въ душѣ своей унылой,
 Съ любовію ему ты руки подаешь,
 И лучше радости, для горести не милой,
 Ласкаешься къ нему, и въ грудь отраду льешь
 Съ печальной вѣстостью и съ видомъ уми-
 ленія.

О меланхоліи! нѣжнѣйшій переливъ
 Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденія!
 Веселья нѣтъ еще и нѣтъ уже мученія;
 Опчаенье прошло ..... но слезы осушивъ,
 Ты радостно на свѣтъ взглянуть еще не
 смѣешь,

И мапери своей, печали, видъ имѣешь.
 Бѣжишь, скрываешься отъ блеска и людей,
 И сумерки тебѣ милѣе ясныхъ дней.
 Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
 Шумъ листьевъ, горныхъ водъ, шумъ вѣтровъ
 и морей;

Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы,
 Въ уединеніи ты болѣе съ собой.
 Природа мрачная твоей нѣжный взоръ плѣняетъ,
 Она какъ будто бы печалится съ тобой.
 Когда свѣтило дня на небѣ угасаетъ,
 Въ задумчивости ты взираешь на него.
 Не шумныя весны любезная веселость,
 Не лѣта пышнаго роскошный блескъ и зрѣ-
 лость

Для грусти твоея пріятнѣе всего,
 Но осень блѣдная, когда изнемогая
 И томною рукой вѣнокъ свой обрывая,
 Она кончины ждешь. Пусть веселился свѣтъ
 И счастье грубое въ разсвѣтѣ новомъ
 Стараешься найти тебѣ въ немъ нужды нѣтъ:

Ты щасплива мечшой, одною мыслью — сло-
вомъ!

Тамъ музыка гремитъ, въ огняхъ пылаешь
домъ:

Блещаютъ красотою, алмазами, умомъ;
Тамъ пиршество. . . . . но ты не видишь, не
внимаешь,

И голову свою на руку опускаешь;
Веселіе пвое — задумавшись молчать,
И на прошедшее взоръ нѣжный обращать.

К а р а м з и н ъ.

~~~~~  
CXLIH.

ТРИССОТИНЪ и ВАДИУСЪ.

Отрывокъ изъ Мольеровой Комедіи:

Les femmes savantes.

~~~~~  
ДѢЙСТВІЕ III, ЯВЛЕНІЕ V.

В а д и у с ъ.

Вы истинный Поэтъ! скажу я безпристра-
стно.

Т р и с с о т и н ъ.

Вы сами риемы плещь умѣете прекрасно.

В а д и у с ъ.

Какой высокій духъ въ Поэзіи у васъ!
Я часто вашу мысль отгадываю въ часъ.

Т р и с с о т и н ь.

А вашъ въ Эпиграхъ стихъ какъ простъ, не-
виненъ; плавленъ!
И самый Теокрипъ едва въ вамъ будетъ равенъ.

В а д ю с ь.

Ахъ, въ вашихъ Басенкахъ не меньше красоты;
Мы какъ условились срывать одни цвѣты.

Т р и с с о т и н ь.

Но ваши Бу-риме, . . . б! это верхъ иску-
ства!

В а д ю с ь.

А въ вашихъ Мблотахъ какой языкъ и чув-
ства!

Т р и с с о т и н ь.

Когдабъ отечество хотѣло васъ цѣнить, . . .

В а д ю с ь.

Когдабъ нашъ въяв умѣлъ таланты ваши
цѣнить, ...

Т р и с с о т и н ь.

Конечнобъ васъ листомъ похвальнымъ награ-
дили.

В а д ю с ь.

А вамъ бы монументъ давно соорудили!

Т р и с с о т и н ь.

Дождется, можетъ быть, — Хошипель, мой
Поэтъ,
Послушать строфы двѣ? . . .

В а д і у с ь.

Прочестъ ли вамъ Сонетъ
На прищипъ Деліи?

Т р и с с о т и н ь.

Ахъ, мнѣ его читали.

В а д і у с ь.

Извѣстенъ Авторъ вамъ?

Т р и с с о т и н ь.

Прозванья не сказали;

Но видно по стихамъ, что онъ семинаристъ;
Какія плоскости! языкъ довольно чистъ;
Но вкуса во все нѣтъ, вы согласитесь сами.

В а д і у с ь.

Однакожъ онъ хвалимъ былъ всѣми знапоками.

Т р и с с о т и н ь.

А я и имъ и вамъ еще сказать готовъ,
Что славный шотъ Сонетъ собранье — риѣмъ
и словъ.

В а д і у с ь.

Не много зависи. . . . .

Т р и с с о т и н ь.

Во мнѣ? избави Боже!

Завидовашъ глупцамъ, и бышь глупцомъ — все
что же.

В а д і у с ь.

Сонетъ, сударь, хорошъ! скажу вамъ нако-
пецъ;

А доказательство. . . . . я самъ его шворецъ.

Т р и с с о т и н ъ .

Вы ?

В а д і у с ъ .

Я .

Т р и с с о т и н ъ .

Не можешъ быть ; по чести это чудо !
Конечно мнѣ его читали очень худо ,
Иль я былъ развлеченъ . — Но кончимъ эпюмъ
споръ ;

Я вамъ прочту Рондо .

В а д і у с ъ .

Париасскій , спарый соръ ,
Надъ коимъ лишь себя педантамъ сродно му-
чить .

Т р и с с о т и н ъ .

Такъ слѣдственно и вамъ не можешъ онъ на-
скачить .

В а д і у с ъ .

Прошу , сударь , своихъ именъ мнѣ не давать .

Т р и с с о т и н ъ .

Прошу и васъ равно меня не унижать !

В а д і у с ъ .

Пошолъ , шащись , пугой , надушой умоборецъ !

Т р и с с о т и н ъ .

Пошолъ , ползи ты самъ водяной приемоворецъ !

В а д і у с ъ .

Пачнунъ !

Т р и с с о т и н ъ.
Вешошникъ!

В а д і у с ъ.

Враль!

Т р и с с о т и н ъ.

Ругашель подъ рукой!

В а д і у с ъ.

Когда бы не былъ прусъ, шы былъ бы самъ
шакъй.

Т р и с с о т и н ъ.

Пошолъ провъпривашъ лежалыя шворенья!

В а д і у с ъ.

А шы спупай, бѣги просишь у Музъ прощенья
За несстерпимый свой, прокляшый переводъ,
За изувѣченъе Горація. . . .

Т р и с с о т и н ъ.

Уродъ!

А шы наковъ съ швоимъ классическимъ Поз-
шомъ?

Спыдись предъ справщикомъ, спыдись предъ
цѣлымъ свѣшомъ!

В а д і у с ъ.

Но ни одинъ журналъ меня не оглашалъ,
А шы уже давно добычей кришникъ спалъ.

Т р и с с о т и н ъ.

Я шѣмъ-шо и горжусь, риѣмачъ, передъ шобою;
Во всѣхъ журналахъ шы пренебреженъ съ
шолпою

Вралей, которые не споютъ и суда;
А я на вострепъ пера ихъ завсегда,
Какъ ихъ опасный врагъ!

В а д у с ь.

Такъ будь и мой опшынѣ;
Сей часъ иду писать въ спихахъ о Триссо-
тинѣ!

Т р и с с о т и н ѣ.

И только ихъ прочтушъ зѣвючи друзья;
Пожалуй, мучь себя, не испугаюсь я,
И грану самъ въ спихахъ!

В а д у с ь.

А мы имѣ посмѣмся.

Т р и с с о т и н ѣ.

Довольно! я молчу; на Пиндѣ разочтемся!
Д м и т р и е в ѣ.

СXLIV.

К ѣ м и д о й е * * *.

Я слушалъ Мару — восхищался,
И слушать въявь ее хотѣлъ. . . .
Но взоръ мой болѣ наслаждался:
Я на тебя смотрѣлъ!

К. Ш а л и к о в ѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Разыгрывать на дняхъ новѣйшу драму ста-
нутъ.

Сумбуръ, творецъ ея, ручается собой,
Что слезы зрители польютъ рѣка рѣкой,
Что волосы у нихъ отъ страха дыбомъ ста-
нутъ!

Актъ первый: трубный гласъ, громъ пушекъ,
барабаны,

Кровавая война, сраженіе, вопли, раны. . . .

Вдали кладбище, гошпиталь. . . . .

Второй актъ: дождь, гроза, распрепанна
Печаль

По сценѣ бѣгаетъ и водитъ за собою

Свояка Голода съ сестрицею Чумою,

И съ ревомъ рыскающъ медвѣди, львы и лѣ-
сахъ.

Актъ третій: ужасъ! страхъ!

Землетрясеніе и преставленіе свѣта.

Смерть одинокая, во вдовій крепъ одѣта,

Хоронитъ человѣчій родъ!

Финаль: балетъ чертей и фурій хоровадь.

В.

CXLVI

КЪ ПОРТРЕТУ МЕНЬЩИКОВА.

Какъ волны, намъ дары Фортуны ненадежны,
 Щастливцевъ, не гордись!
 Царевы милоспи съ погибелью смежны!
 Взгляни на образъ сей. . . . и щастія стра-
 шись.

В.

CXLVII.

КЪ ЭЛЬВИРЪ.

Съ тобой встрѣчаяся, я радуюсь сердечно;
 Въ отсутствіи швоемъ не лзя мнѣ не ску-
 чать!
 Эльвира, я тебя желалъ бы видѣть вѣчно,
 Иль вовсе не видашь!

В.

Э П И Г Р А М М А.

Какъ свученъ авторъ сей
 Въ веселости своей!
 Какъ въ прощомъ припворенъ!
 Какъ въ легкости своей тяжель и — непро-
 воренъ!

Какъ онъ становится всегда
 Предъ малымъ сочиненьемъ
 Сб великимъ предувѣдомленьемъ;
 Въ букешахъ *макъ* одинъ, въ улыбкахъ *слѣдъ*
труда;

Смѣюся говоритъ, и чтоже? онъ зѣваетъ!
 И всѣмъ, кто вѣрить пожелаетъ,
 Расскажетъ самъ,
 Что онъ щастливой обожатель;
 Но вѣрить ежели стихамъ,
 Какъ жалки будутъ намъ
 Его любовница, или его чисташель!

Лихачевъ.

СХLIX.

ЛОЖНЫЙ СТРАХЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ПАРНИ.

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный!
 Какъ съ Амурами пишномъ,
 Мракомъ ночи окруженный,
 Я къ тебѣ прокрался въ домъ?
 Помнишь ли, о другъ мой нѣжной!
 Какъ дрожащая рука
 Отъ побѣды неизбѣжной
 Защищалась — но слегка?
 Слышенъ шумъ! ты испугалась!
 Свѣтъ блеснулъ, и въ мгнѣ погасъ;
 Ты къ груди моей прижалась,
 Чуть дыша . . . . блаженный часъ!
 Ты пугалась; я смѣлся.
 „Намъ ли вѣдать, Хлоя, страхъ!
 „Гименей за все ручался,
 „И Амуры на часахъ.
 „Все въ безмолвіи глубокомъ!
 „Все почило сладкимъ сномъ!
 „Дремлетъ Аргусъ томнымъ окомъ
 „Подъ Морфеевымъ крыломъ!“
 Рано утреннія розы
 Запылали въ небесахъ . . . .
 Но любви безцѣнны слѣзы,
 Но улыбка на устахъ;
 Томно персей волнованье
 Подъ прозрачнымъ пологомъ,

Молча, новое свиданье
 Общались вечеркомъ.
 Естлибъ Зевсова десница
 Миѣ вручила ночь и день,
 Позднобъ юная денница
 Прогоняла черну тѣнь!
 Позднобъ солнце выходило
 На восточное крыльцо;
 Чуть блеснулобъ, и скрыло
 За лѣсбъ рдяное лицо;
 Долгобъ тѣни пролежали
 Въ влажной ночи на полѣхъ,
 Долгобъ смертные вѣшали
 Сладострастїе въ мечтахъ.
 Дружбъ дамъ я часъ единый,
 Вакху часъ и сну другой;
 Остальноужъ половиной
 Подѣлюсь, мой другъ, съ побой! —

БАТЮШКОВЪ.

МЯЧКОВСКІЙ КУРГАНЪ (*).

Остановися Россѣ! — се путь швоихъ по-
бѣдъ,
Судьбами шайными тебѣ опредѣленной!
Се путь къ могуществу, къ державѣ похи-
щенной!
Богъ мщенія — швой вождь, шѣла враговъ —
швой слѣдъ;
Добыча милая — родишельскія кости (* *),
Незащищенный и матерью — землей
Отъ хищныхъ, люшыхъ чадъ невѣрѣя и зло-
спи! —
Ты шелъ, и прадѣды — спрадальцы предъ
тобой

(*) По Коломенской дорогѣ, въ 50 верстахъ отъ столи-
цы, при самой переправѣ чрезъ рѣку Москву, на горѣ
находится преогромная насыпь, въ знакъ бывшаго памѣ-
сраженія съ Татарами; опустошавшими сподько време-
ни Россію. — Здѣсь погребены убитые Россіане — Я вос-
ходилъ на вершину кургана. Прекрасное мѣстоположе-
ніе: вдали древняя столица, которую (по крайней мѣрѣ
такъ увѣряюшъ) можно видѣть отсюда въ ясную по-
году, самой курганъ, какъ величественный памятникъ
упавшимъ за свободу отечества — вонъ чпо застави-
ло написать сію піесу.

Авт.

(**) Это было звѣрское обыкновеніе Татаръ. Они разры-
вали гробы знаменитыхъ Россіанъ по жадности къ бо-
гатству; они изъ череповъ убитыхъ героев дѣлали ча-
ши, и употребляли ихъ при пиршествахъ. Россіане
дорогою цѣною покупали сіи драгоцѣнные останки сво-
ихъ соотечественниковъ.

Авт.

Неслися въ облакахъ, какъ молнии предъ
громами;
Внизъ падали мечи (*), и гласъ гремѣлъ въ
бояхъ:

*Отмсти, отмсти за насъ на нашихъ же
гробахъ! . . . .*

Кто можетъ спастъ на брань съ неистовыми
львами,

Которыхъ бѣдствїя, гоненья, плѣны и гладъ,
Два вѣка страшные (**) учили побѣждать! —

Пошли, ударили; и цѣпи сокрушились;

Россїя процвѣла и славой и красой;

И скиптромъ очертивъ полсвѣта предъ собой,
Вступила на среду, и царства преклонились!

Гдѣжъ тѣ, которыхъ смерть дала намъ жизнь
и свѣтъ?

Гдѣжъ тѣ, которыхъ кровь намъ славу иску-
пила? . . .

Мать нѣжная своихъ героевъ не забыла!

Се выситъ гора на мѣстѣ ихъ побѣдъ! —

Се Богу — мѣщителю возникъ олтарь любви

Изъ праха славныхъ жертвъ, упавшихъ за
него (***)!

(*) Такія чудеса часто встрѣчаются въ лѣтописяхъ.

Авт.

(**) Почти двѣсти лѣтъ Россїя находилась подъ игомъ
Татарскимъ.

Авт.

(***) На вершинѣ кургана была построена церковь, въ кото-
рой совершались поминовенія по усопшимъ. — И теперь
еще видно нѣсколько камней, означающихъ мѣсто ола-
ря. — На одномъ изъ нихъ вырѣзано имя Святаго, ко-
торому посвященъ былъ храмъ.

Авт.

Отверзлись небеса надъ полемъ скорби, крови
И щастье мирное украсило его! —

Забыло эхо гулъ военной непогоды,
И учить по лѣсамъ лишь пѣсни пастуховъ;
Весна румяная тамъ водить хоробы,
Гдѣ прежде грозный Марсъ водилъ своихъ сы-
новъ! —

Богъ мира сѣмъ благъ на нивѣ бѣдъ свѣтъ,
И надъ могилами, гдѣ кровь лилась рѣкой,
Какъ море зыблется, злая жатва зрѣетъ!
Тамъ рѣзались спада, разсыясь подъ горой;
Тамъ робкая любовь съ безпечною играешь
Подъ дубомъ вѣковымъ, копораго въ шпни,
Быть можешь, нѣкогда, во времена войны,
Израненный герой, съ симъ свѣтомъ расста-
вайся,

На вѣшви гибяя повѣсилъ бранный мечъ,
Друзьямъ еще твердилъ опечесство и честь. —
Въ сумракъ вечера орашаи собираясь
На холмъ, скрывающій великихъ предковъ
прахъ,

Заводятъ разговоръ о спрашенныхъ временахъ —
И трепещъ по сердцамъ бѣжитъ струею хлад-
ной;

Когда ведется рѣчь при бурѣ сѣчи рашной!
Имъ кажется вдали полки богатырей,
Склонясь на облака, луною посребренны,
Несутся, — не въ грозѣ, не въ шпескѣ шпѣль,
мечей —

Но такъ какъ Геніи хранили вселенны! —
Тамъ воешь темный боръ, ихъ чувствуя при-
ходъ;

Рѣка игривая свой бѣгъ останавливаетъ;

Звенящѣ оружія, сокрыты въ пѣдрахъ водъ (*);
И, кажется, гора чело приподнимаетъ,
Чтобъ плески радости и славы повторять!...

Сюда приди, о Россѣ, свой санъ и долгъ узнать!
Вдѣсь горняя любовь, въ устахъ своихъ ге-
роевъ,
Речетъ къ тебѣ: постой! мы пали среди боевъ,
Мы пали за тебя, за швой покой и честь:
Помысли, что намъ въ даръ возможенъ ты
принести! . . . .

Мерзляковъ.

СЛІ.

М Е Ч Т А:

Подруга ибжихъ Музъ, посланница небесъ,
Источникъ сладкихъ думъ и сердцу милыхъ
слезъ;
Гдѣ ты скрываешься Мечта, мой богини?
Гдѣ шотъ щастливый край, гдѣ мирная пу-
стыня,
Къ которымъ правишь ты таинственный
походъ?
Иль любишь дебри ты и грозныхъ силъ хре-
бетъ,

(*) Въ рѣкѣ Москвѣ не рѣдко находятъ и по нынѣ древ-
ніе оружія, какъ то: бердыши, колющія, копья и прѣ:
дѣлы.

Гдѣ вѣтрѣ порывистый и бури шумѣ внимаешь?

Иль Муромски лѣса угрюмы пощаешь,
 Когда на западѣ зари мерцаешь лучъ
 И хладная луна выходитъ изъ-за тучъ?
 Или влекомая чудеснымъ обаяньемъ,
 Въ мѣсяца, гдѣ дышетъ все любви очарованьемъ
 Подъ пѣвную яворовъ пѣю ходишь по лугамъ
 Спуденой пѣною Воклюзы орошеннымъ?
 Явись богиня мнѣ, и съ трепетомъ священнымъ
 Коснуса я спрунамъ,
 Тобою вдохновеннымъ!

Явись! ждешь тебя задумчивый Пѣишъ,
 Въ безмолвіи ночномъ сѣдящій у лампы;
 Явись, и дай вкусишь сердечныя опрады!
 Любимца пивого, любимца Аонидъ
 И горестъ сладостна бываетъ,
 Онъ въ горести — мечтаетъ!

✱

То вдругъ онъ пренесенъ во Сельмскіе лѣса,
 Гдѣ вѣтрѣ шумишь, реветъ гроза,
 Гдѣ пѣнь Оскарова одѣвая шуманомъ,
 По небу носишься надъ пѣннымъ Океаномъ;
 То съ чашей радости въ рукахъ
 Онъ съ Бардами поетъ, и мѣсяцъ въ облакахъ,
 И Кромлы шумный лѣсъ безмолвно имъ внимаешь,
 И эхо по холмамъ пѣснь звучну повпоряетъ!

✱

Или въ полночный часъ
 Онъ слышитъ Скальда гласъ
 Прерывистый и помный.

Сонмъ юношей безмолвный

Склонися на щипы кругомъ его споишъ,
И внемлешъ съ пренешомъ глаголь его свя-
щенный.

Царь пѣсней, древній Скальдъ, мечшой оду-
шевленный,

Могилу указавъ, гдѣ прахъ героя спитъ:

„Чья тѣнь, чья тѣнь, — гласишъ въ свя-
щенномъ испупленъи —

Тамъ съ дѣвами плывешъ въ прозрачныхъ об-
лакахъ?

Се ты младый Иснелъ, иноплеменныхъ спрахъ,

Днесъ падшій на сраженьи! . . .

Миръ праху твоему, Герой!

Твоей сѣкирою спальной,

Низвергнушъ сильныхъ божь, полки его раз-
бишы. . . . .

Ты палъ на груди тѣлѣ

Ошъ шучи вражыхъ спрѣлѣ,

Палъ Вишязь знаменишый. . . .

И се ужъ надъ тобой

Мой юноша — Герой!

Посланницы небесны,

Валкирии прелесны,

Съ улыбкой на устахъ,

Съ копьемъ злымъ въ рукахъ,

Прощажнымъ хороводомъ

Со мѣсячнымъ восходомъ,

Спустились въ облакахъ,

Невидимо спустились!

Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ, и вновь

Глаза твои открылись.

Течешъ по жиламъ кровь

Чистѣйшаго эфира,

Ты самъ безплошнѣй духъ
 Въ страны безвѣсна мѣра
 Летишь спирѣлой, . . . и вдругъ:
 Ошарылись предъ тобой шѣ радужны чертоги,
 Гдѣ угощевали для сонма храбрыхъ боги
 Любовь и вѣчный пиръ!
 При шумѣ горнихъ водъ и тихострунныхъ
 лиръ
 На бархатныхъ лугахъ, среди прохладныхъ
 сѣней,
 Ты будешь поражать тамъ скачущихъ еленей,
 И быстро - ногихъ сернъ,
 Склонись на златный дернъ,
 Съ дружиною молодою
 Тамъ съ арфой золотою
 Въ восторгъ Скальдъ поетъ
 О славѣ древнихъ лѣтъ,
 Поетъ, и храбрыхъ очи,
 Какъ звѣзды тихой ночи,
 Умѣхою блестятъ.
 Но вечеръ прищекаетъ,
 Часъ нѣги и прохладъ;
 Гласъ Скальда замолкаетъ;
 Замолкъ . . . и храбрыхъ сонъ
 Идетъ въ Одиновъ домъ,
 Гдѣ дочери Веристы,
 Власы свои душисты,
 Раскинувъ по плечамъ,
 Прелестницы младыя,
 Всегда полунагѣ,
 На пиршества гостямъ,
 Обильны дѣтвы носятъ
 И пишь умильно просятъ
 Изъ чаши свѣтлый медъ.“

Такъ древній Сиаавъ поетъ,
 Лбсовъ и дебрей сынъ угрюмый,
 Онъ щаспливъ, погрузясь о щастьи въ сладки
 думы! . . .

О сладостна Мечта! о неба даръ благой!
 Средь дебрей каменныхъ, средь ужасовъ
 Природы,
 Гдѣ обмываютъ брегъ Гиперборейски воды,
 Въ краяхъ изгнанниковъ . . . я щаспливъ
 былъ тобой!

И щаспливъ былъ, когда въ моемъ уединенъи,
 Въ часъ полночи глухой,
 Раздается въпрорв вой
 И въ кровлю заспучитъ и градъ и дождь
 осенній:

Тогда на крыліяхъ мечты
 Лешалъ я въ поднебесной,
 Или забывшися на персяхъ красоты,
 Я сонъ вкушалъ прелестной
 И вдвое щаспливъ былъ въ мечтахъ! —

Волшебница - мечта! дары твои безцѣнны
 И старцу въ лѣта охлажденны,
 Съ копомкой нищему, невольнику въ цѣпяхъ.
 Заклепы страшныя съ замками на дверяхъ
 Соломы жесткой пукъ, свѣтъ блѣдный пепе-
 лица,
 Изглоданой сухарь, мышей тюремныхъ пища,
 И глиняной сосудъ съ холодною водою,
 Украшены твоей, волшебница, рукой! —

Кто сердцемъ правъ, того ты вѣкъ не по-
кидаешь:

За нимъ во всѣ страны летаешь,
И щастіемъ даришь любимца своего.
Пусть міромъ позабытъ! — что нужды для него?
Но съ нимъ задумчивостьъ, въ день пасмур-
ный осенній,

На мирномъ ложѣ сна,
Въ уединенной сѣни,
Бесѣдуетъ одна.

О тайныхъ слезъ неизбяснима сла-
дось!

Что предъ тобою душъ холодныхъ ра-
дось

Тому, кто ничего не ищетъ подъ луной,
И милый прахъ друзей сокрылъ въ землѣ сы-
рой! —

Кто въ жизни не любилъ, и въ часъ глубо-
кой ночи,

Когда невольно сонъ смыкаетъ томны очи,
Всю сладость не вкушалъ обманчивой мечты? —

Теперь любовникъ ты.

На ложѣ роскоши съ подругой боязливой,
Ей шепчешь о любви, и пламенной рукой
Снимаешь со груди ея покровъ стыдливой.
Теперь блаженствуешь, и щастливъ ты —
мечтой! —

Ночь сладострастія тебѣ даетъ призраки,
И нектаромъ любви кропитъ лѣнныя маки.

Мечпаніе душа поэтовъ и спиховъ.

И вѣдкость сильная вѣковъ

Не можешь прелестей лицить Анакреона:

Любовь еще горитъ во пламенныхъ мечтахъ

Любовницы Фаона;

А ты, лежащій на цвѣтахъ

Межь Нимфъ и сельскихъ Грацій,

Пѣвецъ веселія, Горацій!

Ты съ мирою въ рукахъ мечталъ;

Мечталъ, среди пировъ и шумныхъ и веселыхъ,

И смерть угрюмую цвѣтами увѣщаль.

Какъ часто въ Тибурѣ, въ сихъ рощахъ уста-
рѣлыхъ,

На скамѣ бархатныхъ луговъ,

Въ щастливомъ Тибурѣ, въ шбюемъ уединеніи

Ты ждалъ Глицерію, и въ сладостномъ заб-
веніи,

Томимый нѣгою на ложѣ изъ цвѣтовъ,

При воскуреніи масшикъ благоуханныхъ,

При пляскѣ Нимфъ вѣнчанныхъ,

Сплетенныхъ въ короводъ;

При отдаленномъ шумѣ

Въ лугахъ журчащихъ водъ,

Безмолвенъ, въ сладкой думѣ,

Мечталъ . . . и вдругъ мечтой

Восторженъ сладострастной,

У ногъ Глицеріи, снѣдливой и прекрасной,

Побѣду пѣлъ любви

Надъ юностью безпечной,

И первой жаръ въ крови,

И первый вздохъ сердечной,

Щастливецъ! воспѣвалъ

Цицерскія забавы,

И всѣ заботы славы

Ты вътрамъ отдавалъ!

*

Ужели въ истинахъ печальныхъ,

Угрюмыхъ спомковъ и скучныхъ мудрецовъ,

Сидящихъ въ плащяхъ погребальныхъ
 Между обломковъ и гробовъ,
 Найдёмъ мы жизни нашей сладость? —
 Отъ нихъ, и вижу, радость,
 Лепишь, какъ бабочка отъ шерновыхъ кустовъ;
 Для нихъ нѣтъ прелести и въ красотахъ
 Природы;
 Имъ дѣвы не поютъ, сплелся въ короводы;
 Для нихъ — какъ для слѣпцовъ,
 Весна безъ радости, и лѣто безъ цвѣ-
 совъ. . .
 Увы, но съ юностью исчезнутъ и меч-
 танья,
 Исчезнутъ Грацій лобызанья,
 Надежда измѣнишь, и рой крылатыхъ
 сновъ.
 Не разпочится тамъ ужъ болѣе цвѣтовъ,
 Гдѣ тусклый опашность свѣтильникъ зажи-
 гаешь,
 И время старости могилу разрываетъ.
 Но ты пребудь вѣрна, живи еще со мной!
 Ни свѣтъ, ни славы блескъ пустой
 Во вѣкъ даровъ твоихъ для сердца не замѣ-
 нишь, —
 Пусть дорого глупецъ суетъ блистанье цѣ-
 нишь,
 Лобзая прахъ златой у мраморныхъ палащъ;
 Но я и щастливъ и богатъ,
 Когда снискалъ себѣ свободу и спокойство,
 А отъ суетъ ушелъ забвенія пропой!
 Души Поэтовъ свойство,
 Блаженство находятъ въ убожествѣ. . . .
 мечтой!

Ихъ сердцу малость драгоцѣнна,
 Какъ пчелка медомъ опягченна
 Летаешь съ шивки на цвѣшокъ,
 Щипая моремъ — ручеекъ:
 Такъ хижину свою Поэтъ дворцомъ щитаешь
 И щастливъ! — *онъ мечтаетъ!*

БАТЮШКОВЪ.

СЛІІ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЭДИПА.

ЭДИПЪ И АНТИГОНА.

ЭДИПЪ.

Постой, дочь нѣжная преступнаго отца!
 Отра слабая несчастнаго слѣпца!
 Печаль и бѣдствія всѣхъ силъ меня лишили.

АНТИГОНА.

Здѣсь камень вижу я; надъ нимъ древа скло-
 нили
 Густую сѣнь свою, ты отдохни на немъ.

ЭДИПЪ (*сѣвши на камень*).

Спокойно. — Я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.

АНТИГОНА.

Ужасною шоской швои всѣ мысли полны,

ЭДИПЪ.

Видала на берегу, когда извергнутъ волны
 Остѣ грозныхъ бурь морскихъ обломки корабля?

Антигона.

Видала. — Но почто? . . .

Эдипъ.

Вотъ жизнь теперь моя.

Антигона.

Какимъ мечпаніемъ смущаешь духъ унылой!

Эдипъ.

Ахъ! я Эдипъ.

Антигона.

Увы! ты съ большей прежде силою
Несправедливый гнѣвъ судьбы своей сносилъ.

Эдипъ.

Печальну жизнь влачить недостаешь мнѣ силъ.
Слѣпецъ, чтобъ слезы лишъ, остались мнѣ очи;
Дни ясны для меня подобны мрачной ночи.
Нѣтъ, никогда уже мой не увидитъ взоръ
Ни красоты долинъ, ни возвышенныхъ горъ;
Ни по веснѣ лѣсовъ зеленая одежды;
Ни съ жатвою полей, орапелей надежды,
Ни мужа крошкѣ прѣшнаго чела,
Котораго боговъ рука произвела:
Сокрылись отъ меня всѣ прелести природы;
При имени моемъ всѣ возстающъ народы;
Какъ язва лютая оповсюду я гонимъ.

Антигона.

Мы здѣсь убѣжище найдемъ бѣдамъ своимъ.

Эдипъ.

Съ какой жестокою меня сыны изгнали!

А н т и г о н а .

Почпо возобновляшь прошедшїя печали ?

Э д и п ъ .

Я ихъ любилъ.

А н т и г о н а .

Увы ! забудь , забудь о нихъ ,
И воспоминаемъ ранъ не расправляй своихъ .

Э д и п ъ .

Предвижу ихъ бѣды . — Тщеславїя разврапомъ
Влекомый Полининъ не будетъ въ миръ съ
брапомъ .

На злость , на пагубу дѣшей извелъ я въ свѣтъ .

А н т и г о н а .

Уже ли предъ шбой и я виновна ?

Э д и п ъ .

Нѣтъ ;

Ты утѣшенье мнѣ , любезна Антигона !
Противъ гоненїя одна мнѣ оборона ,
Одна сопутница моей ты нищеты .
Для спраника , меня , забыла щасшье ты ,
Санъ свѣпмый , дворъ Царевъ , и юности забавы :
Одно намъ рубище отъ всей осталось славы .

А н т и г о н а .

Ахъ ! не жалю я о пышной славѣ той ;
Горжусь симъ рубищемъ , моею нищетою ,
Предпочитаю ихъ сїянїю короны .
Опорой бытъ швоей , вопѣ щасшье Антигоны .
Вопѣ шило славное превыше шипловъ всѣхъ :
Спокойствїе швое дороже мнѣ утѣхъ .
Увы ! родишель мой гонимъ людьми , судьбою !
Безъ помощи моей чтобъ сдѣлалось съ шбою ?

Ты древнюю главу къ кому бы преклонилъ?
 На чью, на чью бы грудь ты слезы уронилъ?
 Прохлады въ жаркой день въ моей ты ищешь
 тѣни.

Я сяду, ты главу мнѣ склонишь на колѣни;
 Среди густыхъ лѣсовъ, въ жестокость бур-
 ныхъ зимъ,

Ты согрѣваемъ мной, дыханіемъ моимъ.
 Ахъ! свѣтъ, забывшій насъ, взаимно мы за-
 будемъ,

И утѣшеніемъ одинъ другому будемъ.
 Но мнѣ ты проливай свою с речну боль,
 Но мнѣ зацѣпи мою быль дозволь.
 Не позавидую въ моей тогда я долѣ
 И братьевъ участи сдѣланныхъ на престолѣ.

Э д и п ъ.

Награда сладостна толико скорбныхъ лѣтъ,
 О радость полная моихъ превыше бѣдъ!
 Приди, о дочь моя, приди мое рожденье,
 Да будетъ надъ тобой боговъ благословенье!
 Живой оспрадою наполнила мнѣ грудь!
 Любви къ родителю въ примѣрѣ попомни
 будь;

О имени твоемъ повѣдаютъ народы,
 И похвала твоя преидетъ изъ рода въ роды.
 Но ахъ, печальна мысль! сближается томъ
 срокъ,
 Когда распасться намъ судилъ жестокий рокъ.

А н т и г о н ѣ.

Еще ты жизнь веспи возможешь многи годы.

Э д и п ъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не льстись; пора исполнитъ
 кругъ Природы.

Родился человекъ дѣшъ и ѣснѣ ко поцѣвѣсть,
Потомъ скорбѣть, дряхлѣть, и смерти данъ
отнести.

Одинъ шедъ малый путь, другій прошедъ по
долѣ,
Въ гробу покаясь сномъ крѣпкимъ въ рав-
ной долѣ.

Но ты, о дочь моя! печаль свою умѣрь;
Смерть къ свѣтлой вѣчности намъ отверзаетъ
дверь.

Гдѣ мы?

А н т и г о н а.

Въ долину мы: окрестъ пусынные виды,
И близко межъ деревьевъ храмъ видѣвъ Евмениды.

Э д и п ъ.

Храмъ Евменидъ? увы! я вижу ихъ: онѣ
Спрячались въ яроспи съ опмщеніемъ ко мнѣ;
Въ рукахъ змѣи шипящъ, ихъ очи разпалены,
И за собой ведущъ всѣ ужасы геены.

А н т и г о н а.

Въ забвенье страшное ума впадаетъ онъ.

Э д и п ъ.

Гора несчастная, ужасный Кисееронъ!
Ты, первыхъ дней моихъ пусынная обитель,
Куда на страшну смерть меня извергъ роди-
тель,

Скажи: пещеръ своихъ во мрачной глубинѣ
Скрывалась ты когда звѣрей подобныхъ мнѣ?

А н т и г о н а (упадая на колѣни).

Спокойше мысль его, о вы могущи боги!

Э д и п ъ.

О сколько фурій терзаетъ меня вы спроги!
 Не выль на семъ пути мой обнажили мечъ,
 Чшобъ жизнь родишеля моей рукой пресъчь?
 Вотъ храмъ, гдѣ съ матерью меня вы сочепали;
 Изъ вашихъ змѣй вѣнцы намъ брачные спле-

тали;

Тамъ не былъ Гименей, Мегера тамъ была,
 И смрадный пламенный съ усмѣшкою загла.
 Вы люпосши свои, о фуріи, смягчите;
 Иль жизнь Едипову скорбе прекратите.

А н т и г о н а (*упадаетъ на камень*).

Отъ мыслей удали шоль спрашныя мечшы.

Э д и п ъ (*не вставая и отпалкивая ее*).

Оставь, о Полиникъ! меня оприся ты;
 Бѣги, и не смущай моей минушы слезной.

А н т и г о н а.

Ужель не узнаешь и дочери любезной?
 Увы! родишель мой, познай хоща мой гласъ.
 Нѣтъ Полиника здѣсь, весь міръ оставилъ
 насъ;

Одна я швоему свидѣтельница спону.
 Не опревай, молю, усердну Антигону.

Э д и п ъ (*пришедъ въ себя*).

Гласъ сладостный! о дочь! шакъ ты одна при
 мнѣ?

Увы! я здѣсь мечталъ какъ бы въ ужасномъ снѣ.
 Представилась мнѣ мать, родишель, Евмениды,
 Неблагодарныхъ чадъ прошивные мнѣ виды,
 И все сцѣпленте несносныхъ бѣдъ моихъ.

Сказала ты, что храмъ въ мѣстахъ воздвиг-
нутъ сихъ;

Пойдемъ (*встаетъ*), поидемъ въ немъ кон-
ца бѣдамъ ужаснымъ.

Едины алтари прибѣще несчастнымъ.

~~~~~  
Эдипъ, Антигона, часть воиновъ Тезея.

~~~~~  
Антигона (*бросаясь въ объятія къ Эдипу*).

Родитель! зрю тебя, благословенный часъ!

Эдипъ.

О утѣшительный, живошворящій гласъ!
Дочь милая! оцпшь я соединенъ съ тобою?
Такъ не совсѣмъ еще оспавленъ я судьбою,
Такъ не совсѣмъ еще забытъ и отъ небесъ;
Минуны мнѣ дають для радостнѣйшихъ слезъ,
И сердце горестью споль долго изнуренно,
Опдохнешъ наконецъ весельемъ оживленно.
О боги щедрые, благословлю васъ;
На землю временно вы посылая насъ,
На жизненномъ пути разсѣяли печали,
Чтобы мы радости живѣе ощущали,
И чтобы грустнѣе помимый человекъ,
Въ одинъ веселья часъ забылъ спраданій вѣкъ.

Антигона.

О добродѣтели власть сильна и священна!
Гонимая ты, въ самой себѣ ты утѣшенна;

Часть V.

X

И чистой совѣсти пріятный, тихій свѣтъ
 Чрезъ бездну горестей спокойно насъ ведешь.
 Но здѣсь, и видѣла несносну грусть порока:
 Она мучительна, перзательна, жестока.
 Предъ тѣмъ какъ ты меня въ объятія принялъ,
 Несчастный юноша въ глазахъ моихъ стоналъ.

Э д и п ъ.

Несчастный, говоришь, кто онъ? ахъ! всѣ не-
 щастны,
 Моимъ вздыханіямъ, моимъ слезамъ прича-
 сны;
 Сстрадающихъ всегда чувствительнѣй сердца.
 Сей юноша, скажи, уже ли безъ отца?
 Уже ли не носишь онъ названіе супруга?
 Уже ли въ мѣрѣ самъ себѣ не знаетъ друга,
 Ни брата, ни сестры, и словомъ никого,
 Ктобъ слезы пролилъ съ нимъ, печаль дѣ-
 лилъ его?

Пуцай приходишь онъ; однимъ благополуч-
 нымъ

Видъ огорченнаго бываешь только скучнымъ,
 Но я съ несчастными охотно слезы лью.

Пусть онъ придетъ печаль повѣришь мнѣ свою.
*(Антигона подаетъ знаки Полинику,
 который вошедъ останавливается.)*

А н т и г о н а.

Не смѣешь онъ припнн, ужасно преступле-
 нье. . . .

Э д и п ъ.

Не смѣешь? . . . . ты молчишь! какое подо-
 зрѣнье

Вселяешь въ сердца мнѣ? ты духъ смущаешь мой.

Не смѣлъ . . . . кто же онъ? не братъ ли
злойбный швой?

Не онъ ли грусть влечетъ себѣ въ достойной
долѣ?

Пуццай грустнѣѣ . . . кѣ нему не сострадаѣ
болѣ.

Чтобъ онъ не приходилъ, чтобы бѣжалъ, и съ нимъ

Я не хочу дышать здѣсь воздухомъ однимъ.

ПРЕЖНІЕ, ПОЛИНИИЪ:

П О Л И И Н К Ъ.

И такъ я осужденъ на вѣчныя мученья ;
И такъ не должно мнѣ надѣяться прощенья.
Нѣтъ ! не достоинъ я , чтобъ ты когда про-
стилъ ;

Я добродѣтели, природу оскорбилъ,
Неблагодаренъ былъ, я былъ безчеловѣченъ,
Твой справедливый гнѣвъ бытъ долженъ без-
конеченъ;

И кляшвою швоей спраданїя, напасшь,
Вопѣ все, что на земли мнѣ ошдано на часѣхъ.
Но естѣли можешъ въ насъ разкаянїе живое
Къ намъ небо мспишительно перемѣнишь въ
благое;

Когда Боговъ оно съ злодѣями миритъ,
Твой гнѣвъ, пловый правый гнѣвъ, ужель не
успокоитъ?

X 2

Уже ли въ яроспи всегда пребудетъ твердымъ?
Родитель будетъ ли одинъ немилосерднымъ?
Склонися къ милоспи, подобенъ будь Богамъ.
(Бросается къ ногамъ Эдила.)

Твой кающійся сынъ падетъ къ твоимъ ногамъ,
Тронись разкаяньемъ, въ которомъ я стенаю;
Почувствуй жаръ твоихъ слезъ, кошоры проливаю;
Онъ отъ чувствъ текутъ, душа источникъ имъ,
И вѣдостью равны мученіямъ моимъ.
(По нѣкоторомъ молчаніи).

Но ты молчишь, но ты чело свое скрываешь,
Прощеньи, жалобы и слезы отвергаешь.

Антигона (Упадая къ ногамъ Эдила).

Родитель мой! и я соединяюсь съ нимъ.
Чтобъ умолишь тебя, паду къ ногамъ твоимъ.
Вспрѣчались ли когда съ побою огорченны,
Которыхъ не были въ печали облегченны;
Которыхъ рѣчью ты оправдой не дарилъ,
И коихъ съ жизнью опять не примирилъ?
Иль сына своего ты не услышишь стона?

Эдипъ (Поднимая Антигону).

Ты просишь, за кого? любезна Антигона!
Пусть нечестивецъ сей тебя благодаритъ,
Что здѣсь чело мое еще онъ нынѣ зрѣтъ;
Что слышитъ голосъ мой. — Клянуса небесами,
Что безъ тебя его не пропущаю слезами;
Хотѣлъ у ногъ моихъ въ сей часъ онъ умирать,
И слова моего къ спасенью ожидалъ,
Никакъ бы жалости душа не изъявила,

Я бы безмолвенъ былъ какъ хладная могила.

(Къ Полинику.)

Скажи злодѣй, чего ты хочешь отъ меня?

П о л и н и к ъ.

Чтобъ чувствія свой ко мнѣ перемѣня,
Мой спонъ услышалъ ты, разкаянѣ увидѣлъ,
И чтобъ родитель мой меня не ненавидѣлъ.
Нѣтъ, я не варваромъ, не извергомъ рожденъ,
Порокомъ могъ я быть мгновенно побѣжденъ,
И уподобиться ужасному злодѣю.

Но душу пылкую, чувствительну имѣю,
И сердце нѣжное тобою мнѣ дано.

Увы! днесь спраждуце, разтерзанно оно,

Покрыто язвами, поскою изнуренно,

И страшной клятвою своею обремененно.

Ты даровалъ мнѣ жизнь, даруй ее мнѣ вновь,

Дай сердцу пищу, и возврати любовь.

Любовь швол, какъ лучъ божественный, не-
бесный,

Проникнешъ душу мнѣ, мой шокъ преспанешъ
слезный,

И въ добродѣтеляхъ я укрѣплюся ей.

Родитель! убѣдись ты прозьбою моею:

И милосердія являя совершенство,

Дай сыну своему хоть разъ вкусишь блаженство.

Ты согласишься ищи въ опеческу спрану,

Мою передъ тобой исправлю шамъ вину.

Семь вождей за меня всѣ силы вооружающъ,

Мой станъ, побѣда, пронъ Эдица ожидающъ,

Надъ войскомъ, надо мной тебѣ вручаю власъ.

Ѣишъ спѣны гордыя должны предъ нами пасъ,

И не изгнанника въ тебѣ увидишь болѣ,
 Но мощнаго Царя на опческомъ престолѣ,
 Спрадальчествомъ своимъ достойнаго вѣнца,
 И посреди дѣшей щасливаго отца.
 Я буду подданнымъ послушнѣйшимъ, вѣрнѣй-
 шимъ,
 И ревностнымъ рабомъ, и изъ сыновъ пѣж-
 нѣйшимъ;
 Въ супругъ же моей найдешь ты нѣжну дочь;
 Въ день будетъ ушѣшать, швой сонъ покроешь
 въ ночь,
 И такъ любишь тебя какъ любишь Андигона.
 Повѣрь, инаго мы не будемъ чинить закона,
 Какъ волю намъ свою, и швой хранишь покой
 Семейства цѣлаго союзною рукой;
 Въ забвенье у тебя привести моя злодѣйство.

Э д и п ъ.

Какой несчастный Царь тебя пріаль въ семей-
 ство?
 Какой отецъ возмогъ безъ чувствъ толкое
 быть,
 Чшобъ дочь свою тебѣ супругою вручить?
 Чшобы предать ее на горестъ и напасши?
 Или онъ о моей не вѣдалъ скорбной части?
 Неспокосердный сынъ, и подданныхъ пиранъ,
 Чувствительности даръ тебѣ когда былъ
 данъ?
 Тебѣ ли можно быть отцемъ, супругомъ нѣж-
 нымъ,
 Главою чадъ своихъ, и другомъ ихъ надеж-
 нымъ?
 Для сердца твоего какой союзъ священъ?

Одною гордостію упишанъ, пресыщенъ,
 Священнѣйшій союзъ ты испровергъ природы,
 Который первымъ чшунъ по всей земли на-
 роды.

Нѣмъ, не разнаянъ тебя ко мнѣ вело,
 Тщеславіе швое унизило чело;
 Оно причиною и слезъ швоихъ и стопа,
 Симъ чувствомъ приведенъ, и алчностію прона.
 Ты мыслишь оправданъ предъ небомъ и землей
 Войну, подвѣшную противъ спраны своей,
 Когда предлогомъ дашъ Эдипа защищеніе,
 Мое въ отечество и къ прону возвращеніе.

П о л и н и к ъ.

Клянуся всѣмъ тебѣ, что свято въ мѣрѣ есть,
 Что для тебя хочу и Оивскій скиптръ обрѣсть.

Э д и п ъ.

Меня склонилъ къ себѣ ты щещно уповаешь.
 Сей скиптръ, который мнѣ шоль щедро пред-
 лагаешь,

Не яль оставилъ самъ, не я ли вамъ вручилъ,
 Не я ли дней моихъ покой вамъ поручилъ;
 Былъ съ вами навсегда одной считаваъ отрадой,
 Неблагодарные! что было мнѣ наградой?

Презрѣнъ, ненавистъ, изгнанъ и позоръ.
 Роль смѣешь, ты на мнѣ останови свой взоръ:
 Зри ноги ты мои, сжимавашихъ извѣзденны;
 Зри руки, милостынь прошеніемъ ушомленны;
 Ты зри главу мою, лишенную волосъ,
 Ихъ изсушила грусть, и вѣшеръ ихъ разнесъ.
 Тѣмъ временемъ, тебя какъ услаждала нѣга,
 Твой изгнанный отецъ безъ пици, безъ почлега,
 Не зналъ куда главу несчастну приклонить.

Повсюду долженъ былъ вашъ стыдъ съ собой
влачить,

И дебри темныя, и глубины пещерны,
Природа зрѣла вся злодѣйства безпримѣрны.
Иди жестокѣй сынъ, усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой сироты,
Союзниковъ своихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата.
Но тамъ, у Оливскихъ сѣнихъ не тронъ тебѣ

гробовъ;

Десница мстящая тамъ ждетъ тебя боговъ.
Ошъ Оливскихъ областей, удѣлъ тебѣ сужденный,
То мѣсто лишь одно, гдѣ ты падешь сра-
женный.

Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,
По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;
Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,
Ошъ нѣдръ отвергнешъ прупъ, и смрадъ его
обыметъ,

И призоветъ звѣрей, птицъ хищныхъ изъ
лѣсовъ,

И подданныхъ твоихъ спрегущихъ дома псовъ.
Иди, бѣги, спѣши на ново пресупленье.
Всѣхъ васъ я чуждъ; мнѣ дочь семья и утѣ-
шенье.

Озеровъ.

CLIII.

О Т С Т А В К А.

Amour, né d'un soupir, est comme lui léger.

И такъ въ отставку ты уволенъ! . . . .
 Чпо двлать, нбжпой пастушокъ?
 Взять въ руки шляпу, посошокъ;
 Сказать спасибо, и доволенъ!
 Ищи, и слезки не пролишь.

Иду, желая милой Хлоб
 Пришло съ новымъ другомъ жить.
 Свобода дбло золотое,
 Свобода въ мысляхъ и въ любви.
 Минута чувства воспламеняетъ,
 Минута гаситъ огонь въ крови.
 Сердца любовниковъ смыкаетъ
 Не цбъ, но тонкой волосокъ;
 Дохнетъ ли рбзвой вбшерокъ,
 Порхнетъ ли бабочка межъ ими. . . . .
 Всеу конецъ, и свли нбтъ!
 На что упреками пустыми
 Терзашъ другъ друга? бблой свбтъ
 Своимъ порядкомъ вбкъ идетъ.
 Всб любятъ, Хлоя, разлюбляютъ,
 Клянутся, кляву пресступаютъ.
 Гдб судъ на вбтренность сердецъ?
 Чпо нынъ взору, чувствамъ мило,

То завтра будетъ имъ посылло.
 Теперь вамъ нравишся мудрець,
 Чрезъ часъ понравится глупецъ,
 И часто бога Аполлона
 (Чему свидѣтель древній мѣръ)
 Смѣнялъ въ любви лѣной Сатурнъ.
 Подъ скиптромъ душегубца Крона (*)
 Какому поспояншву быть?
 Гдѣ время Царь, тамъ все конечно,
 И развѣ въ вѣчности вамъ вѣчно
 Придется одного любить!

И такъ смотри въ глаза мнѣ смѣло;
 Я право, Хлоя, не сердитъ.
 Шумѣть мужей несносныхъ дѣло;
 Любовникъ видитъ, и молчитъ.
 Укажутъ дверь — и онъ съ поклономъ
 Ее затворитъ за собой;
 Не ссорясь съ новымъ Селадономъ,
 Пойдетъ. . . . спижи писать домой.

Я жилъ въ Аркадіи съ побою
 Не часъ, но цѣлыхъ сорокъ дней!
 Довольно — лучший соловей
 Поетъ не долѣе весною. . . .
 Я также, Хлоя, пѣлъ тебя! . . .
 И ты съ восторгомъ мнѣ внимала,
 Рукою. . . на песокъ писала:
 Люблю — люблю — умру любя!

(*) Сатурна.

Но старой другъ твой не забудеть,
 Что кто о старомъ помнить будетъ,
 Лишится глаза какъ Циклопъ (*):
 Пустьъ, Хлоя, мой обширной лобъ
 Подъ часъ украсится рогами,
 Лишь щолько былъ бы я съ глазами!

КАРАМЗИНЪ.

(*) Русская пословица: „Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.“

ПУТЕШЕСТВІЕ.

Начашъ до свѣта путь и ошупью идти,
 На каждомъ шагѣ спотыкаешься,
 Къ полднимъ уже за претъ дороги перебраться;
 Тутъ съ бурей и грозой бороться на пути,
 Но льстишь себя вдали какою-то мечпою;
 Опомнясь, подъ вечеръ вздохнуть,
 Искать пристанища къ покою;
 Найми его, прилечь, и наконецъ уснуть...
 Читатели! загадки въ модѣ;
 Хопитель ключъ къ моей имѣть?
 Все это значитъ въ переводѣ:
 Родиться, жить и умереть.

Конецъ пятой и послѣдней Часті.

ЕЗЪ ПЯТОМЪ ТОМЪ.

Стр. 145. стр. 13.

Стр. 158 стр. 20.

Стран. 162 стр. 1.

Стр. 163 стр. 30.

Стран. 140 стр. 9.

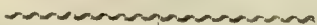
Стр. 248 стр. 1.

Стран. 253 стр. 14.

Стр. 309 посл. стр.

Стрѣн. 316 стр. 4.

Царевы милоспш сѣ поги- Царевы милоспш сѣ погнбе-
белью смежны лю смежны!

И
с

У

Гр

Гр

К

Ю

Н

Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на книгу: *Собраніе Рускихъ Стихотвореній.*

ВЪ МОСКВѢ:

Университетскаго Благороднаго Пенсіона библиотека, на 2 экз.

Ихъ Сіятељства:

Графъ Николай Николаевичъ Гудовичъ.
—— Григорій Сергеевичъ Салтыковъ.
Графиня Марья Александровна Мусина - Пушкина.
—— Надежда Ивановна Купайсова.
—— Софья Владимировна Панина.
—— . . . . . Дмипріева - Мамонова.
Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій.
—— Иванъ Михайловичъ Долгоруковъ.
—— Иванъ Николаевичъ Трубецкой.
—— Александръ Михайловичъ Голицынъ.

Ихъ Высочайшества:

Юрій Александровичъ Нелединскій - Мелецкій,
на 2 экз.
Николай Пепровичъ Архаровъ.

Ихъ Превосходительства :

Петръ Алексѣевичъ Ивашкинъ.
 Александръ Дмишрѣевичъ Арсецьевъ.
 Иванъ Ивановичъ Демидовъ.
 Левъ Ивановичъ Пошаповъ.
 Дмишрѣй Дмишрѣевичъ Шепелевъ.

Ихъ Выхородія :

Степанъ Григорьевичъ Мельгуновъ.
 Петръ Ивановичъ Спраховъ.
 Николай Евгеніевичъ Кашкинъ.
 Марья Ивановна Прошасова.

Ихъ Высокоблагородія :

Николай Николаевичъ Сушковъ.
 Дмишрѣй Петровичъ Глѣбовъ.
 Иванъ Николаевичъ Дурново.
 Елисей Степановичъ Люминарской.
 Андрей Родіоновичъ Кошелевъ.
 Василій Петровичъ Толстой.
 Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій.
 Михайла Петровичъ Забѣлинъ.
 Максимъ Ивановичъ Невзоровъ.
 Сергей Петровичъ Высоцкій.
 Гаврила Фадеевичъ Козловъ.
 Григорій Даниловичъ Даниловъ.
 Сергей Герасимовичъ Савинъ.
 Платонъ Петровичъ Бекетовъ.
 Николай Федоровичъ Кошанскій.
 Василій Михайловичъ Колосовъ.
 Александръ Васильевичъ Приклонскій.

Дми́трій Алекса́ндровичъ Сви́цовъ.
 Алекси́й Алексе́евичъ Варенцовъ.
 Дми́трій Акимовичъ Апухшинъ.
 Пётръ Алекса́ндровичъ Лихачевъ.
 Ива́нъ Григо́рьевичъ Мурашовъ.
 Мати́ей Яковле́вичъ Му́дровъ.
 Алекса́ндръ Алекса́ндровичъ Бахмешевъ.
 Алекси́й Алексе́евичъ Перовскій.
 Пётръ Андре́евичъ Новиковъ.
 Григо́рій Ива́новичъ Лазаревъ.
 Васи́лій Фе́доровичъ Дружининъ.
 Арка́дій Руфовичъ Степа́новъ.
 Степа́нъ Ива́новичъ Марковъ.
 Алекса́ндръ Фе́доровичъ Шу́ликовъ.
 Гаври́ла Семеновичъ Горожа́нскій.
 Григо́рій Семеновичъ Рябчу́говскій.
 Ка́шерина Егоровна Загря́жская.
 Ма́рья Григо́рьевна Бунина.
 Праско́вья Николаевна Ла́нская.
 Варва́ра Влади́мировна Ши́шкина.
 Ка́шерина Наумовна Пушкова.
 Гварді́й Капи́шанъ Пётръ Миха́йловичъ Бу-
 шу́ринъ.
 ——— Штабс-Капи́шанъ Никола́й Серге́е-
 вичъ Лева́шевъ,
 ——— Подпоручи́къ Андре́й Пётровичъ Хме-
 те́вской.
 ——— ——— Фе́доръ Васи́льевичъ Боборы-
 кинъ.
 Инже́неръ-Капи́шанъ Никола́й Лу́кьяновичъ
 Боборы́кинъ.
 Докто́ръ Медици́ны Дми́трій Ива́новичъ Ле-
 ви́цкій.

Магистръ Николай Андреевичъ Бекешовъ.
 ———— Пётръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ.
 Кандидатъ Федоръ Матвѣевичъ Корецкій.
 ———— Иванъ Михайловичъ Сибгиревъ.
 ———— Михайло Яковлевичъ Маловъ.
 Студентъ Дмитрій Пошаповичъ Шелеховъ.
 ———— Пётръ Филиповичъ Лакерда.
 ———— Данила Даниловичъ Шляхпичъ.
 ———— Михайла Петровичъ Хорошиловъ.
 Учитель Карлъ Осиповичъ Годонъ.

Ихъ Благородія :

Иванъ Павловичъ Голенищевъ - Кушуровъ.
 Николай Дмитриевичъ Иванчинъ - Писаревъ.
 Василий Ивановичъ Ильинъ.
 Александръ Николаевичъ Крыловъ.
 Левъ Дмитриевичъ Суцевъ.
 Никита Михайловичъ Муравьевъ.
 Василий Ивановичъ Козловъ.
 Дмитрій Петровичъ Ивановъ.
 Павелъ Александровичъ Семичевъ.
 Иванъ Ивановичъ Шанскій.
 Левъ Ивановичъ Бурдуковъ.
 Павелъ Николаевичъ Игнатъевъ.
 Иванъ Антоновичъ Гуровъ.
 Александръ Федоровичъ Воейковъ.
 Андрей Андреевичъ Травинъ.
 Иванъ Ивановичъ Борисоглазбскій.
 Николай Евграфовичъ Украинцевъ.
 Сергей Дмитриевичъ Бурнашевъ.
 Степанъ Васильевичъ Милюковъ.
 Владимиръ Николаевичъ Вороновъ.
 Александръ Степановичъ Ефремовъ.

Платонъ Парфентьевичъ Семиградскій.
 Платонъ Федоровичъ Карцовъ.
 Андрей Васильевичъ Беспужевъ.
 Иванъ Михайловичъ Руневъ, на 2 экз.
 Николай Филиповичъ Никифоровъ.
 Василій Андреевичъ Забѣла.
 Михайла Алексѣевичъ Киндяковъ.
 Григорій Михайловичъ Полянскій.
 Пётръ Андреевичъ Дьяконовъ.
 Сергей Николаевичъ Даргомыскій.
 Мэтрена Сергевна Славышенская.
 Анна Матвѣевна Мѣльникова.
 Павелъ Ивановичъ Пётровъ.
 Александръ Васильевичъ Арсеньевъ.
 Пётръ Ивановичъ Викспрантъ.
 Иванъ Семеновичъ Краценинниковъ.

Гравиръ Александръ Александровичъ Флоровъ.
 Иванъ Васильевичъ Нехочинъ.
 Пётръ Михайловичъ Беръ.
 Иванъ Николаевичъ Раевскій.
 Пипинъ Николаевичъ Араповъ.

Московскіе купцы:

Василій Дми́трѣевичъ Сорокинъ.
 Александръ Сергеевичъ Ширяевъ, на 4 экз.
 Александръ Дми́трѣевичъ Грачевъ.
 Пётръ Ивановичъ Кошеверовъ.
 Иванъ Пётровичъ Глазуновъ, на 10 экз.
 Василій Яковлевичъ Яковлевъ.
 Павелъ Пётровичъ Таголинъ.
 Алексѣй Андреевичъ Кирьяновъ.
 Пётръ Ивановичъ Глазуновъ, на 5 экз.

Иванъ Николаевичъ Пети.
 Осипъ Леонтьевичъ Свѣшниковъ, на 2 экз.
 Никиша Степановичъ Порывкинъ.
 Пётръ Ивановичъ Ладшинъ.
 Григорій Никишичъ Кольчугинъ.
 Пётръ Николаевичъ Иниховъ.
 Филиппъ Петровичъ Сверчковъ.
 Василій Васильевичъ Курбатовъ.
 Афанасій Григорьевичъ Колошилинъ, на 20 экз.
 Яковъ Федоровичъ Нѣмовъ, на 2 экз.
 Егоръ Андреевичъ Бердоносцовъ.
 Николай Матвѣевичъ Глушковъ.
 Василій Степановичъ Шишовъ.
 Михайло Михайловичъ Богатыревъ.
 Иванъ Петровичъ Уваровъ.
 Иванъ Федоровичъ Молчановъ.
 Иванъ Семеновичъ Крапсенинниковъ.
 Павелъ Федоровичъ Молчановъ.
 Дмитрій Михайловичъ Кириловъ.
 Василій Александровичъ Звѣревъ.
 Нѣжинскій Грекъ Иванъ Спавровичъ Меласъ.
 Неизвѣстный.

ВЪ ГОРОДАХЪ.

Въ Санктпетербургѣ:

Его Высокопреподобіе, Александровской Лауры
 Архимандритъ Іона.

Ихъ Сіятельства:

Графъ Сергій Михайловичъ Каменскій.
 — . . . . . Хвостовъ.

Генералъ - Адъютантъ Графъ Комаровскій.
 Сенаторъ Графъ Огинскій.
 Графиня Наталья Петровна Ланжеронъ.
 Князь Борисъ Владимировичъ Голицынъ.
 ——— Гагаринъ.
 ——— Подпоручикъ Друцкой - Соколинскій.
 Баронъ Пётръ Александровичъ Черкасовъ.

Ихъ Высочайшества :

Сергей Козмичъ Везмишиновъ.
 Василій Степановичъ Поповъ.
 Марья Алексеевна Нарышкина.

Ихъ Превосходительства :

С. Петербургскаго Учебнаго Округа Попечитель, Сергій Семеновичъ Уваровъ.
 Иванъ Ивановичъ Маршановъ.
 Павелъ Гавриловичъ Дивовъ.
 Григорій Ивановичъ Вилламовъ.
 Николай Ивановичъ Лавровъ.
 Алексѣй Андреевичъ Беклешовъ.
 Александръ Марковичъ Полторацкій.
 Павелъ Петровичъ Вырубовъ.
 Байковъ.
 Обрѣзовъ.
 Гвардіи Полковникъ Набоковъ.
 ——— Подполковникъ Михайло Львовичъ Наскинъ.

Ихъ Высочайшества :

Павелъ Александровичъ Галаховъ.
 Дарья Николаевна Допухина.

Полковникъ Гавриленковъ.
 ——— Вронской.

Ихъ Высокоблагородія :

Николай Ивановичъ Гречь.
 Головлевъ.
 Черняевъ.
 Родѣонъ Михайловичъ Быковъ.
 Гаврило Васильевичъ Чераковъ.
 Димитрій Матвѣевичъ Рокоповъ.
 Куринскій.
 Владимиръ Петровичъ Козляниновъ.
 Иванъ Михайловичъ Сровицкій.
 Иванъ Петровичъ Нирошворцевъ.
 Александръ Николаевичъ Фопонцовъ.
 Леонцій Васильевичъ Редриковъ.
 Григорій Павловичъ Согеляевъ.
 Павловъ.
 Христіанъ Ивановичъ Дуропъ.
 Иванъ Ивановичъ Форшъ.
 Николай Степановичъ Спремоуховъ.
 Люценко.
 Чириковъ.
 Евлампій Максимовичъ Мощепановъ.
 Алексѣй Филиповичъ Фѣалковскій.
 Иванъ Осиповичъ Тимковскій.
 Николай Степановичъ Ильинскій.
 Петръ Констаншиновичъ Еремеевъ.
 Иванъ Петровичъ Алексѣевъ.
 Василій Никифоровичъ Толбузинъ , на 3 экз.
 Филипъ Филиповичъ Вагиль.

Треборнъ.

Петръ Семеновичъ Кондорскій.

Коммерціи Совѣтники :

А. Н. Пещеровъ.

Александръ Яковлевичъ Вильсонъ.

..... С.

Лейб - Гвардіи Штабсъ - Капитанъ Копенинъ.

——— Поручикъ Квашнинъ-Самаринъ.

——— — Николай Сергеевичъ Беклешовъ.

——— Юнкеръ Норовъ.

——— Прапорщикъ Сергей Федоровичъ Вындомскій.

Ихъ Благородія :

Степанъ Григорьевичъ Лазаревъ.

Александръ Григорьевичъ Лазаревъ.

Отставной Поручикъ Лапшевъ.

Федоръ Михайловичъ Анпоновъ.

Василій Михайловичъ Цвѣтковъ.

Василій Кондрашьевичъ Семеновскій.

Аверкѣевъ.

Григорій Васильевичъ Григорьевъ.

Губернскій Секретарь Кашкинъ.

1 й Гильдіи купецъ Варакинъ.

Сомовъ.

Неизвѣстный.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

Неизвѣстный.

Княжевичъ Александръ Максимовичъ.

Павелъ Петровичъ Шубинъ.

Воспоковъ.
 Яковлевъ.
 Григорій Александровичъ Курапцовъ.
 Иванъ Яковлевичъ Вильсонъ.
 Иванъ Никифоровичъ Люшинъ.
 Бѣлобровъ.
 Неизвѣстный.
 Яковъ Васильевичъ Толмачевъ.
 Пётръ Алексѣевичъ Мезенцовъ.
 Сѣдовъ.
 Дмишрій Похвистинъ.
 Василій Леонтьевичъ Коровинъ.
 Нипоркинъ.
 Александръ Ивановичъ Красильниковъ.
 Алексѣй Ивановичъ Ефремовъ.
 Михайло Ивановичъ Спаровъровъ.
 Василій Ивановичъ Клиновъ.
 Иванъ Ильичъ Ильинъ.
 Войне.
 Фадѣенко.
 Бибиновъ.

Санктпетербургскіе кулцы :

Захаръ Васильевичъ Кисловъ.
 Иванъ Александровичъ Уваровъ.
 Иванъ Петровичъ Коспинъ.
 Пётръ Николаевичъ Поляковъ.
 Леонцій Свѣшниковъ.
 Василій Леонтьевичъ Свѣшниковъ.
 Пётръ Глазуновъ.
 Иванъ Ивановичъ Заикинъ.
 Пётръ Григорьевичъ Спупинъ.

Петръ Ивановичъ Галаушинъ, Чухломской купецъ.

Мѣщанковъ, Нижегородской мѣщанинъ.

В ъ Р о с т о в ѣ:

Его Благородіе Иванъ Алексѣевичъ Юматовъ.

Рословскій купецъ Николай Ивановичъ Бояркинъ, на 2 экз.

В ъ Р я з а н ѣ:

Его Превосходительство Левъ Васильевичъ Третьяковскій.

Семинаріи Учитель Федоръ Ивановичъ Серезевской.

В ъ Пензѣ. Князь Григорій Сергеевичъ Голицынъ.

В о М ц е н с к ѣ:

Ея Превосходительство Елисавета Федоровна Прохасова.

Его Высокоблагородіе Александръ Матвѣевичъ Шеншинъ.

Его Высокоблагородіе Алексѣй Петровичъ Вырубовъ.

Его Благородіе Яковъ Ивановичъ Прохасовъ.

Его Благородіе Петръ Васильевичъ Римской-Корсаковъ.

В ъ Т а м б о в ѣ:

Пелагея Кириловна Трубицына.

Павелъ Александровичъ Сатинъ, на 2 экз.

Николай Матвѣевичъ Малинъ.

Въ Ольгополѣ. Городничій, Подполковникъ Степанъ Ивановичъ Васиневъ.

— *Нижнеѣ-Доловѣ.* Его Высокоблагородіе Федоръ . . . . . Никифоровъ.

— *Архангельскѣ.* Часный Приставъ Александръ Михайловичъ Молчановъ.

— *Бѣлевѣ.* Ея Высокоблагородіе Каперина Афанасьевна Прошасова.

— *крѣпости Килии.* Медикъ при Военной Госпитали, Маркъ Яковлевичъ Магазинеръ.

В ъ К і е в ѣ:

Его Благородіе Федоръ Григорьевичъ Райзельсонъ-Сошальскій.

Ея Благородіе Александра Ивановна Лапицкая.

Въ крѣпости *Силистріи.* 1ой Дивизіи Ярославскаго мушкетерскаго полку Подпоручикъ Рославлевъ 2й.

— *Ефремовѣ.* Его Высокоблагородіе Дмирій Николаевичъ Озеровъ.

— *Симферополѣ.* Его Благородіе Иванъ Захаревичъ Аверкіевъ.

— *Воронежѣ.* Его Благородіе Владимиръ Петровичъ Веневитиновъ.

— *Ельцѣ.* Его Высокоблагородіе Иванъ Андреевичъ Кологривовъ.

В ъ О р л ѣ:

Его Высокоблагородіе Иванъ Пешровичъ Охот-
ничкой.

— Благородіе Николай Игнашъевичъ Шенингъ.

— — Алексѣй Александровичъ Павловъ.

Въ Ряжскѣ. Шпабсѣ - Капитанъ Иванъ Са-
шинъ.

— Харьковѣ. Алексѣй Федоровичъ Бѣлоусовъ,
на 5 экз.

— Одессѣ. Александръ Овчинниковъ, на 2 экз.

— С. Петербургѣ. Иванъ Ильичъ Ильинъ, на 138
экз.

— Казани. Машвѣй Ивановичъ Панинъ, на 2 экз.

— Юрьевѣ - Польскомъ. Фотій Михайловичъ
Мишъковъ.

— Старо - Константиновѣ. Полковникъ Федоръ
Васильевичъ Зварыкинъ.

В ъ Т у л ѣ:

Коллежскій Ассессоръ Василій Егоровичъ Каб-
луковъ.

— Антонъ и Андрей Красильниковы, на 2
экз.

— Владимирѣ. Федоръ Васильевичъ Филосо-
фовъ, на 3 экз.

В ъ К у р с к ѣ:

- Его Благородіе Михайло Егоровичъ Барсовъ.
 ————— Василій Ермиловичъ Поповъ.
 ————— Иванъ Васильевичъ Драгневичъ.
 — Саранскѣ. Григорій Васильевичъ Ченцовъ.
 — Волскѣ. Максимъ Даниловичъ Смирновъ.
 — Иркутскѣ. Николай Алексѣевичъ Полевой.
 — Дорогобужѣ. Дмипрій Степановичъ Рыбни-
 ковъ.
 — Сибирскѣ. Его Благородіе Алексій Нико-
 лаевичъ Звонаревъ.
 — Грязовецѣ. Его Благородіе Иванъ Афанась-
 евичъ Брянчаниновъ.
 — Вышнемъ - Волоскѣ. Козьма Никипичъ Ку-
 зинъ.
 — Новолъ - Осколѣ. Василій Дмипріевичъ Кор-
 нилевъ.
 — Романовѣ. Штабсъ - Капитанъ Федоръ
 Федоровичъ Головинъ.
 — Нижнемъ - Новгородѣ. Его Благородіе Па-
 велъ Пепровичъ Пепровскій.
 — Вологдѣ. Алексій Пепровичъ Мельгуновъ.
 — Галичѣ. Яковъ Ивановичъ Козловъ.

Въ Копельникѣ. Семенъ Дмитріевичъ Зыринъ,
на 3 экз.

— *Уфѣ.* Михайло Андреевичъ Кадкинъ, на 2 экз.

— *Казани.* Петръ Ивановичъ Пуринъ, на 2 экз.

— *Макарѣевѣ.* Его Благородіе Александръ Николаевичъ Араповскій.

— *Саринскѣ.* Николай Алексѣевичъ Бахмешевъ.

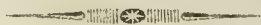
В ъ И р к у т с к ѣ :

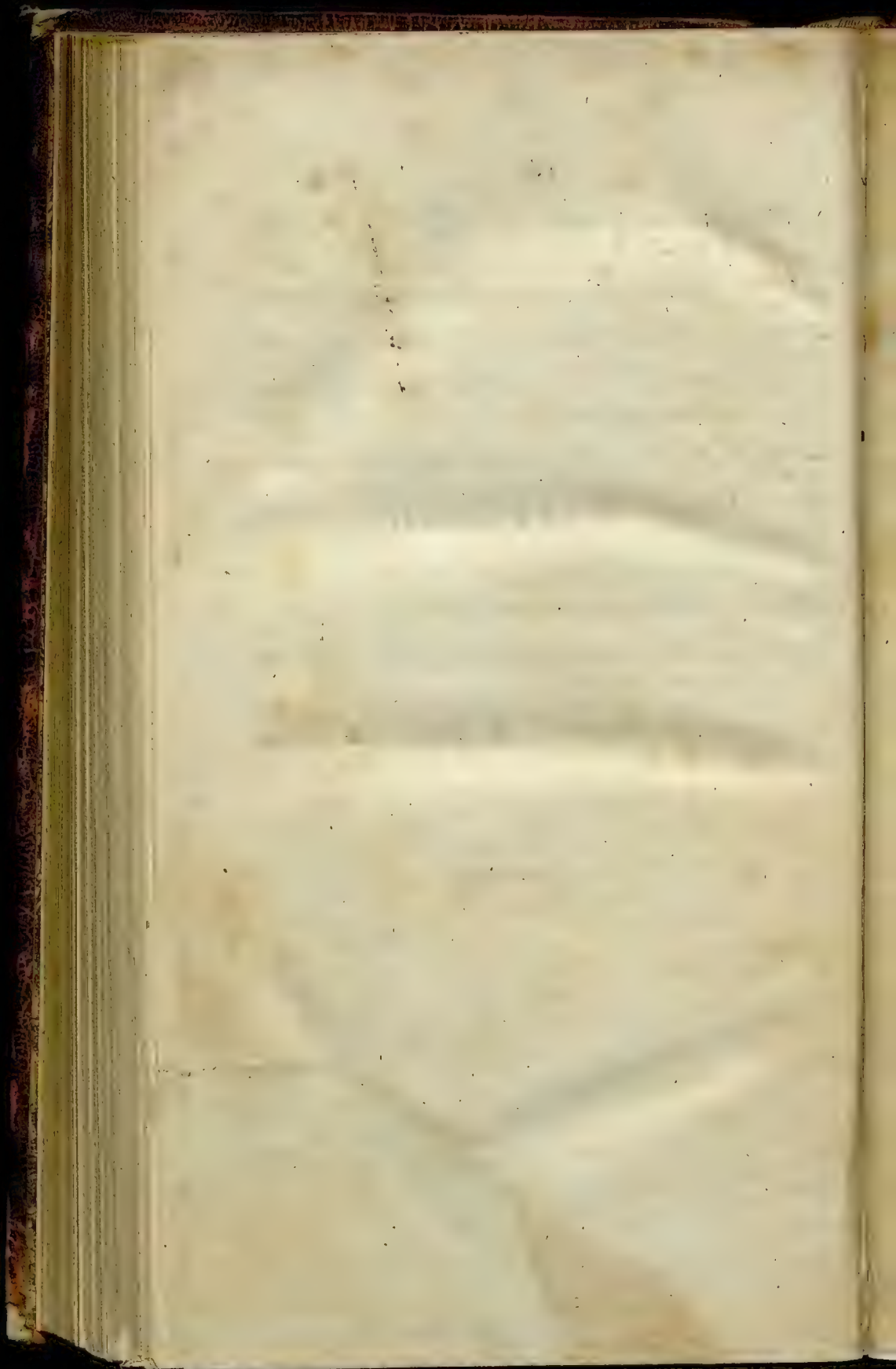
Яковъ Петровичъ Донской.

Гаврила Спиридоновичъ Бѣлоголовъ.

Въ Княгининѣ. Ея Высокоблагородіе Надежда Федоровна Вишнякова.

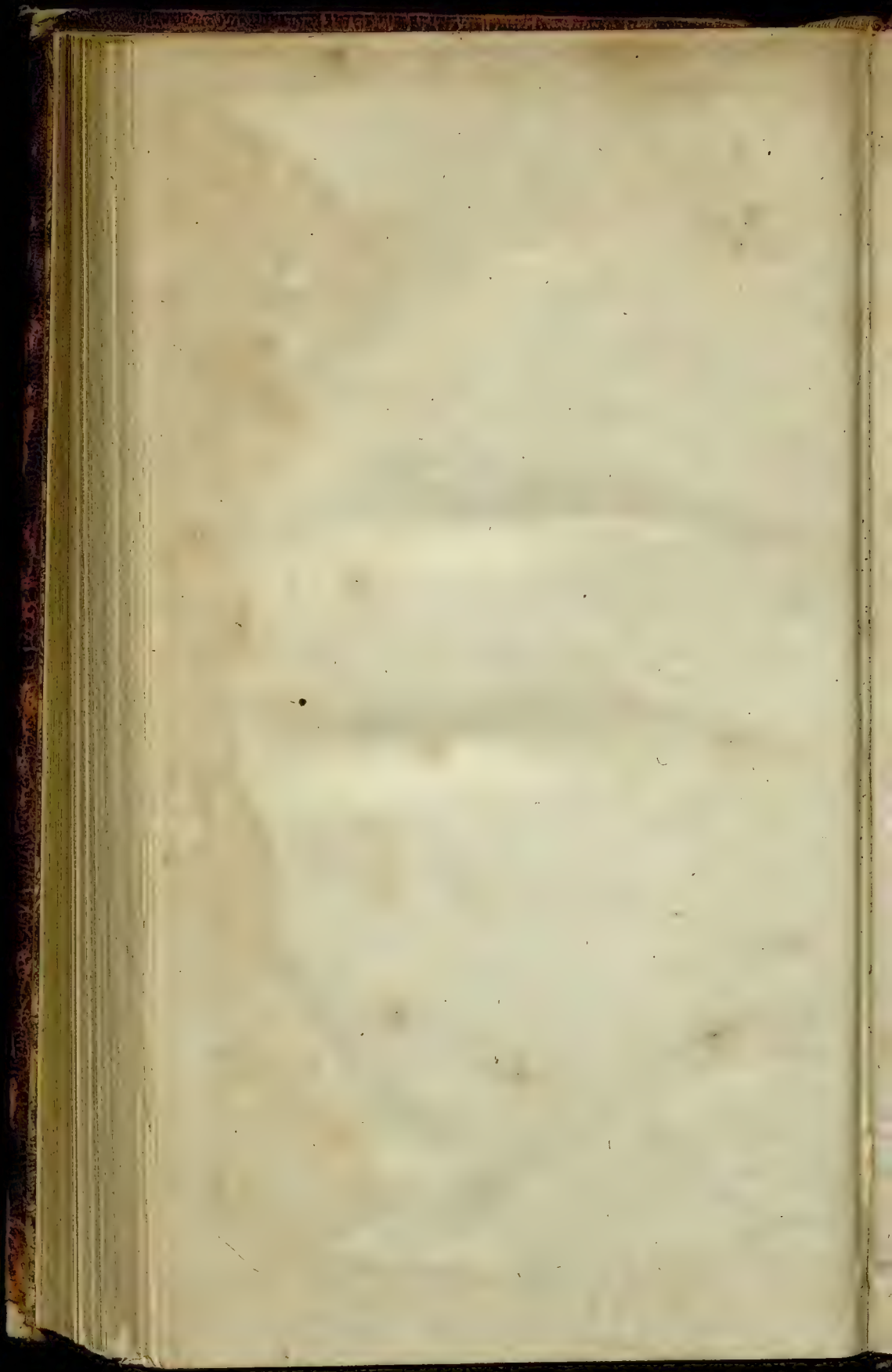
— *Твери.* Ея Высочородіе Мавра Егоровна Быховцова.

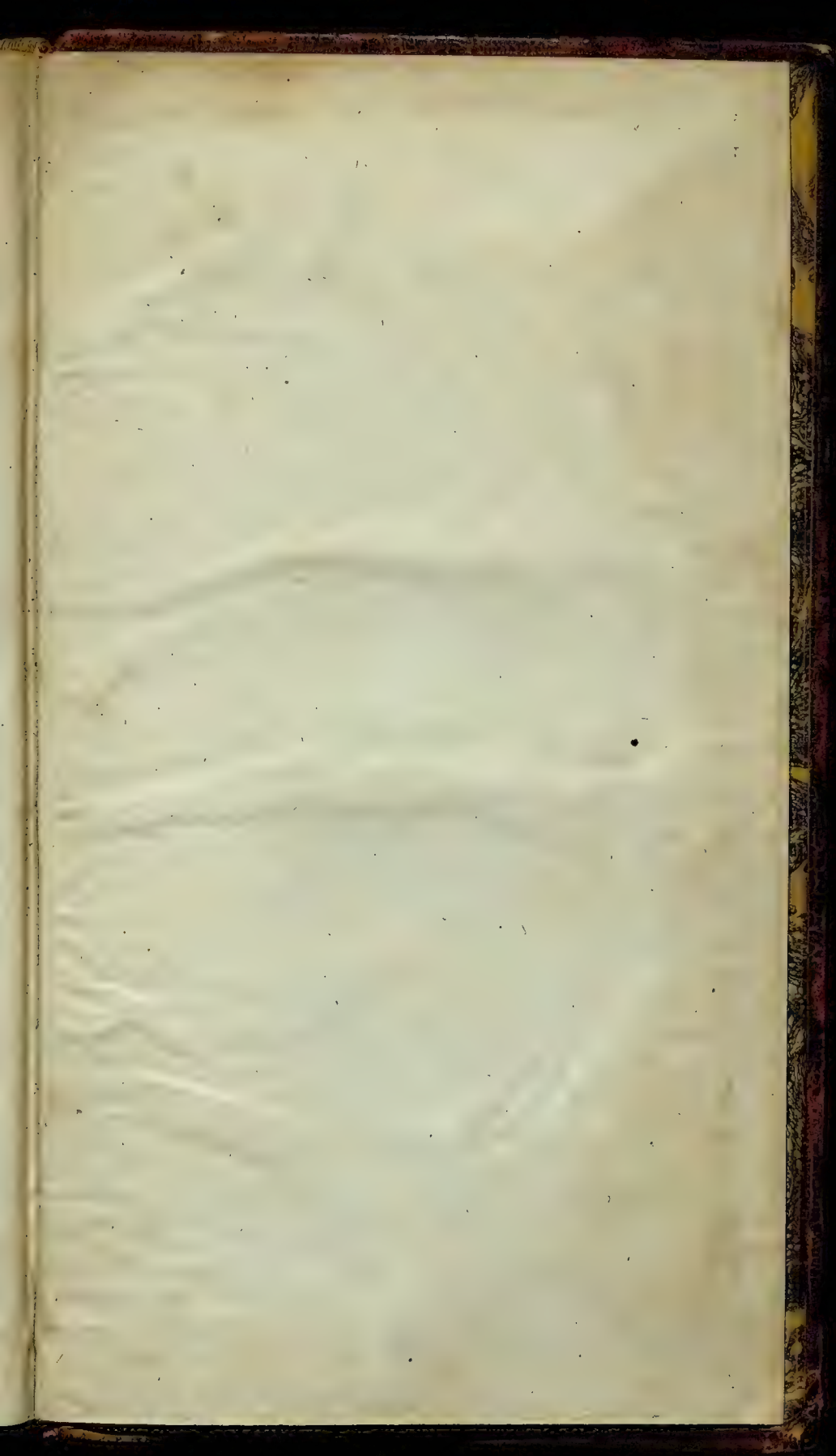

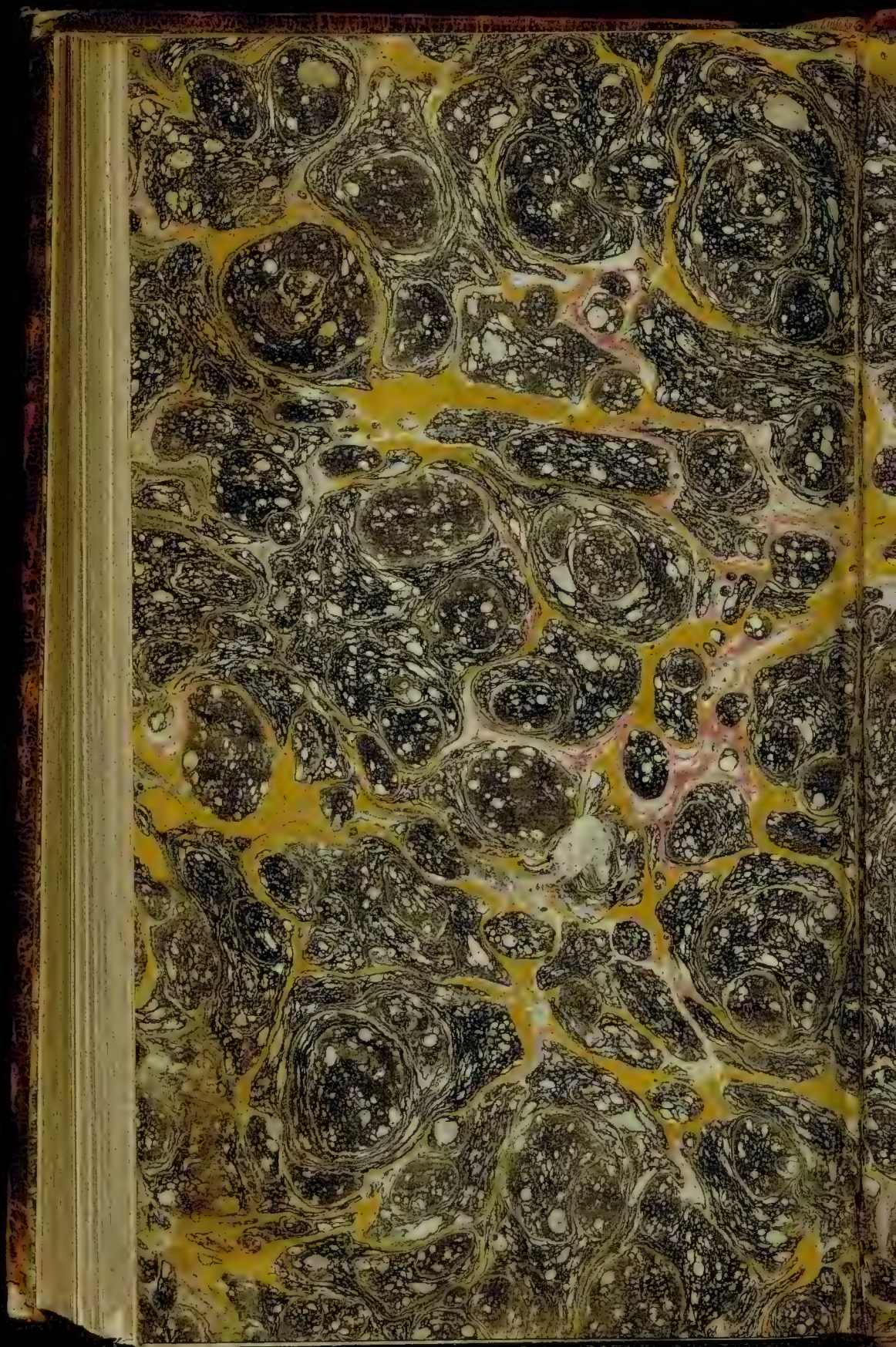

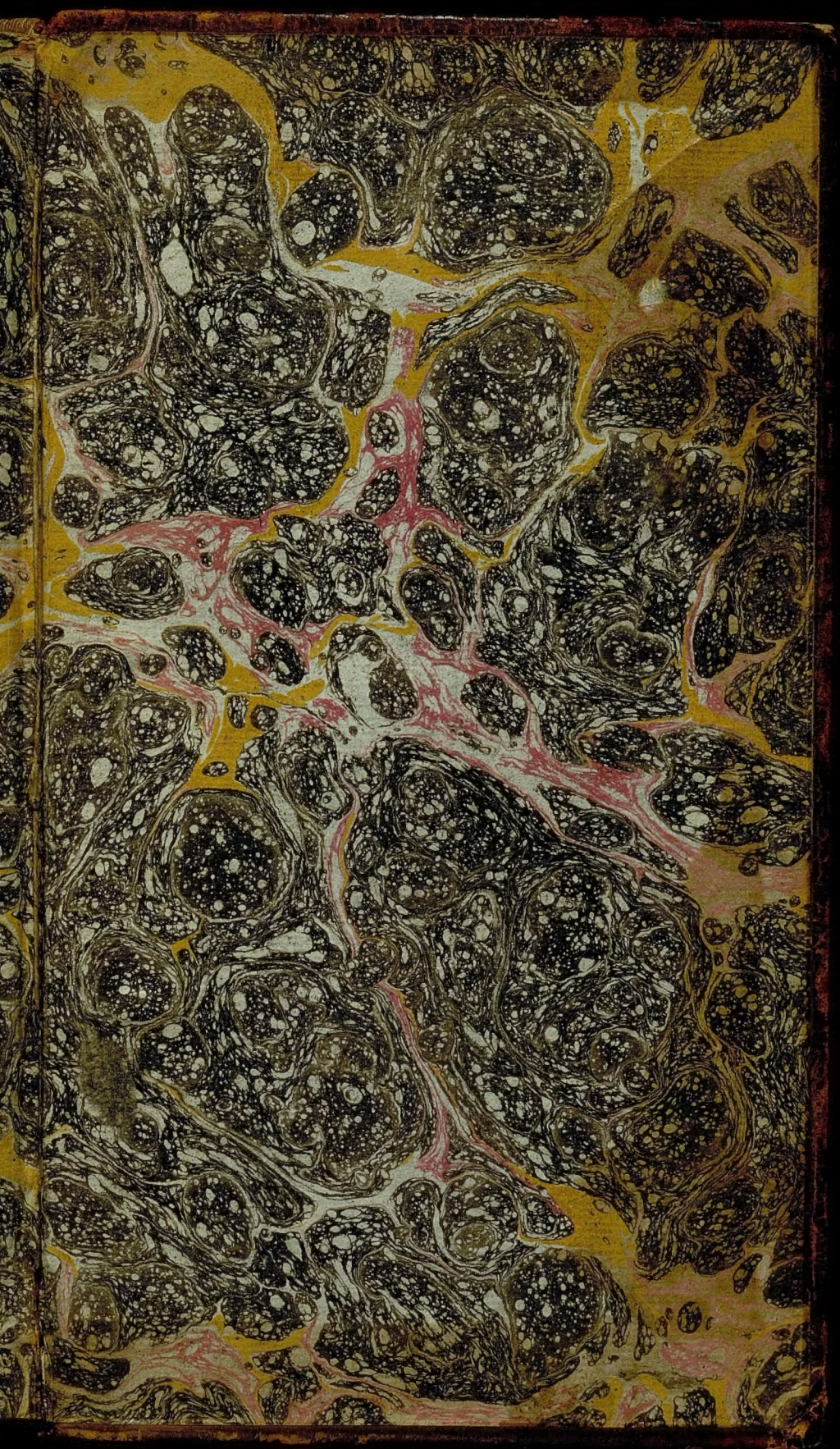

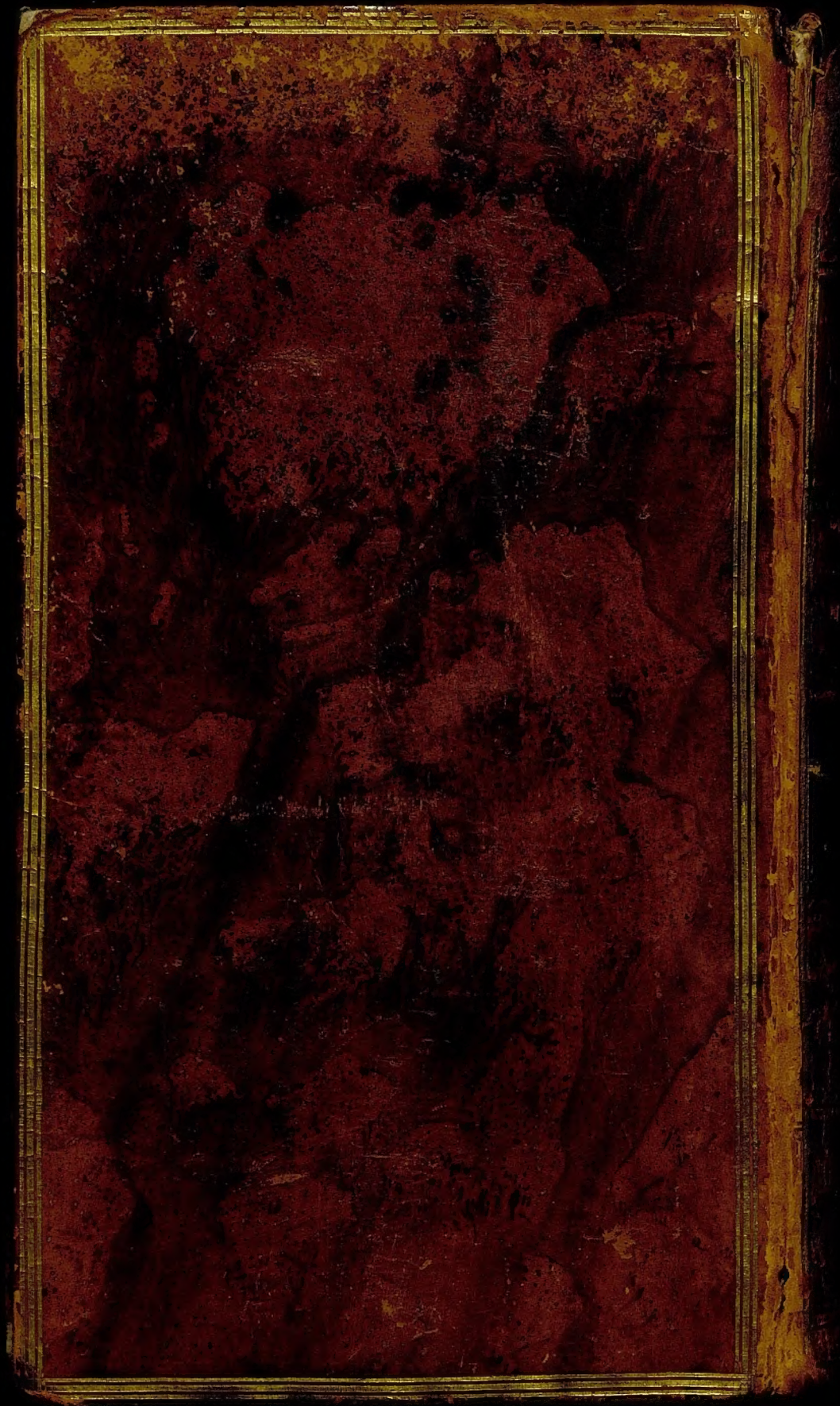

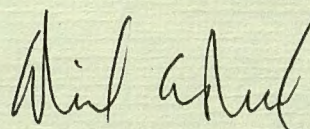

FINE ARTS BROKERAGE SERVICE

Letter of Authenticity

This letter certifies that this lot purchased from Fine Arts Brokerage Service on Sothebys.com is from the Estate of Jascha Heifetz. These books were part of Jascha Heifetz's personal collection.

Dan O'Donnell

Vice President
Property Services

FINE ARTS BROKERAGE.COM
an associate of Sothebys.com

9440 Santa Monica Blvd. • Suite 705 • Beverly Hills, CA 90210 • 310-205-8750 • Fax 310-253-9518

